ИДЕОЛОГИЯ НАСИЛИЯ

Юридико-лингвистический анализ книги «Сектоведение» А. Дворкина

А. Н. Дорн

Оглавление

Пролог. Стук в дверь

Глава 1. От эмигранта до инквизитора. Формирование идеологии

Глава 2. Архитектура влияния

Глава 3. Книга, ставшая приговором. Структура и основные тезисы

Глава 4. Структура языка вражды. Лингвистический анализ риторики Дворкина

Глава 5. Фабрика страха. Механика создания моральной паники

Глава 6. Логические ловушки и софизмы в действии

Глава 7. Свобода совести под прицелом: Юридический анализ «Сектоведения» в правовом поле России и Украины

Глава 8. На языке закона. Проверка на уголовный кодекс

Глава 9. Оценки по юрисдикциям. Международное право как зеркало для «сектоведа»

Глава 10. Сектоведение как идеология превосходства и призыв к геноциду. Юридико-лингвистический анализ

Эпилог. Искусство быть человеком

Источники и литература

Пролог. Стук в дверь

Представьте, что однажды утром вас будит не будильник, а грохот в дверь. Не просто стук, а именно грохот — тот самый звук, который внутренности превращает в ледяной ком, а сон мгновенно испаряется, оставляя после себя лишь липкий, животный страх. Вы подскакиваете на кровати, сердце колотится где-то в горле, пытаясь вырваться наружу. Рядом испуганно садится жена, дети в соседней комнате начинают плакать. Грохот повторяется, теперь уже сопровождаемый отрывистым, безликим голосом, который требует открыть, угрожая выломать дверь. Ваша квартира, ваша крепость, ваш маленький, уютный мир, построенный годами, в одно мгновение перестает быть вашим. Вы наспех набрасываете халат, подходите к двери, смотрите в глазок и видите их — людей в форме. За их спинами маячат фигуры в штатском, с такими же пустыми, невыразительными лицами. В руках одного из них — бумага. Ордер.

В следующую минуту ваша жизнь, какой вы ее знали, заканчивается. Они входят, и дом наполняется чужими шагами, чужими запахами, чужой волей. Вам зачитывают постановление об обыске. Слова «экстремистская деятельность», «разжигание розни», «участие в деструктивной организации» звучат как бред, как сцена из плохого фильма. Вы — инженер, или врач, или художник. Вы ходите на работу, платите налоги, воспитываете детей, по выходным ездите на дачу. Да, у вас есть своя вера. Возможно, вы занимаетесь йогой и медитацией. Может, вы собираетесь с друзьями почитать и обсудить философские трактаты. Или вы нашли утешение в небольшой евангельской общине, где люди поют песни и помогают друг другу. Ваша вера — это ваше личное, сокровенное пространство, источник света и сил. Но теперь ее, ваши книги, ваши мысли и убеждения объявили «экстремистскими».

Обыск — это методичное вторжение в ваше личное пространство. Они выворачивают шкафы, перетряхивают белье, пролистывают ваши семейные альбомы. Их интересует не то, что вы прячете, а то, что вы

читаете, то, о чем вы думаете. Вот они находят полку с вашими книгами. «Бхагавад-гита», труды по буддизму, книги по психологии, сборники стихов. Для них это не библиотека думающего человека, а склад «экстремистской литературы». Следователь с брезгливым видом берет в руки ваше личное издание, которое вы читали десятки раз, где на полях остались ваши заметки, ваши вопросы, ваши открытия. Он не видит в этом диалога души с вечностью. Он видит улику.

Они забирают ваш компьютер, ваш телефон, ваши личные дневники. Все то, где хранится ваша память, ваши самые сокровенные мысли. Они упаковывают вашу душу в картонные коробки и уносят с собой, оставляя за собой разгром, плачущую жену и детей, которые смотрят на вас с ужасом и непониманием. Почему папу забирают эти строгие люди? Что он сделал не так? И вы не знаете, что им ответить, потому что и сами не понимаете. Вы не сделали ничего.

Затем следует допрос. Длинные, изматывающие часы в казенном кабинете, пахнущем пылью и дешевым кофе. Вам задают вопросы, которые кажутся абсурдными. «Кто ваш гуру?», «Вы подвергались контролю сознания?», «Сколько денег вы пожертвовали организации?», «Вас принуждали разрывать связи с родственниками?». Вы пытаетесь объяснить, что у вас нет никакого «гуру», что вы свободный человек, сделавший осознанный выбор, что ваши пожертвования — это добровольная помощь, а ваши отношения с семьей — это ваше личное дело. Но вас не слышат. Ваши ответы, ваши искренние слова прогоняют через странный, уродливый фильтр. Каждое ваше объяснение лишь подтверждает заранее вынесенный вердикт. Вы говорите о духовном поиске — они слышат «вербовка». Вы говорите о братской поддержке — они слышат «психологическая зависимость». Вы говорите о медитации — они слышат «введение в транс».

Вы понимаете, что говорите с ними на разных языках. Вы апеллируете к логике, к здравому смыслу, к правам человека. А они

апеллируют к цитатам, к готовым формулировкам, к некоему «экспертному мнению». В какой-то момент следователь, устав от ваших «отрицаний», бросает на стол толстую книгу в темной обложке и тычет в нее пальцем: «Вот, читайте. Тут про таких, как вы, все написано. Это наука. Сектоведение». И вы видите на обложке имя, которое отныне станет символом вашей разрушенной жизни: Александр Дворкин.

А основанием для этого кошмара, для ордера на обыск, для уголовного дела, для клейма «экстремиста» стала одна книга, написанная одним человеком.

Возвращение домой не приносит облегчения. Оно приносит новую боль. Жена, которую тоже вызывали на допрос, которой показывали эту же книгу и «разъясняли» суть вашей «секты», смотрит на вас с сомнением и страхом. Ей сказали, что вы — жертва «промывки мозгов», что вас нужно «спасать». Родственники, напуганные звонками «компетентных органов», начинают уговаривать вас «одуматься», «вернуться к нормальной жизни», «покаяться». Они не верят вам, они верят тому, что им сказали люди, облеченные властью, и тому, что написано в «научной» книге. Ваши попытки объяснить, что вас оклеветали, воспринимаются как симптомы болезни, как упрямство «зомбированного» адепта. Диалог невозможен. Мосты, которые вы строили всю жизнь, рушатся один за другим.

С работы вас увольняют. Неофициально, конечно. Начальник вызывает вас, мнется, отводит глаза и говорит что-то про «сокращение штатов» или «оптимизацию». Но вы оба понимаете истинную причину. Слухи уже расползлись. «Сектант», «экстремист». Никто не хочет иметь с вами дела. Вы становитесь токсичным. Коллеги, с которыми вы вчера пили чай и обсуждали футбол, сегодня переходят на другую сторону улицы, завидев вас. Друзья перестают звонить. Сначала один, потом другой. Их можно понять. У них семьи, работа, ипотека. Связь с «неблагонадежным элементом» — слишком большой риск.

Ваш мир сужается до размеров вашей квартиры. Но и здесь вы не чувствуете себя в безопасности. Каждый звонок в дверь заставляет вас вздрагивать. Каждый незнакомый номер на экране телефона вызывает приступ паники. Вы начинаете бояться людей, бояться выходить на улицу. Социальная изоляция — это не просто одиночество. Это медленная смерть личности. Человек — существо социальное. Лишенный связей, он перестает быть собой. Вы смотрите в зеркало и не узнаете себя. Перед вами измученный, затравленный человек с потухшим взглядом. И все это — из-за слов. Из-за слов, написанных в одной книге. Слов, которые обрели силу закона, силу приговора. Слов, которые оказались страшнее дубинок и тюремных решеток, потому что они построили тюрьму вокруг вашей души, невидимую, но от этого не менее реальную.

Эта история, хоть и является собирательным образом, к сожалению, не выдумка. Это концентрированная реальность тысяч, если не сотен тысяч людей по всей стране, чьи жизни были перемолоты жерновами антикультовой машины, запущенной и ведомой Александром Дворкиным. Это истории кришнаитов, которых избивали на улице, спровоцированные антисектантской пропагандой. Это история попытки запрета «Бхагавад-гиты» — священного текста для миллиарда человек по всему миру, — инициированной последователями Дворкина и основанной на его «экспертизе», что едва не привело к международному скандалу. Это история хабаровской церкви «Благодать», которую пытались ликвидировать на основании абсурдного обвинения в том, что их молитвы наносят вред здоровью — типичного тезиса из арсенала «сектоведов». Это уголовное дело против общины Виссариона, где целые главы из книги Дворкина используются следствием в качестве доказательной базы, — и десятков других подобных дел, в которых идеология Дворкина превращалась в инструмент репрессий против верующих. Каждая из этих историй — это сломанная судьба, расколотая семья, разрушенная репутация.

Читая книгу «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования», вы погружаетесь в мир, разделенный на черное и белое. С одной стороны — «традиционные религии», в первую очередь, конечно, православие в его единственно верной, по мнению автора, трактовке. Это — зона света, добра и «духовной безопасности». С другой стороны — все остальные. Все, кто не вписывается в эту прокрустову систему координат, автоматически попадают в категорию «тоталитарных сект». Свидетели Иеговы, мормоны, пятидесятники, сайентологи, кришнаиты, последователи различных восточных практик, психотренингов — все они для Дворкина одним миром мазаны. Все они — враги.

Книга написана в жанре энциклопедии зла, досье на врага. Автор не утруждает себя научным нейтралитетом или попыткой понять инакомыслящего. Его цель — не анализ, а обвинение. Его метод — не исследование, а компиляция самых мрачных слухов, предвзятых интерпретаций и откровенных домыслов. Он берет самые жуткие и кровавые истории культов, такие как массовое самоубийство в Джонстауне или газовая атака «Аум Синрикё» в токийском метро, и экстраполирует эти единичные трагедии на все без исключения новые религиозные движения. Логика этого приёма проста и убийственна: даже если трагедия на самом деле была совершена людьми, не имеющими отношения к конкретной организации, но приписана ей, — это используется как доказательство того, что все подобные движения и их участники якобы потенциально преступны. Это всё равно что судить обо всём христианстве по действиям средневековой инквизиции или по отдельным преступлениям, совершённым священнослужителями РПЦ. Ведь мы знаем, что среди тысяч священников встречаются случаи насилия и педофилии, о которых регулярно сообщают СМИ, — но это вовсе не значит, что всё православие таково. Это не просто ошибка: это сознательная манипуляция, направленная на формирование страха, отвращения и целенаправленную дегуманизацию религиозных организаций.

Все эти истории имеют общий корень — они не возникли сами по себе. Их объединяет источник, идеологическая матрица, из которой выросла вся антикультовая риторика последних десятилетий. Этот источник — книга Александра Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования». Именно она стала теоретическим фундаментом для практики преследования «инакомыслящих» верующих, справочником для чиновников, журналистов и силовиков, ищущих простые ответы на сложные вопросы. Чтобы понять, как эти репрессивные механизмы заработали, нужно внимательно рассмотреть сам текст — тот идеологический каркас, на котором построена вся система «антисектантской» кампании.

И вот здесь мы подходим к главному, парадоксальному и самому тревожному вопросу всего нашего расследования. Вся деятельность Александра Дворкина и его сети построена на борьбе с «экстремизмом». Он и его последователи позиционируют себя как защитников общества от опасных идеологий.

Но что, если главный источник экстремизма — не те, на кого указывает автор, а сама эта книга и идеология самого автора — Александр Дворкин? Что если текст, который целенаправленно разжигает религиозную ненависть, унижает человеческое достоинство по признаку вероисповедания, дегуманизирует целые группы людей и прямо призывает к их социальной изоляции, сам по себе является экстремистским материалом? Что если главное оружие, создающее вражду и нетерпимость в нашем обществе, — это не эзотерические доктрины «сект», а вполне конкретный, изданный многотысячными тиражами учебник под названием «Сектоведение»?

Цель этой книги — не защитить какие-либо религиозные группы от критики и не оправдать их. Среди новых религиозных движений, как и в любой другой сфере человеческой жизни, встречаются и мошенники, и манипуляторы, и откровенно опасные организации. Но бороться с ними нужно цивилизованными, правовыми методами, на основании фактов и доказательств, а не с помощью идеологически

мотивированных кампаний, основанных на ненависти и псевдонаучных догмах. Цель этой книги — провести детальный лингвистический и юридический анализ работы самого Александра Дворкина. Вскрыть, как под маской научности скрывается пропаганда. Показать, как работают его риторические приемы, как он манипулирует фактами, извращает логику и использует слова для конструирования реальности, в которой каждый, кто мыслит иначе, — потенциальный враг. Я не будеу голословным. Каждое моё утверждение будет подкреплено цитатами из «Сектоведения», заключениями независимых лингвистических экспертиз, ссылками на судебные документы и свидетельствами реальных людей.

Прочитав эту книгу, вы научитесь видеть, как словами можно построить тюрьму для чужой репутации, как создается образ врага и как защитить себя и своих близких от информационных атак в эпоху тотальной пропаганды. Вы поймете, что грань между «экспертным мнением» и идеологическим доносом может быть очень тонкой, и научитесь ее различать. Это не просто разоблачение одного человека или одной книги. Это руководство по интеллектуальной самообороне в мире, где война за умы стала главной войной XXI века. И выживание в этой войне зависит от нашей способности мыслить критически, сомневаться в авторитетах и отличать правду от искусно замаскированной лжи. Даже если эта ложь называет себя «наукой».

Глава 1. От эмигранта до инквизитора. Формирование идеологии

Я смотрю на фотографию. Молодой человек, 70-е годы, Москва. Длинные волосы, джинсы, взгляд, в котором читается и вызов, и поиск. Типичный портрет моего поколения, поколения хиппи и диссидентов, задыхавшихся в спертом воздухе брежневского застоя. Мы глотали запрещенные книги, заслушивали до дыр подпольные записи западного рока и мечтали о мире, где свобода — это не

строчка из партийного гимна, а воздух, которым дышишь. Имя этого человека — Александр Дворкин. И сегодня, глядя на его прошлое, я пытаюсь понять, в какой момент этот ищущий взгляд превратился во взгляд инквизитора. Где та трещина, тот надлом, который превратил беглеца от одной тоталитарной системы в архитектора другой, куда более изощренной и жестокой?

Путь Дворкина начинается в той же точке, что и у многих. Москва, интеллигентная семья, увлечение культурой андеграунда. Он — продукт своего времени, молодой бунтарь, которому тесно в рамках дозволенного. В 1977 году, как он утверждает, под давлением КГБ, он делает шаг, о котором мечтали многие — эмигрирует в США. Железный занавес падает позади, впереди — земля обетованная, воплощение той самой свободы, о которой мы читали в «Архипелаге ГУЛАГ» и которую слышали в хриплом голосе Высоцкого. Он едет в Америку, чтобы найти «идеальную жизнь настоящих хиппи». И вот здесь, в точке максимального приближения к мечте, происходит первый, самый главный и сокрушительный надлом.

Представьте себе этот шок. Рай оказался совсем не таким, каким рисовался в московских квартирах. Движение хиппи, которое на родине было символом духовного протеста, почти религиозного поиска, в Америке предстало выродившимся, коммерциализированным, зачастую пустым и саморазрушительным. Мир абсолютной свободы оказался миром абсолютного релятивизма, где нет ни правды, ни лжи, а есть лишь бесконечный супермаркет идей, верований и образов жизни. Это было глубочайшее разочарование в «свободе без берегов». Человек, бежавший от одной жесткой догматической системы, не нашел себя в мире, где каждый сам себе бог, и, в конце концов, инстинктивно начал искать другую, еще более несокрушимую крепость.

В 1980 году он находит эту крепость. Он принимает православие. Но вдумайтесь, что это за православие. Это не та вера, которая впитывается с молоком матери, живет в колыбельных и бабушкиных сказках, в культурном коде целого народа. Это православие неофита,

яростного и бескомпромиссного, найденное им в чужом и непонятном мире как спасательный круг, как идеологический панцирь. Именно неофиты часто становятся самыми радикальными и нетерпимыми адептами любой веры. Их вера — это не органичная часть их личности, а сознательно выстроенная ментальная конструкция, которую нужно оборонять с яростью от любого сомнения, от любого инакомыслия, от любого дуновения того самого мира «свободы без берегов», который их так напугал. Его православие с самого начала было не религией любви, а религией войны.

Вскоре он получает американское гражданство. Свой среди чужих, чужой среди своих. Этот двойной статус, это пограничное состояние, это ощущение себя вечным эмигрантом — не только географическим, но и духовным — навсегда останется с ним. Он продолжает образование, получает блестящую академическую подготовку. Степень бакалавра по русской литературе, затем магистр богословия в престижной Свято-Владимирской семинарии. И, наконец, вишенка на торте: в 1988 году он защищает в Фордхемском университете докторскую диссертацию (PhD) по истории Средних веков. И вот здесь я прошу вас остановиться и вслушаться. Тема его диссертации, его главный научный труд, которому он посвятил годы жизни: «Иван Грозный как религиозный тип». Вы понимаете всю символическую мощь этого выбора? Его научный интерес сосредоточен не на святом, не на мыслителе, не на подвижнике. Он сосредоточен на тиране. На царе, который построил опричнину — по сути, тоталитарную систему внутри государства, — и использовал самую что ни на есть православную риторику для оправдания жесточайшего террора, для борьбы с врагами, реальными и мнимыми. Человек, который видел в религии инструмент абсолютной власти. Я задаю себе вопрос, и я задаю его вам, читатель: это был просто отстраненный научный интерес историка или подсознательный поиск ролевой модели? Изучал ли он Ивана Грозного или учился у него?

Завершает его американский период работа на радио «Свобода» с 1988 по 1991 год. В разгар Холодной войны это не просто журналистика. Это идеологический фронт. Здесь он оттачивает навыки пропагандиста, учится создавать нужные нарративы, формировать общественное мнение, говорить так, чтобы слова били точно в цель. Он проходит великолепную школу психологической войны, которую вскоре развернет в совершенно неожиданном направлении.

И вот, 31 декабря 1991 года, под бой курантов, возвещающих о смерти одной страны и рождении другой, Дворкин возвращается. Он ступает на землю, которой уже не было на картах, — не в СССР, а в Россию. С окончанием эпохи изоляции в страну, долгое время находившуюся в условиях идеологической монополии, пришло небывалое разнообразие религиозных и философских движений — от устоявшихся христианских конфессий до восточных духовных практик и новых религиозных объединений. Население, испытывавшее дефицит мировоззренческих альтернатив, проявляло повышенный интерес к любым формам духовного поиска. Для большинства это было время невероятных надежд, время обретения подлинной свободы совести. Но для Александра Дворкина это был кошмар наяву. Это был тот самый хаос, тот самый «мир без берегов», от которого он когда-то бежал в Америке в жесткие рамки православной догмы. И он нашел свою миссию. Он станет тем, кто будет наводить «порядок». Самопровозглашенным инквизитором, который будет отделять «чистую» пшеницу веры от «плевел ереси».

И для этой миссии у него уже было все необходимое. Из Америки он привез не идеи Джефферсона и Линкольна. Он привез технологии. Технологии американского антикультового движения — агрессивного, скандального, использующего сомнительные методы, но облеченного в наукообразную, респектабельную форму. Он привез с собой готовый к употреблению интеллектуальный продукт, который оставалось лишь адаптировать к российским реалиям, придав ему невиданный доселе размах и жестокость.

Он начал свою деятельность при Русской Православной Церкви, что сразу придало ему легитимность и авторитет. И здесь крайне важно сделать оговорку, мои замечания направлены не против Русской Православной Церкви как института, не против миллионов искренне верующих православных христиан. Они направлены против конкретного человека — Александра Дворкина — и созданной им сети, которая прорастает внутри Церкви, искажая её суть и используя её авторитет для целей, далеких от христианской любви и милосердия. Он и его последователи сумели убедить часть церковной иерархии, а затем и государственных чиновников, что их борьба с «сектами» — это борьба за национальную безопасность. Они ловко манипулировали страхами общества, напуганного разгулом криминала и финансовыми пирамидами 90-х, проводя прямую аналогию между ними и любыми новыми религиозными движениями. Это была гениальная в своей простоте и цинизме подмена понятий.

И главным оружием в этой борьбе стала его книга — «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования». Она появилась не на пустом месте. Она стала квинтэссенцией его мировоззрения, его страхов, его идеологии. Написанная якобы как учебник для духовных семинарий, она очень быстро вышла за пределы церковной ограды и превратилась в настольную книгу для сотрудников правоохранительных органов, чиновников, судей и прокуроров. Она стала «библией» для всех борцов с «сектами» в России. В этом ее главный феномен и главная опасность. Книга, претендующая на научность, на самом деле является идеологическим манифестом, а ее автор, называющий себя «профессором» и «историком», на деле выступает в роли прокурора и палача.

Давайте же вскроем этот идеологический код, разберем его на составные части. На чем стоит мировоззрение Дворкина?

Идеология Дворкина, которую он привез в Россию как смертоносный вирус, не была чем-то единым и монолитным. Это был причудливый и крайне опасный гибрид, монстр, сшитый из трех

разных частей, но оживленный одной всепоглощающей страстью. Представьте себе трехглавого змея. Первая голова — это яростный, бескомпромиссный православный фундаментализм неофита, для которого весь мир делится на спасительное православие и враждебный, сатанинский «остальной мир». Вторая голова — это холодная, циничная методология западного антикультизма с его псевдонаучным жаргоном, техниками манипуляции и готовыми рецептами по созданию образа врага. И третья голова — это его личный, почти мессианский пафос, пафос человека, нашедшего абсолютную истину и готового навязать ее остальным любыми средствами. Именно этот синтез сделал его идеологию столь разрушительной. Православный фундаментализм дал ему моральное право, «божественную лицензию» на войну. Западный антикультизм дал ему оружие и светскую, «научную» легитимацию. А личный пафос стал тем порохом, который приводил это оружие в действие.

Вернувшись в Россию, он не стал изобретать велосипед. Он привез с собой готовый к употреблению интеллектуальный вирус, разработанный в лабораториях американского антикультового движения (АКД). Чтобы вы понимали, о чем идет речь, нужно сделать небольшой экскурс в историю. Американское антикультовое движеник в США — это не респектабельное научное сообщество. Это движение, зародившееся в 70-х как реакция родителей на увлечение их детей новыми религиями, быстро превратилось в агрессивный и зачастую криминальный бизнес. Его визитной карточкой стала практика так называемого «депрограммирования» — по сути, похищение человека и насильственное «переформатирование» его личности с помощью психологического давления, лишения сна и других методов, граничащих с пытками.

Главной организацией, практиковавшей это, была Cult Awareness Network (CAN), или «Сеть оповещения о культах». Это имя вы должны запомнить. CAN была настолько скандальной, что в итоге обанкротилась под грузом судебных исков от своих жертв, а ее методы были признаны американскими судами «зверскими и

совершенно неприемлемыми в цивилизованном обществе». И вот теперь, внимание. В 1996 году, в эфире российской телепередачи «Времечко», Александр Дворкин на прямой вопрос, с какой организацией он сотрудничает, без тени смущения отвечает: «Она называется CAN. Это сеть по распознаванию культов». Позже, когда криминальный шлейф CAN стал слишком токсичным, он всячески открещивался от этой связи. Но слово — не воробей. Он не просто знал об этих методах. Он был частью этой системы. Он был связан с ее международными филиалами, такими как AFF (позже ICSA), где состояли и он, и его будущие соратники по европейскому антикультовому фронту FECRIS. Он импортировал в Россию технологию, которая на ее родине была признана преступной и маргинальной. Он предложил российским силовикам и растерянным иерархам РПЦ «проверенную западную методику», умолчав о том, что она была проверена в залах американских судов и признана негодной. Это был классический случай продажи яда под видом лекарства.

Но одной криминальной практики было мало. Нужна была «научная» теория. И Дворкин нашел ее в работах трех «гуру» американского антикультизма, трех всадников его личного апокалипсиса: Маргарет Сингер, Стивена Хассена и Рика Росса.

Маргарет Сингер, клинический психолог, подарила ему главную концепцию — идею «контроля сознания». Это был гениальный ход. Концепция «контроля сознания» (или «промывки мозгов») позволяла не спорить с оппонентом по существу его веры. Зачем анализировать доктрины, сравнивать тексты, вникать в философию? Достаточно было объявить, что человек — не субъект, а объект манипуляции, что он «зомбирован» и лишен свободы воли. Любая духовная практика — молитва, медитация, пост, — любое сильное эмоциональное переживание в группе, любая дисциплина объявлялись «техниками контроля сознания». Сама концепция была псевдонаучной и отвергнута большинством психологов, но для Дворкина она стала

волшебной палочкой, превращающей любого верующего в безвольную жертву или злонамеренного манипулятора.

Стивен Хассен, бывший член «Церкви Объединения» Муна, ставший профессиональным «консультантом по выходу», дал Дворкину практический инструмент. Это его знаменитая модель BITE: Контроль Поведения (Behavior), Информации (Information), Мышления (Thought) и Эмоций (Emotional). Это был удобный чек-лист, универсальный трафарет, который можно было наложить на любую группу — от кружка йоги до евангельской общины — и «доказать», что она является тоталитарной. Вы носите определенную одежду? Контроль поведения. Вы читаете в основном книги своей традиции? Контроль информации. Вы верите в догматы своей веры? Контроль мышления. Вы испытываете радость на богослужении? Контроль эмоций. С помощью этой убогой, примитивной схемы любая религия, включая само православие, с легкостью превращалась в «тоталитарную секту». Для Дворкина модель BITE стала интеллектуальной отмычкой, позволяющей вломиться в любую душу.

И, наконец, Рик Алан Росс. Профессиональный «депрограммер», практик, человек действия. Его книги и методы — это квинтэссенция циничного подхода, где «спасение» человека оправдывает любое насилие над ним. Росс, как и Хассен, был связан с CAN и, как и Дворкин, участвовал в международных антикультовых сборищах. Он был живым воплощением той самой силовой методологии, которую Дворкин так жаждал применить.

Так из чего же состоит арсенал нашего инквизитора? Давайте подведем итог. Он не изобрел «сектоведение». Он взял худшие, самые токсичные и криминальные образцы американского антикультизма — бандитскую практику CAN и псевдонаучные теории Сингер и Хассена. Он смешал этот гремучий коктейль со своим личным православным фундаментализмом неофита и приправил все это миссионерским пафосом и навыками пропагандиста, полученными на «Радио Свобода». И этот ядовитый напиток он привез в Россию, чтобы напоить им и власть, и церковь, и общество.

Но самым страшным его оружием стали слова. Точнее, два термина, которые он внедрил в российский лексикон и которые стали юридическим и моральным основанием для репрессий. Первое — это сама концепция «контроля сознания». Ее история уходит корнями в эпоху Холодной войны. Термин «промывание мозгов» (brainwashing) был введен в оборот в 1950 году американским журналистом и, по совместительству, агентом ЦРУ Эдвардом Хантером для описания методов идеологической обработки американских военнопленных в Китае. Это был инструмент политической пропаганды, страшилка, призванная демонизировать коммунистический режим. Позже антикультисты вроде Сингер перенесли эту политическую страшилку в религиозную сферу. Дворкин же завершил этот процесс, превратив «контроль сознания» из метафоры в юридически значимый факт. Теперь следователю не нужно было доказывать, что человек совершил преступление. Достаточно было «экспертного» заключения, что он находится под «контролем сознания», и это само по себе становилось преступлением.

Второе и главное его изобретение — это термин «тоталитарная секта». По собственному признанию Дворкина, он впервые использовал его в 1993 году, считая «само собой разумеющимся». Выбор слова «тоталитарный» в постсоветской России был ходом дьявольской гениальности. Оно било в самую свежую и самую страшную травму общества, пережившего ГУЛАГ. Дворкин провел простую, но убийственную в своей лживости аналогию: сталинский режим — это тоталитаризм, а новая, непонятная религия — это тоже «тоталитаризм», следовательно, любая новая религия — это маленький ГУЛАГ. Он намертво связал в сознании людей страх перед политическими репрессиями прошлого со страхом перед духовным инакомыслием настоящего. Этот термин мгновенно выводил любую дискуссию из плоскости богословия или религиоведения в плоскость политики и национальной безопасности. Любой «сектант» автоматически становился «врагом государства». Это был не просто ярлык. Это было клеймо.

Итак, картина сложилась. Мы видим человека, который, пережив личный кризис и разочарование в свободе, нашел спасение в жесткой догме. Мы видим, как он вооружился самыми сомнительными и дискредитировавшими себя на Западе технологиями психологической войны. Мы видим, как он вернулся в страну, охваченную хаосом перемен, и предложил растерянной власти и церкви простой рецепт: вот враг, а вот оружие против него. Он не был исполнителем чьей-то воли. Он был инициатором, идеологом, технологом. Он создал вирус, а затем убедил организм, что этот вирус — единственное лекарство. Он построил конвейер: его последователи из РАЦИРС писали доносы, аффилированные с ним «эксперты» писали «заключения», а суды и следователи, загипнотизированные наукообразным жаргоном и авторитетом «профессора», выносили приговоры.

Вина за разрушенные судьбы, за сломанные семьи, за атмосферу страха и ненависти лежит не на абстрактных «госструктурах» или «церковных кругах». Она лежит на конкретном человеке и созданной им международной сети, которая узурпировала право на истину, подменила науку доносом, а веру — идеологией. Государство и Церковь в этой трагедии стали не столько заказчиками, сколько первыми и самыми высокопоставленными жертвами его манипуляции, ресурсом, который он использовал для своей личной войны. Войны эмигранта, так и не нашедшего свой дом, против мира, который показался ему слишком сложным и свободным. Войны, в которой он сам стал тем, от чего когда-то бежал — инквизитором, строящим свой собственный, духовный ГУЛАГ.

Глава 2. Архитектура влияния

Он всегда умел превращать идеи в институты. Там, где другие видели хаос — он видел возможность выстроить систему. Не просто организацию, а крепость, тщательно рассчитанную и укреплённую, с

башнями идеологии и стенами административных связей. Это история о власти, об умении использовать веру как инструмент, о человеке, который понял: в эпоху перемен тот, кто первым предложит структуру, становится её хозяином. Это структура власти, детальный чертёж той машины влияния, которая на тридцать лет превратила свободу совести в России в фикцию, а судьбы тысяч людей — в разменную монету в игре за власть и деньги. И, как в любой империи, всё началось с закладки крепости.

Крепость была заложена в 1993 году. Она получила благопристойное имя — Информационно-консультационный центр имени священномученика Иринея Лионского, и, что самое важное, высочайшее благословение Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Центр был создан не на пустом месте, а при Отделе религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, где Дворкин, едва вернувшись, уже успел получить должность. Я хочу, чтобы вы поняли всю значимость этого момента. Дворкин не пришел в Церковь с улицы. Он не был просто еще одним обеспокоенным мирянином. Он стал частью церковного аппарата, и его проект с самого начала получил институциональную легитимность. Это был первый и ключевой шаг в построении симбиоза, который определил все дальнейшее. Русская Православная Церковь, растерянная и обеспокоенная невиданным наплывом «конкурентов» на свою каноническую территорию, увидела в энергичном, образованном американце с докторской степенью готовое решение. Он говорил на их языке — языке борьбы с ересью. Но, что важнее, он говорил на языке, понятном современному миру — псевдонаучном языке психологии и социологии, который он привез с собой из-за океана. Он предложил Церкви не просто защиту, он предложил ей современное оружие. Взамен Церковь дала ему то, чего у него не было: имя, статус и несокрушимый моральный авторитет. Я не склонен обвинять всю Русскую Православную Церковь в том, что последовало дальше. Скорее, я вижу ее первой и самой высокопоставленной жертвой манипуляции Дворкина. Она

стала для него тем самым «Троянским конем», внутри которого он провез на территорию России совершенно чуждую ее духу инквизиторскую идеологию.

Официальная миссия Центра звучала благородно: «распространение достоверной информации об учении и деятельности тоталитарных сект и деструктивных культов». На деле же это было создание «черных списков». Это был штаб по сбору компромата, по созданию той самой «доказательной базы», которая позже ляжет на столы следователей. С самого начала деятельность центра была направлена не на диалог и не на изучение, а на войну. Дворкин, вооруженный, как мы помним из прошлой главы, импортированными из Америки технологиями демонизации, начал методично создавать образ врага. Его книга «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования», которая станет библией этой новой инквизиции, была, по сути, расширенной версией тех самых брошюр, которые он выпускал под эгидой своего центра. Он получил не просто кабинет и телефон, он получил лицензию на ненависть, освященную патриаршим благословением. И он не замедлил ею воспользоваться. Награды посыпались на него как из рога изобилия: орден преподобного Сергия Радонежского III степени, орден святителя Иннокентия Московского III степени, орден святого благоверного князя Даниила Московского III степени, врученный лично Алексием II «За просветительскую деятельность и распространение достоверной информации...». Церковь щедро платила ему за работу, которую, как ей казалось, он делает для ее блага. Одновременно он укреплял свой академический статус: стал профессором и заведующим кафедрой сектоведения в главном церковном вузе — Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Он не просто боролся с «сектами» — он готовил новые кадры для этой борьбы, создавал целое поколение «сектоведов», воспитанных на его идеологии и его книге. Крепость была построена и укомплектована гарнизоном. Пришло время расширять империю.

Если Центр Иринея Лионского был крепостью, то созданная в 2006 году Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС) стала его имперской дорожной сетью. Это был гениальный по своей простоте и эффективности ход. Дворкин понял, что из одного московского центра невозможно контролировать огромную страну. Нужна была сеть, паутина, которая опутала бы всю Россию. РАЦИРС и стала такой паутиной. Формально это была ассоциация независимых региональных центров. Фактически — централизованная структура с жесткой иерархией. Головной организацией, ядром системы, оставался все тот же Центр Иринея Лионского. Бессменным президентом — сам Александр Дворкин. А его вице-президентами и секретарями стали его самые верные соратники, зачастую священники, возглавлявшие миссионерские отделы в своих епархиях: протоиереи Александр Новопашин, Александр Шабанов, Арсений Вилков. Это был второй уровень симбиоза: сеть Дворкина вросла в структуру РПЦ на региональном уровне. Его «наместники» в регионах получали двойную легитимность: от своего «профессора» из Москвы и от местного архиерея. Они становились глазами и ушами Дворкина на местах, проводниками его воли. Теперь, чтобы начать преследование неугодной общины где-нибудь в Сибири или на Урале, не нужно было отправлять туда экспедицию из Москвы. Достаточно было сигнала местному представителю РАЦИРС, который, используя свой авторитет и связи с местными властями и силовиками, запускал репрессивную машину на месте. Империя получила свою вертикаль власти.

И, как любая империя, она требовала денег. Много денег. Идеология и энтузиазм хороши для начала, но для поддержания разветвленной сети, для организации конференций, издания литературы, оплаты «экспертов» и лоббирования законов нужен был постоянный и мощный финансовый поток. И Дворкин выстроил многоканальную систему финансирования, достойную любого крупного бизнес-проекта. Он сам однажды обронил фразу, которая

стала ироничным эпиграфом к его собственной деятельности: «Цель любой секты — власть и деньги. Естественно, деньги увеличивают власть, а власть приносит еще больше денег». Его империя работала в точном соответствии с этим принципом.

Первым и самым «чистым» источником стали государственные гранты. Начиная как минимум с 2011 года, Центр Иринея Лионского начал систематически получать многомиллионные президентские гранты. Формулировка была безупречной: «Помощь людям, пострадавшим от тоталитарных сект». Только за три года, с 2011 по 2013, в казну Дворкина поступило не менее 9,5 миллионов рублей. Проблема была в том, что, как отмечали позже независимые исследователи, никакой реальной помощи жертвам никто не видел. Не было отчетов, не было реабилитационных программ, не было системы психологической поддержки. Все, что видела общественность, — это все та же пропагандистская деятельность: лекции, статьи, конференции. Деньги, выделенные на помощь людям, шли на разжигание ненависти к другим людям. Это был циничный и эффективный способ финансирования своей войны за счет налогоплательщиков, включая тех самых «сектантов», с которыми он боролся.

Вторым каналом были прямые пожертвования. На всех сайтах, аффилированных с Дворкиным и РАЦИРС, висели и висят по сей день настойчивые призывы «поддержать борьбу». Этот поток был менее прозрачным, но, судя по всему, постоянным. Но самое интересное в финансовой архитектуре Дворкина — это то, что скрыто от посторонних глаз. То, о чем говорят расследования и свидетельства очевидцев. Это платные услуги. Организация «гастролей» самого Дворкина была поставлена на коммерческие рельсы. На его официальном сайте висел подробный «райдер»: принимающая сторона должна была оплатить не только гонорар, но и перелет (Дворкин предпочитал самолеты), отдельное такси до аэропорта в Москве (стоимостью иногда с сам билет), гостиницу с учетом «особых

требований к здоровью». Это был уже не просто миссионер, а гастролирующая звезда.

Но и это не все. Некоторые расследования, ссылаясь на инсайдерскую информацию, описывают схему, до боли напоминающую рэкет 90-х. Утверждалось, что в определенный период с религиозных организаций, желавших спокойно работать в России, взималась негласная плата за невключение в «черные списки». Назывались даже конкретные цифры: разовый «входной билет» в размере 10 000 долларов и ежегодная «абонентская плата» в 3 000. В случае отказа организация немедленно становилась объектом пристального внимания «сектоведов» и последующих проблем с законом.

Империя Дворкина занималась не просто пропагандой, а откровенным вымогательством, превратив «борьбу за духовную безопасность» в доходный бизнес на страхе.

Однако ни церковный патронаж, ни разветвленная сеть, ни финансовые потоки не дали бы Дворкину той власти, которую он в итоге получил. Решающим шагом стало его вхождение в государственный аппарат. Он проделал путь от церковного консультанта до официального государственного инквизитора, и этот переход превратил его из маргинального радикала в одну из самых влиятельных и опасных фигур в стране. Поворотным моментом стал 2009 год. Этот год нужно вписать в историю российской свободы совести черными буквами. Произошли два события, которые показались многим несвязанными, но на деле были звеньями одной цепи. Во-первых, министром юстиции Российской Федерации был назначен Александр Коновалов, выпускник Свято-Тихоновского университета и, по свидетельствам бывших членов РАЦИРС, ученик и последователь Александра Дворкина. А во-вторых, 3 апреля 2009 года сам Дворкин был избран председателем только что реформированного Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве

юстиции РФ. Пазл сложился. Ученик возглавил министерство, а учитель — ключевой экспертный орган при этом министерстве.

Назначение Дворкина вызвало шок в научном и правозащитном сообществе. Человек, не имеющий профильного религиоведческого образования, известный своей крайней предвзятостью и открытой враждебностью к религиозным меньшинствам, возглавил структуру, которая по закону должна была давать объективные и беспристрастные оценки. Это было все равно что поставить волка охранять овчарню. Авторитетные религиоведы, такие как Роман Лункин и Екатерина Элбакян, юристы, как Анатолий Пчелинцев, в один голос заявляли о вопиющем конфликте интересов и о том, что совет превратится в карательный орган. Даже в отчете Госдепартамента США это назначение было названо «возмутительным». Но машина уже была запущена. Отныне «экспертиза» Дворкина и его сторонников получала статус государственной. Его личная идеология, изложенная в «Сектоведении», становилась юридически значимым документом. Это был триумф. Он получил то, о чем, возможно, мечтал, изучая биографию Ивана Грозного: государственный инструмент для проведения своей воли.

И этот инструмент немедленно заработал как отлаженный конвейер. Схема репрессий, которую Дворкин оттачивал годами, теперь обрела государственную мощь. Выглядела она так. Начиналось все, как правило, с доноса. Местный активист РАЦИРС, какой-нибудь священник из миссионерского отдела или просто подосланный «обеспокоенный гражданин», писал заявление в прокуратуру или ФСБ на неугодную общину. Далее правоохранительные органы, чтобы придать делу законный вид, назначали «религиоведческую экспертизу». И кому же они ее заказывали? Зачастую — тому же самому Дворкину, его коллегам по РАЦИРС или его ученикам, рассаженным по всей стране.

«Эксперт» брал за основу книгу «Сектоведение», обильно цитировал ее, использовал дегуманизирующий лексикон своего гуру

— «тоталитарная секта», «контроль сознания», «деструктивный культ», — и выдавал обвинительное заключение, облеченное в наукообразную форму. Это заключение ложилось на стол следователю, а затем и судье, которые, видя перед собой документ с подписью «профессора», «доктора философии», да еще и (зам)председателя совета при Минюсте, воспринимали его как истину в последней инстанции. Так идеологический донос превращался в «научный факт», а «научный факт» — в обвинительный приговор. Запрет литературы, ликвидация организаций, уголовные дела. Конвейер работал без сбоев. Он создал идеальную замкнутую систему, где его же собственные идеологические установки, пройдя по кругу через «экспертизу» и суд, возвращались к нему в виде подтверждения его правоты и усиления его власти.

Чтобы окончательно легитимизировать свою инквизицию и защитить ее от критики внутри страны, Дворкину нужен был международный фасад. Ему нужно было показать, что его деятельность — это не местечковое преследование инакомыслящих, а часть общеевропейской, цивилизованной борьбы с глобальной угрозой. Таким фасадом, таким международным прикрытием для него стала FECRIS — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве. С 2009 по 2021 год Дворкин занимал пост вице-президента этой организации. Это позволяло ему с высоких европейских трибун вещать о «сектантской угрозе», представляя свою российскую деятельность как передовой опыт в этой борьбе. Парадокс, однако, заключался в том, что сама FECRIS, как показывали многочисленные расследования правозащитников, была структурой крайне сомнительной. Основанная во Франции, она на 90 с лишним процентов финансировалась французским правительством, по сути, являясь инструментом государственной политики Парижа. Идеологически же она была наследницей тех самых американских и европейских антикультовых движений, включая печально известную CAN, которые

практиковали похищения и «депрограммирование». Таким образом, выстраивалась совершенно сюрреалистическая цепочка: французские налогоплательщики финансировали организацию, вице-президентом которой был Дворкин, а он, в свою очередь, использовал этот статус для оправдания репрессий в России, ссылаясь на «европейский опыт». Это был глобальный альянс нетерпимости, где российские силовики и французские чиновники, сами того не ведая, работали на одну цель, дирижируемую из Москвы. Этот альянс рухнул лишь в 2022 году, когда после начала полномасштабного вторжения в Украину и ярой поддержки войны со стороны Дворкина даже для его европейских коллег сохранять лицо стало невозможно. FECRIS была вынуждена от него отмежеваться, на что он ответил в своем стиле, назвав бывших партнеров «трусами и расистами». Маска была сброшена, но за долгие годы она успела сослужить ему хорошую службу.

Но за всеми этими схемами, структурами, финансовыми потоками и международными интригами стоят живые люди. За абстрактным понятием «архитектура влияния» скрываются конкретные, разрушенные судьбы. Чтобы понять, как эта машина работает на практике, нужно спуститься с высоты политического анализа на землю, в обычный российский город, и увидеть все глазами жертвы.

Взгляните на историю Елены Брессем из Перми. Обычная женщина, предприниматель, мать двоих детей. После развода она успешно строит свою жизнь, работает в компании Herbalife. Но ее бывший муж решает отобрать у нее сына. Не найдя других поводов, он цепляется за ее работу и, по совету «знающих людей», обвиняет ее в «сектантстве». И тут же в дело вступает отлаженный механизм. Муж нанимает адвоката. И не простого, а Александра Корелова — штатного юриста РАЦИРС. Начинается суд. И в суде, как фокусник из шляпы, адвокат достает «научное заключение» из Свято-Тихоновского университета, где черным по белому написано: Herbalife — это «тоталитарная коммерческая секта». Автор этого

«труда», разумеется, Дворкин. Но этого мало. Сам «профессор» лично приезжает из Москвы в Пермь, чтобы выступить в суде в качестве свидетеля. Он, никогда в жизни не видевший Елену, с уверенностью заявляет: она — сектантка, ее надо лишить ребенка. Вместе с ним выступает еще один «свидетель» — местный представитель РАЦИРС, тоже видевший Елену впервые в зале суда. Это уже не правосудие. Это театр абсурда, выездное представление карательного цирка. Когда Елене удалось доказать в суде сфабрикованный характер первой экспертизы, ее оппоненты пошли дальше: они попытались признать ее невменяемой, подделав заключение психиатров. Лишь чудом ей удалось отбиться. Но какой ценой? Годы судебных тяжб, сожженный автомобиль, украденный ребенок и клеймо «сектантка», которое теперь навсегда с ней. Как позже рассказывала сама Елена, она позвонила в РАЦИРС под видом клиентки и спросила, что делать, если муж увлекся йогой. Ей немедленно предложили полный пакет услуг: «Приедем, расскажем, что делать, состряпаем документы, выступим свидетелями в суде — все за определенную плату». Это был конвейер. Бизнес по разрушению жизней, работающий по прайс-листу.

Или история Жанны Цареградской, создательницы успешного центра поддержки материнства «Рожана». Ее бизнес стал слишком успешным, он мешал конкурентам — крупной корпорации «Мать и дитя». И снова в ход пошел тот же инструмент. На «Рожану» обрушилась лавина обвинений в «сектантстве». Главным тараном этой информационной атаки, по словам самой Цареградской, был все тот же Дворкин и его сеть. В интернете и СМИ была создана атмосфера истерии, после чего делом «заинтересовались» правоохранительные органы. Итог был предсказуем: Жанна оказалась под стражей, ее муж — за решеткой, а процветающий бизнес был уничтожен. Рейдерский захват, проведенный руками «борцов за духовность».

А за всем этим, за маской «профессора» и «защитника православия», скрывается еще более темная сторона, о которой лишь

недавно начали появляться первые, но от того не менее страшные свидетельства. В 2024 году в сети были опубликованы показания бывшего студента-теолога, обвинившего Дворкина в сексуальном насилии, в садистских ритуалах и унижениях, включая копрофилию, под угрозой расправы над его семьей с использованием все тех же рычагов «борьбы с сектами». Эти случаи рисуют портрет человека, для которого власть — это не просто инструмент, а самоцель, абсолютное и извращенное наслаждение от полного контроля над другим человеком, от его унижения и разрушения. Это уже не просто идеология. Это патология.

Так что же в итоге мы имеем? Мы видим архитектуру, выстроенную с дьявольской точностью. В ее основании — личные комплексы и идеологическая одержимость одного человека. Несущие стены — это симбиоз с институтами Церкви и государства, которые он сумел использовать в своих целях. Перекрытия — это финансовые потоки, идущие из грантов, пожертвований и платных «услуг». Фасад — это международное признание, полученное через FECRIS. А внутри этой постройки, в ее темных подвалах — сломанные судьбы Елены Брессем, Жанны Цареградской и тысячи других, чьи имена мы, возможно, никогда не узнаем. Это не просто «антикультовое движение». Это гибридная, мафиозная по своей сути структура, которая успешно торговала страхом, ненавистью и «экспертизами», превратив борьбу за веру в бизнес на крови и слезах. И руководил этой империей человек, который, является самым страшным и самым успешным создателем культа в современной России, — культа имени самого себя.

Глава 3. Книга, ставшая приговором. Структура и основные тезисы

Я сажусь за свой рабочий стол, и передо мной снова лежит она — книга в толстом, солидном переплете, с академическим названием

«Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования». В предыдущих главах мы разобрали, кто такой ее автор, Александр Леонидович Дворкин, и как он построил свою империю влияния, охватившую своими щупальцами и церковные структуры, и государственные ведомства. Мы увидели архитектора страха и проследили за возведением его организационной машины. Но любая империя держится не только на организации, но и на идеологии, на священном тексте, который оправдывает ее существование и дает солдатам приказ к действию. Для антикультовой сети Дворкина таким текстом стало «Сектоведение». Теперь пришло время вскрыть этот фолиант и изучить его внутреннее устройство. Понять не то, что в нем написано — это известно многим, — а как он написан. И главное — зачем. Потому что «Сектоведение» — это не учебник. Это приговор, вынесенный заочно миллионам людей. Это оружейное руководство, объясняющее, как превратить слово в оружие, а соседа — во врага.

Когда я впервые открыл эту книгу, ожидая увидеть сухое академическое исследование, меня поразила ее структура. Она не похожа на научный труд. Она построена как сценарий фильма-катастрофы, задача которого — с первых же страниц вызвать у читателя шок, ужас и острое чувство надвигающейся угрозы. Дворкин не начинает с методологии, с обзора источников, с определения терминов в нейтральном ключе. Нет, он сразу бросает читателя в огонь. Первая глава — «Религия, которая убивает» — это мощнейший эмоциональный удар. Вместо теоретических выкладок нам предлагают натуралистичные, леденящие душу описания самых кровавых трагедий, связанных с деструктивными культами. Вот Джим Джонс и его «Народный храм» в Гайане. Дворкин с почти литературным смаком описывает все детали: колючая проволока, вышки с вооруженными «ангелами», изнурительный труд под палящим солнцем, пытки детей, которых опускают в колодец, пока они не начинают захлебываться. И, наконец, апофеоз — массовое самоубийство. «Всем нужно выпить "эликсир жизни" и забыться

сладким сном», — цитирует он Джонса. Он живописует, как люди выстраиваются в очередь за ядом, как первые жертвы падают и корчатся в страшных болях от цианистого калия. «Если человек проявлял нерешительность, ему насильно впрыскивали яд шприцом в рот или стреляли в затылок». И финальный мазок — 276 детских трупов. Чтобы у читателя не осталось сомнений в масштабе трагедии, Дворкин проводит убийственную параллель: «Кадры жертв Джонстауна стоят в одном ряду с фотографиями из ГУЛАГа или Освенцима».

Эта отправная точка — не случайность. Это гениальный в своей циничности расчет. После такого вступления любой, даже самый скептически настроенный читатель, уже эмоционально подготовлен. Он напуган. Он чувствует, что угроза реальна, смертельна и может коснуться каждого. После описания сотен трупов в джунглях Гайаны или газовой атаки «Аум Синрикё» в токийском метро — где, как пишет Дворкин, боевики готовились на базе российского спецназа и едва не выморили всю центральную часть Японии, — любая последующая информация воспринимается через призму этого первоначального ужаса. Йога, медитация, чтение неправославной литературы, собрания в молитвенном доме — все это отныне будет подсознательно связано с цианистым калием в стаканчиках и зарином в метро. Дворкин не доказывает опасность, он ее впрыскивает непосредственно в эмоциональный центр читателя.

Завершив эту «артподготовку», автор переходит к основной части книги, которая, по сути, представляет собой не что иное, как серию досье. Каждая глава, посвященная отдельному движению — будь то мормоны, Свидетели Иеговы, сайентологи или кришнаиты, — построена по принципу прокурорского обвинительного заключения. Это не исследование, а скрупулезный сбор компромата. Дворкин не ставит перед собой задачу объективно изучить вероучение, историю или социальную практику той или иной группы. Его цель — найти и выставить напоказ все самое уродливое, отталкивающее и криминальное, что только можно найти или интерпретировать как

таковое. Он подробно описывает «неприглядную личную жизнь лидеров», их финансовые махинации, сексуальные девиации и предполагаемые психические расстройства. Вероучительные тексты цитируются не для анализа, а для осмеяния и дискредитации. Если основатель движения был в чем-то повинен, его вина автоматически распространяется на всех его последователей, живших десятилетия и столетия спустя. Это классический принцип «досье на врага»: собрать максимум негативной информации, чтобы лишить объект человеческого облика и оправдать любые последующие действия против него. Читая эти главы, ты не обогащаешься знаниями, ты вооружаешься ненавистью. Ты получаешь готовый набор ярлыков и обвинений, которые можно предъявить любому представителю «неправильной» веры.

Основой методологии Дворкина является главный идеологический конструкт, на котором держится вся его книга — предельно упрощенная, бинарная картина мира. Для Дворкина не существует полутонов и сложного спектра религиозного опыта. Есть только черное и белое, «мы» и «они». С одной стороны — спасительный ковчег «традиционных религий», олицетворяемый Русской Православной Церковью Московского Патриархата, территория света, истины и государственной стабильности. С другой — безбрежный океан тьмы, населенный монстрами, мир «тоталитарных сект», наполненный обманом, контролем сознания и государственной изменой. Согласно Дворкину, «в отличие от спасительного пути, предлагаемого Православной Церковью, учения сект ведут их последователей к духовной и психологической деградации». Третьего не дано: либо ты в «спасительном ковчеге», либо ты — добыча или агент «хищных зверей». Именно для обслуживания этой бинарной модели Дворкин вводит в широкий оборот свое главное изобретение — термин «тоталитарная секта». Этот термин является не религиоведческой категорией, а политическим ярлыком. Он гениален для манипуляции сознанием человека, выросшего в России или на постсоветском пространстве.

Такая методология становится возможной благодаря главному идеологическому конструкту, на котором держится вся книга, — предельно упрощенной, бинарной картине мира. Для Дворкина не существует полутонов, нет сложного спектра религиозного опыта. Есть только черное и белое. Есть «мы» и есть «они». С одной стороны этого мира находится спасительный ковчег — «традиционные религии», под которыми, в первую очередь, подразумевается Русская Православная Церковь Московского Патриархата. Это территория света, истины, духовности, культуры и государственной стабильности. С другой стороны — безбрежный океан тьмы, населенный монстрами. Это «тоталитарные секты», мир обмана, эксплуатации, контроля сознания, разрушения семей, психических отклонений и государственной измены. Согласно Дворкину, «в отличие от спасительного пути, предлагаемого Православной Церковью, учения сект ведут их последователей к духовной и психологической деградации». Третьего не дано. Либо ты в «спасительном ковчеге», либо ты — добыча или агент «хищных зверей».

Именно для обслуживания этой бинарной модели Дворкин вводит в широкий оборот свое главное изобретение, свое самое мощное оружие — термин «тоталитарная секта». Этот термин — политический ярлык, а не религиоведческая категория. Термин «тоталитарная сект» гениален для манипуляции сознанием человека, выросшего в России или на постсоветском пространстве. Соединяя его со словом «секта», Дворкин проводит прямую и безапелляционную параллель между группой медитирующих на ковриках людей и сталинским режимом, между уличным проповедником с Библией и функционером НКВД. Однако при малейшем соприкосновении с реальной академической средой этот мираж рассеивается. Ни одна из ведущих светских религиоведческих школ России — ни московская, ни санкт-петербургская, ни екатеринбургская — не использует этот термин в качестве научной категории. В академических журналах, на серьезных конференциях, в университетских аудиториях вы его не услышите. Вместо этого

ученые используют строго нейтральное, описательное понятие — «новые религиозные движения», сокращенно НРД. Этот термин позволяет изучать феномен без предвзятости, анализировать вероучения, социальные структуры и практики новых религий, не вынося им приговор заранее. Он открывает пространство для исследования, в то время как ярлык «тоталитарная секта» его захлопывает, подменяя анализ обвинением.

Эта позиция академического сообщества — не каприз и не политкорректность. Она основана на строгом понимании того, чем должен быть научный термин. Он должен иметь четкие, устойчивые признаки, позволяющие однозначно отнести то или иное явление к определенной категории. Ярлык Дворкина этого ключевого свойства лишен. На это прямо указывал один из самых авторитетных российских специалистов, доктор философских наук, профессор МГУ и бывший заместитель председателя Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ Игорь Яковлевич Кантеров. В своих работах он неоднократно подчеркивал, цитирую: «В используемых А. Дворкиным для классификации сект терминах "тоталитарная секта" и "деструктивная секта" отсутствуют устойчивые типологизирующие признаки, что создаёт безграничный простор для "творчества" при причислении к ним практически любого религиозного новообразования». Попросту говоря, если у термина нет четких критериев, под него можно подвести кого угодно. Сегодня это пятидесятники, завтра — кришнаиты, послезавтра — мормоны, а потом и вовсе группа по изучению йоги или тренинг личностного роста. Отсутствие научной строгости превращает термин из инструмента познания в инструмент произвола.

Игорь Кантеров был не одинок в своей оценке. Еще в далеком 1997 году религиовед Николай Трофимчук предельно точно определил природу этого понятия, назвав его политическим. Он писал, что суть термина сводится к простому принципу «кто не с нами, тот против нас», и его использование направлено на

формирование атмосферы религиозной нетерпимости. Спустя годы другой известный специалист, социолог религии Владимир Штерин, работающий в Лондоне, вынес еще более жесткий вердикт, назвав термин «социальным оружием», не имеющим никакой ценности для научных исследований. Таким образом, мы видим полный консенсус в среде независимых академических экспертов: то, что Дворкин и его последователи выдают за научную категорию, на самом деле является идеологическим клише, от которого настоящая наука давно отказалась.

Сама история появления этого термина выдает его пропагандистскую суть. Понятие «тоталитарный» было грубо и совершенно некорректно заимствовано из политологии. В политической науке, начиная с работ Ханны Арендт, этот термин используется для описания специфического государственного режима, характеризующегося полным (тотальным) контролем над всеми сферами жизни общества, наличием одной правящей партии, мощного репрессивного аппарата, официальной идеологии и культа вождя. Это режим нацистской Германии или сталинского СССР. Перенося этот термин на религиозную группу, пусть даже и с авторитарным лидером, Дворкин совершает намеренную подмену. Он создает ложную, но чрезвычайно пугающую аналогию. В сознании обывателя небольшая община верующих начинает ассоциироваться с монструозным государством-террористом. Цель этой манипуляции — не описать реальность, а вызвать у аудитории немедленный, инстинктивный страх и отвращение, которые заблокируют любую попытку рационального анализа.

Манипуляция пронизывает всю терминологию, которую использует «сектоведение» дворкинского разлива. Это целый новояз, созданный для дегуманизации оппонентов. Там, где ученый говорит о «новом религиозном движении», пропагандист кричит о «тоталитарной секте» или «деструктивном культе», проводя прямую параллель с политическим терроризмом. Там, где мы видим «адепта», «последователя» или просто «верующего», он видит «члена секты»,

«раба», «зомби» или, как гласит один из его уродливых неологизмов, homo jehovisticum. Человека лишают его субъектности, его личной воли, превращая в бездушный винтик зловещего механизма. «Религиозная доктрина» или «учение» в этой оптике превращается в «идеологию» или «псевдорелигиозную надстройку», что сразу отказывает человеку в праве на искренний духовный поиск, сводя его веру к примитивному обману. А «духовный лидер» или «гуру» неизменно предстает в образе «фюрера», «диктатора» или «мошенника», что априори приписывает ему исключительно преступные мотивы. Каждый термин в этом словаре — это маленький акт агрессии, шаг к расчеловечиванию тех, кто осмелился верить иначе.

Итак, с научной точки зрения конструкция «тоталитарная секта» — это пустышка, идеологическая обертка без какого-либо содержания. Но, возможно, она имеет вес в правовом поле? Может быть, это юридический термин, который определяет статус той или иной организации? Здесь нас ждет еще более оглушительное фиаско. Ярлык «тоталитарная секта» является юридическим фантомом. Его не существует в правовой реальности. Ни в Конституции Российской Федерации, гарантирующей в статье 28 свободу совести и вероисповедания, ни в профильном Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» вы не найдете ни слова «секта», ни тем более «тоталитарная секта». Этих понятий нет и в базовых международно-правовых актах, ратифицированных Россией, таких как Международный пакт о гражданских и политических правах или Европейская конвенция по правам человека. Закон оперирует четкими и нейтральными определениями: «религиозная группа» и «религиозная организация». Все. Юридически любая другая терминология — это просто «белый шум», не имеющий никакой силы.

Более того, государственные органы неоднократно и прямо указывали на недопустимость использования подобных ярлыков. Еще в 1998 году Судебная палата по информационным спорам при

Президенте РФ в одном из своих решений отметила, что термин «секта» несет очевидную негативную смысловую нагрузку и его использование в СМИ способно оскорбить чувства верующих, что является нарушением профессиональной этики журналиста. Это был четкий сигнал, который, впрочем, был полностью проигнорирован антикультистским движением. Спустя много лет, в 2012 году, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Владимир Лукин высказался еще более определенно. Он подчеркнул, что «обличительные определения, такие как "деструктивный", "тоталитарная секта" не имеют никакого правового содержания, а значит, недопустимы в публичных выступлениях должностных лиц». По сути, омбудсмен прямо назвал вещи своими именами: использование этих ярлыков чиновниками является правовым нонсенсом и злоупотреблением.

Но, пожалуй, самые убедительные доказательства юридической ничтожности этого клейма предоставила сама судебная практика, в том числе и в процессах против самого Дворкина. Хрестоматийным стал случай 1997 года, когда по иску нескольких общественных и религиозных организаций Хорошевский межмуниципальный суд города Москвы рассматривал высказывания Дворкина. Суд вынес решение, в котором черным по белому было написано, что его суждения о «преступном характере деятельности тоталитарных сект» не соответствуют действительности. Суд указал, что такие заявления порочат новые религиозные движения и, что самое важное, нарушают фундаментальный принцип презумпции невиновности. Ведь называть преступником можно только по вступившему в законную силу приговору суда, а не на основании собственных идеологических предпочтений. Этот вердикт должен был поставить точку в использовании ярлыка как инструмента огульного обвинения, но этого не произошло. Дворкин и его сторонники просто проигнорировали решение суда, продолжая свою деятельность.

Еще более показательным стало решение Центрального районного суда города Хабаровска в 2009 году. Рассматривая

материалы, распространяемые местным адептом дворкинского учения, суд пришел к выводу, который должен быть отлит в граните. Он признал, что использование терминов «секта» и «тоталитарная секта» в данных конкретных текстах было направлено на возбуждение религиозной розни. То есть суд напрямую квалифицировал употребление этих ярлыков как действие, подпадающее под признаки статьи 282 Уголовного кодекса РФ — возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Это был беспрецедентный случай, когда судебная инстанция увидела в пропагандистском клише состав уголовного преступления.

Ярлык «тоталитарная секта» — это призрак, фикция, пустое множество как в науке, так и в праве. Но именно в этой пустоте и заключается его главная сила. Поскольку термин ничего не значит, его можно наполнить любым обвинительным содержанием. Он как бездонный мешок, в который можно свалить любые страхи, домыслы и фобии. Но как этот юридический и научный фантом превращается во вполне реальный инструмент репрессий? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны от теоретического анализа перейти к изучению практики и рассмотреть технологию, которую я называю «конвейером Дворкина». Это отлаженный механизм, превращающий идеологический донос в квази-юридическое обвинение, способное разрушать жизни.

Этот конвейер работает по четкому и многократно обкатанному алгоритму, состоящему из четырех основных шагов. На первом шаге происходит публичное клеймение. Все начинается с громкого заявления. Сам Александр Дворкин или один из его многочисленных региональных представителей, выступая на публичной лекции, в университетской аудитории или в эфире местного телеканала, безосновательно и безапелляционно называет ту или иную религиозную группу «опасной тоталитарной сектой». Никаких доказательств на этом этапе не требуется. Достаточно самого авторитета «главного сектоведа страны». Это заявление мгновенно

создает первоначальный информационный шум, формирует в обществе стойкое предубеждение. Зерно сомнения и страха посеяно. Еще никто ничего не расследовал, не было ни одного судебного заседания, но в общественном сознании уже сформирован образ врага.

Второй шаг — это «экспертная» легитимация. Голословное обвинение необходимо подкрепить чем-то, что выглядит солидно и научно. Здесь в игру вступают так называемые «экспертизы», подготовленные аффилированными с Дворкиным лицами. Зачастую эти «эксперты» не обладают необходимой квалификацией в области религиоведения, социологии или психологии религии, но это не мешает им готовить многостраничные заключения. Как показывает детальный юридико-лингвистический анализ подобных документов, который проводился независимыми специалистами, эти тексты не являются объективным исследованием. Они не ставят целью беспристрастно изучить вероучение или практики группы. Их задача — лишь подобрать наукообразные формулировки для заранее заданных обвинительных тезисов. Это не экспертиза, а ее имитация, псевдонаучная упаковка для идеологического заказа. «Излюбленной практикой Александра Дворкина и его соратников является использование псевдонаучных экспертиз, которые нацелены не на объективный анализ, а на подтверждение заранее определённых обвинительных тезисов». Этот документ, облаченный в мантию научности, становится главным «доказательством» вины.

Третий шаг — массированная медийная атака. Ярлык, брошенный на первом шаге, и псевдоэкспертиза, полученная на втором, начинают активно тиражироваться в средствах массовой информации. В ход идут газетные статьи с кричащими заголовками, телевизионные сюжеты с тревожной музыкой, посты в социальных сетях. Цель этого этапа — создать в обществе атмосферу моральной паники. Людей убеждают в том, что рядом с ними действует страшная и опасная организация, которая похищает детей, отбирает квартиры, доводит до самоубийства. Любой бытовой конфликт или

личная трагедия кого-то из членов группы подается как прямое следствие их «сектантской» деятельности. В публичном поле возникает мираж — так называемый «общественный запрос» на силовые решения. Его активно озвучивают, приписывая «народу» и «общественности», хотя на деле он рождается в узких кругах, которые сначала создали фантомную угрозу, а теперь требуют от государства «защиты» от нее же.

И наконец, четвертый, финальный шаг — давление на правосудие. Когда общественное мнение уже достаточно разогрето, а в руках у инициаторов атаки есть пакет «доказательств» — публичные обвинения, растиражированные в СМИ, и псевдонаучное «экспертное заключение», — они переходят к действиям в юридическом поле. Этот пакет документов направляется в прокуратуру с требованием провести проверку. Прокуратура, находясь под давлением общественного мнения и не желая выглядеть бездействующей, инициирует проверку, которая с большой долей вероятности приводит к судебному процессу. Это может быть иск о запрете религиозной литературы как «экстремистской», об административном приостановлении деятельности или, в конечном счете, о полной ликвидации религиозной организации. И судья, который рассматривает это дело, оказывается в очень сложной ситуации. С одной стороны, у него есть закон, в котором нет никаких «тоталитарных сект». С другой — на него давит «общественный резонанс», публикации в прессе и авторитет «признанных экспертов». В такой атмосфере вынести объективное и беспристрастное решение становится крайне тяжело. Презумпция виновности, созданная на первых трех шагах конвейера, фактически предрешает исход дела.

Этот механизм — не теоретическая модель. Он безжалостно работал и продолжает работать, разрушая репутации, организации и человеческие судьбы.

Глава 4. Структура языка вражды. Лингвистический анализ риторики Дворкина

Язык — это не просто система знаков для обмена информацией; это поле боя, на котором формируются мировоззрения, конструируются реальности и объявляются войны. В самых темных проявлениях язык становится оружием, способным лишить человека его человеческого облика, превратить соседа во врага, а несогласие — в преступление. Этот феномен, известный как «язык вражды» (hate speech), представляет собой целенаправленное использование речевых стратегий для возбуждения ненависти, дискриминации и оправдания насилия в отношении определенной социальной, этнической, религиозной или иной группы. Язык вражды не аргументирует, а клеймит; не анализирует, а дегуманизирует; не призывает к диалогу, а подстрекает к уничтожению. Книга Александра Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования», позиционируемая как учебное пособие и научный труд по созданию врага, который, как мы увидим, имеет мало общего с наукой, но много — с идеологической войной.

Первый и самый фундаментальный шаг в конструировании врага — это лишение его имени и замена его клеймом. Лингвистическая операция, которую проводит Дворкин, начинается с полного и сознательного отказа от нейтральной, академически принятой лексики. Такие термины, как «новое религиозное движение», «верующий», «религиозная группа» или «последователь учения», практически полностью изгнаны со страниц «Сектоведения». Их место занимает стигматизирующих ярлыков: «секта», «культ» и, как производное, «сектант». В научном религиоведении термин «секта» давно признан оценочным, исторически нагруженным и непригодным для объективного анализа, поскольку он несет в себе коннотации ереси, отступничества и социальной опасности. Дворкин

же не просто реанимирует этот архаичный термин, но делает его центральным понятием своей системы, сознательно эксплуатируя его негативный заряд. Я уже касался этого вопроса в предыдущих главах, но именно здесь, при анализе самого текста, видна вся его разрушительная сила. Он определяет «тоталитарную секту» как «авторитарную организацию, главным смыслом существования которой являются власть и деньги», тем самым с самого начала переводя разговор из плоскости вероучения в плоскость уголовного права. Это определение получает дальнейшее развитие и конкретизацию в более развернутой дефиниции, которая подчеркивает инструмент маскировки истинных намерений:

«Тоталитарными сектами стали называться особые авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и иными масками».

«Структура неопятидесятнических сект строго авторитарна».

«С самого начала организация Армстронга была жестко авторитарной: все беспрекословно подчинялись Армстронгу».

«По свидетельству бывших кришнаитов, отечественная кришнаитская организация – очень жесткая, чрезвычайно авторитарная. Кривоногов тоже является весьма авторитарным человеком…»

Подобная концептуализация выполняет ключевую подмену. Таким образом, человек, исповедующий иные взгляды, перестает быть «верующим» — субъектом с правом на свободу совести — и превращается в «сектанта», объект для разоблачения и борьбы. Этот ярлык мгновенно деперсонализирует, лишает индивидуальности и превращает миллионы разных людей с разными убеждениями в единую, безликую и враждебную массу. Читатель, сталкиваясь с фразой «Наш долг – предупредить человека, говорящего с

сектантом...», уже не воспринимает «сектанта» как собеседника в диалоге, а видит в нем носителя угрозы, опасного «другого», от которого нужно защищаться. Термины «вербовщик» и «культист» лишь усиливают этот эффект, окончательно закрепляя за представителями религиозных меньшинств роли хищника и жертвы обмана.

Следующим шагом в процессе дегуманизации становится использование ингуманных, зоологических и патологических метафор. Если на первом этапе человек был сведен к функции («сектант», «вербовщик»), то на втором он лишается и человеческого статуса, уподобляясь животным, паразитам, болезням или неодушевленным предметам. Этот прием имеет глубокий психологический эффект: он отключает эмпатию и легитимизирует самые агрессивные действия, ведь борьба с паразитами или искоренение болезни воспринимается не как насилие над людьми, а как акт оздоровления и очищения.

Риторика Дворкина и его последователей изобилует подобными образами. Религиозные меньшинства в их изложении — это не сообщества людей, а чужеродные, вредоносные сущности, угрожающие организму «здорового» общества. Эта риторика выстраивается в целостную, хотя и мифологизированную, картину мира. Её отправной точкой становится утверждение о тотальной зараженности общества «оккультным языком»: «И весь этот ньюэйджевский язык сегодня определяет мышление большинства населения громадной страны. Поэтому так много россиян делаются легкой добычей тоталитарных сект... А сейчас даже вытравливать ничего не нужно: не успев как следует вспомнить «забытые» христианские понятия, народ с радостью усваивает оккультный словарь».

Создав образ массового духовного заражения, дискурс переходит к описанию самой «болезни». Здесь используется целый спектр патологических образов. В ответе на вопрос о пользе сект возникает прямая онкологическая аналогия: «Культы не обогащают людей, они

только высасывают из общества соки, ресурсы, вербуют людей, которые полностью вынимаются из общественной жизни, выкачивают из общества финансы в свои закрытые и непрозрачные системы. Все это напоминает раковую опухоль, которая высасывает соки из человеческого организма, пока не убьет его». Этот образ смертельной, паразитической угрозы повторяется и закрепляется: «На общественном уровне тоталитарные секты опасны тем, что, в отличие от традиционных религий, которые обогащают общество и культуру, они высасывают из общества человеческие и финансовые ресурсы».

Для придания этой картине структурности и масштаба используется метафора «ядовитого древа», которое объединяет все «вредоносные» явления в единую враждебную силу: «Но есть единое, мощное оккультное древо, которое противостоит христианству и всецело ему враждебно. Это ядовитое древо существовало всегда, но сегодня оно особенно разрослось и приобрело название религии «Новой эры»». При этом отдельные последователи этих учений могут изображаться не просто как жертвы, а как носители «духовной заразы» в форме мании величия, что дополнительно стигматизирует их психическое состояние: «Часто эта самооценка перерастает в болезненную манию величия. Так, киевский житель Д.В. Кандыба, пережив состояние глубокого транса, стал рассматривать это событие как величайшее откровение в истории планеты...»

Вся эта система метафор — «вирус», «раковая опухоль», «паразиты», «ядовитое древо» — выполняет четкую юридически-идеологическую функцию. Она создает организованную концептуальную базу, предназначенную для координации, агитации и объединения по признаку религиозной нетерпимости. Использование инструментов идеологической мобилизации, в частности контроля языка и жесткого противопоставления «паразитирующего сознания» и «здорового начала», прямо указывает на создание мобилизационной мифологии.

Ключевой итог такого словоупотребления — тотальное уничтожение самой возможности диалога. Использование такой лексики полностью исключает возможность диалога или понимания. С «раковой опухолью» не ведут переговоров, ее уничтожают. «Вирус» не изучают с целью понять его мировоззрение, его изолируют и ликвидируют. Этот прием, как показывает историческая параллель с нацистской риторикой, где евреи изображались как «раковая опухоль нации», направлен на полное обесчеловечивание оппонента и оправдание необходимости его «хирургического» удаления, представляя акты агрессии как акты спасения и гигиены. В результате эта патологическая метафора превращает всё общество в поле для санитарной операции, а «сектоведа» — в хирурга, обладающего правом на самые радикальные меры.

К этому арсеналу дегуманизации добавляются и пейоративные эпитеты, работающие как не подлежащие сомнению квалификаторы. Группы рутинно характеризуются как «тоталитарные», «деструктивные», «человеконенавистнические», «оккультно-сатанинские» и «псевдорелигиозные», что окончательно закрепляет их образ как абсолютного зла, не заслуживающего ничего, кроме уничтожения. Этот набор стигматизирующих ярлыков служит основой для построения образа группы как враждебного агента, проникающего в самые уязвимые сферы общества. Именно так описывается их деятельность:

«В настоящее время тоталитарные секты (деструктивные культы) активно пытаются проникнуть и внедриться в органы образования, здравоохранения, государственного управления, производства и коммерции».

«Более того, не во всех тоталитарных сектах доминирует религиозная или псевдорелигиозная составляющая».

«Сейчас я назвал бы «Общество Сторожевой башни» псевдорелигиозной коммерческой организацией».

«Эта изуверская человеконенавистническая тоталитарная секта…»

«…человеконенавистническом и деструктивном характере секты «Свидетели Иеговы» и о тяжком давлении на личность…»

«…ведь большая часть этих сект и учений чрезвычайно политизирована, носит крайне агрессивный человеконенавистнический характер…»

«Сайентология – это человеконенавистнический картель угнетения…»

Эти прилагательные не являются результатом анализа в тексте Дворкина, они предшествуют ему, выступая в роли аксиоматических ярлыков. Читателю не предлагается доказать, что та или иная группа является «человеконенавистнической», это подается как ее имманентное свойство, не требующее подтверждения. В результате создается герметичная языковая реальность, в которой у объекта критики нет ни единого шанса быть воспринятым иначе, как абсолютное, инфернальное зло.

На фундаменте дегуманизирующей лексики Дворкин возводит здание своей риторики с помощью мощнейшего инструмента — концептуальной метафоры. Он не просто описывает религиозные движения; он встраивает их в три глобальных метафорических фрейма: «ВОЙНА», «БОЛЕЗНЬ» и «КРИМИНАЛ». Эти метафоры не являются простыми украшениями речи; они структурируют само мышление, определяют роли участников, допустимые действия и желаемый исход. Первая и наиболее проявленная — это военная метафора. Религиозное пространство России в «Сектоведении» предстает как территория, оккупированная врагом, как поле битвы. Дворкин пишет о «победном шествии сект», которые «фактически оккупировали всю страну». Для противостояния этой «оккупации» нужны не богословы или социологи, а солдаты. Автор с гордостью упоминает «пять тысяч бойцов» антикультистского фронта и «отборные полки» борцов с инакомыслием. Сама деятельность по

информированию общества о сектах называется «борьбой» и «войной». Эта милитаризация дискурса достигает своего апогея в риторике «оккупации» и прямых сравнениях адептов с кадровыми военными:

«К сожалению, государство и народ в их нынешнем духовном состоянии не смогли адекватно отреагировать на агрессию сект, которые фактически оккупировали всю страну, включая и такие «медвежьи углы», где и самим медведям не больно весело живется».

«Но не нужно и успокаивать себя относительно небольшими цифрами членов некоторых сект: дескать, мунитов у нас в стране всего-навсего пять тысяч, а нас, православных, — вон сколько! Пять тысяч мунитов — это пять тысяч бойцов. Это отборные полки, элита, состоящая, так сказать, из одних офицеров. Они беззаветно преданы лидеру секты, беспрекословно выполняют его приказания и все 24 часа в сутки отдают секте, как правило, получая за это лишь самые, мягко говоря, спартанские жилищные условия, скудную пищу и подержанную одежду».

Этот милитаристский язык имеет далеко идущие последствия. Он превращает религиозный плюрализм из нормального состояния современного общества в экзистенциальную угрозу национальной безопасности. В парадигме войны нет места для компромисса или сосуществования; есть только свои и враги, победа или поражение. Любые действия, направленные против «врага», включая законодательные запреты и общественное порицание, становятся оправданными и даже необходимыми актами самообороны.

Вторая ключевая метафора — медицинская, или патологическая. Как уже упоминалось, она представляет инакомыслие не как иную точку зрения, а как симптом тяжелого заболевания. «Секты» — это «раковая опухоль на теле общества», «эпидемия», распространяющая «духовную заразу». Отдельные религиозные группы — это «метастазы», которые необходимо «вырезать», чтобы спасти здоровый организм. Метафора болезни достигает своей кульминации

в описании механизма «заразы» и «лечения», где инакомыслие трактуется буквально как инфекционное заболевание, требующее карантина и принудительной терапии:

«Подавляющая личность заразна, поэтому, вступая с нею в контакт и делаясь ПИПом *(прим. Термин «ПиП» (или ПИП) — это аббревиатура, означающая «потенциально подавляющая личность»)*, человек начинает распространять вокруг себя антисоциальность, следовательно, и его нужно изолировать и лечить от этого контакта. Если ПИП не «излечивается», то он диагностируется как подавляющая личность и поступать с ним нужно соответственно».

«Сайентологи теряют контроль над собственным языком и начинают говорить на сайентологическом новоязе: наступает состояние «сайентологического дебилизма», когда цель совершенно не соразмеряется с тем, что они хотят сделать: они уверены, что всесильны».

Эта риторика особенно коварна, поскольку она апеллирует к инстинктивному страху перед болезнью и смерти, а также облекает идеологическую нетерпимость в одежды заботы о здоровье нации. Позиция Дворкина — это позиция врача, ставящего диагноз. Он не спорит с идеями, а описывает их как патологию. Человек, попавший в «секту», — это не свободно выбравший свой путь индивид, а «больной», «инфицированный», нуждающийся в принудительном «лечении», которое в антикультистском жаргоне носит название «депрограммирование». Логическим завершением этой медицинской метафоры становится миссия не просто лечить, но и предупреждать «здоровых» членов общества о смертельной угрозе, что превращает критика из идеологического оппонента в гигиениста, спасающего население от эпидемии:

«И мы можем предупреждать еще не сделавших свой религиозный выбор людей о смертельной опасности сектантства».

Таким образом, насилие над личностью и ее убеждениями переопределяется как терапевтическое вмешательство, как

спасительная операция. Риторический эффект огромен: критик превращается в диагноста, оппонент — в пациента, а репрессии — в лечение.

Третий метафорический столб, на котором держится риторика Дворкина, — криминальный. Религиозные организации систематически сравниваются с организованными преступными группировками. Автор прямо заявляет, что «сектантская организация» — это структура, подобная «мафии или кадровой партии ленинского типа».

«Сектантская организация — это не религиозная организация в том виде, как мы обычно привыкли ее себе представлять. Если ее с чем-то сравнивать, то больше всего она похожа на мафию или на кадровую партию ленинского типа — сжатую «в один громящий кулак», с железной дисциплиной и беспрекословным подчинением, с совершенно определенной нацеленностью на захват ключевых позиций...»

Это сравнение немедленно выводит дискуссию из религиозной и правовой сферы в уголовную. Если «секта» — это «мафия», то ее деятельность по определению преступна, ее лидеры — преступники, а ее рядовые члены — либо соучастники, либо жертвы криминала. Такие утверждения делаются бездоказательно, без ссылок на вступившие в законную силу приговоры судов. Цель этого приема — создать у читателя стойкую ассоциацию между религиозным инакомыслием и уголовщиной. Это позволяет требовать от государства не защиты свободы совести, а применения репрессивных мер, как если бы речь шла о борьбе с наркокартелем или террористической ячейкой. Обвиняя сайентологов в стремлении к «искоренению всех несайентологических идей», а кришнаитов — в желании «установить самый жесткий контроль над средствами массовой информации», Дворкин рисует образ не религиозных групп, а тоталитарных политических заговоров, стремящихся к захвату власти. Эта концепция служит краеугольным камнем его аргументации, последовательно низводящей любые проявления

религиозного инакомыслия до уровня экзистенциальной угрозы государственному суверенитету и мировому порядку. Именно в этом ключе следует рассматривать его оценку деятельности различных движений. Эта концепция достигает своего апогея в утверждениях о существовании глобального политического заговора, где религиозные учения прямо отождествляются с тоталитарными идеологиями прошлого в их стремлении к мировому господству:

«В литературе, посвященной НЭ *(прим. Нью Эйдж)*, часто встречается информация о неком широком политическом заговоре ньюэйджеров для захвата власти в мировом масштабе».

«Адепт «Радастеи» должен перестать ощущать себя землянином и человеком: он – «Существо», а в идеале «Лучистый человек». Тем, кто стремится к безраздельной власти...»

«Подавляющее большинство тоталитарных сект, действующих в нашей стране, не менее активно, чем нацисты и коммунисты, стремятся к тоталитарному контролю над миром, к мировому господству. Практически у каждой в той или иной степени есть планы захвата власти над миром, как это невероятно ни звучит, есть и некоторая схема идеального порядка, который они намерены установить в случае своего прихода к власти».

В этой картине мира нет места презумпции невиновности. А само членство в «секте» становится признаком причастности к преступному замыслу. Военная, медицинская и криминальная метафоры, работая в синергии, создают мощнейший пропагандистский эффект: врага нужно атаковать (война), вырезать (болезнь) и сажать в тюрьму (криминал). Никаких других вариантов взаимодействия с ним не предусматривается.

Столь же псевдонаучным является и концепт «контролирование сознания» (mind control). Этот термин, восходящий к риторике времен Холодной войны и американским антикультовым движениям 1970-х годов, Дворкин представляет как новейшее научное открытие и ключевую характеристику «сект». Он утверждает, что новизна

современных сект заключается именно в «систематическом использовании психологических наработок XX века, направленных на подавление воли, мыслей, чувств и поведения человека». Позиционируя «контролирование сознания» как новейший научный инструмент, автор, однако, не предоставляет объективных критериев для его идентификации, что позволяет применять этот ярлык к любым практикам, вызывающим идеологическое неприятие. В результате, термин, претендующий на психологическую точность, на практике вырождается в описание банальных механизмов группового давления и манипуляции, что хорошо видно на следующем примере: «На практике подотчетность значила подавление всякой личной свободы и принуждение к отказу от всех мнений и убеждений…»

Подавая эту идею как факт, Дворкин не ссылается ни на одно рецензируемое исследование в области психологии или нейробиологии, которое бы подтверждало существование таких технологий. Напротив, в академической психологии и социологии религии концепция «промывания мозгов» или «контроля сознания» давно считается псевдонаучной и лишенной эмпирической базы. Наука изучает механизмы убеждения, социального влияния, когнитивные искажения, но не мифическую технологию полного подчинения воли. Однако для Дворкина «контролирование сознания» — это удобный конструкт, который позволяет объяснить присоединение людей к НРД не свободным выбором, а результатом злонамеренной манипуляции. Это превращает верующего в жертву, лишенную субъектности, а его религиозную группу — в преступную организацию, что полностью соответствует общей криминальной метафоре.

Термин, «бомбардировка любовью» (love bombing), также заимствован из лексикона западных антикультистов. Дворкин описывает его как «мунитский термин», обозначающий «искусственно создаваемое чувство единой семьи и принадлежности, достигаемое за счет постоянных объятий, поцелуев, прикосновений и непрекращающейся лести». Он представляет эту тактику как

коварную и манипулятивную, направленную на то, чтобы «очаровать человека и создать ощущение принятия, с последующей эксплуатацией этой зависимости». В этой интерпретации любое проявление тепла, дружелюбия и гостеприимства со стороны религиозной группы априори трактуется как притворная и злонамеренная манипуляция. Этот прием позволяет дискредитировать любую позитивную коммуникацию, представляя ее как часть преступного замысла. В академическом религиоведении или социологии подобные проявления групповой солидарности рассматривались бы в контексте механизмов социальной интеграции, харизмы и построения сообщества. Дворкин же, не утруждая себя анализом, просто наклеивает ярлык «бомбардировка любовью», который мгновенно превращает акт дружелюбия в акт агрессии. Таким образом, вся его «терминология» оказывается не набором аналитических инструментов, а арсеналом риторических дубин. Эти термины не помогают понять явление, а заранее выносят ему обвинительный приговор, создавая иллюзию научного анализа там, где есть лишь идеологическое клеймение.

Когда псевдонаучной терминологии оказывается недостаточно для убеждения аудитории, в ход идет самый прямой и незамысловатый риторический прием — апелляция к авторитету. Однако в случае Дворкина эта апелляция приобретает специфическую, рекурсивную форму: он является экспертом, потому что сам провозгласил себя экспертом и создал вокруг себя институциональную рамку, подтверждающую этот статус. Его авторитет не основывается на верифицируемых научных достижениях — публикациях в ведущих рецензируемых журналах, признании в международном академическом сообществе религиоведов, защите диссертации по соответствующей специальности. Вместо этого он строится на должностях и статусах, которые сами по себе используются как аргумент. Он выступает не просто как частный исследователь, а как представитель государственной инстанции, что придает его словам дополнительный вес в глазах чиновников,

журналистов и широкой публики. Это позволяет ему подавлять критику не силой аргументов, а силой должности, переводя научную дискуссию в административную плоскость.

Другим источником авторитета для Дворкина является его тесная связь с Русской Православной Церковью. Его книга «Сектоведение» позиционируется как «учебное пособие для православных духовных учебных заведений», его деятельность поддерживается и поощряется многими епархиями, а сам он выступает как «богослов» и «церковный историк». Это позволяет ему апеллировать к авторитету «традиции» и представлять свою деятельность не как частное мнение, а как защиту канонического православия от «еретических» и «чуждых» влияний. Ссылки на документы РПЦ и мнения ее иерархов используются в его риторике как неоспоримые доказательства, что подменяет научный анализ богословской полемикой. При этом сам Дворкин конструирует свой образ как носителя эксклюзивного, почти сакрального знания о «сектантской угрозе». Его речевые конструкции часто содержат мотив избранности: он и его соратники — это «бойцы антикультистского фронта», которые видят опасность там, где обыватели и даже другие ученые пребывают в благодушном неведении. Он говорит не как один из многих исследователей, предлагающий свою гипотезу, а как пророк, вещающий истину в последней инстанции. Эта риторика, подкрепленная административным ресурсом и поддержкой мощной религиозной институции, создает герметичную систему, в которой авторитет Дворкина становится самоподдерживающимся и практически неуязвимым для критики со стороны непосвященной аудитории. Он эксперт, потому что возглавляет экспертный совет. Его мнение верно, потому что оно совпадает с позицией Церкви. А те, кто с ним не согласен, либо сами «сектанты», либо их пособники, либо наивные простаки, не способные разглядеть смертельную угрозу, которую видит только он.

Фундаментом, на котором возводится здание псевдонаучного авторитета, служит радикальное упрощение реальности, сводимое к набору ложных дихотомий. Мышление Дворкина насквозь дуалистично, оно не терпит сложности, нюансов и переходных состояний. Весь многообразный и динамичный религиозный ландшафт он делит на две антагонистические категории: «Традиционные религии» и «Секты». Первая категория, к которой он, по сути, относит лишь православие и несколько других «исторических» конфессий, априори наделяется всеми положительными характеристиками: истинная духовность, культурная ценность, социальная полезность, историческая легитимность. Вторая категория — «Секты» — это универсальное вместилище всего негативного. Любое новое религиозное движение, любая группа, не вписывающаяся в узкие рамки «традиции», автоматически попадает в эту категорию и наделяется набором инфернальных черт: деструктивность, тоталитаризм, стремление к власти и деньгам, контроль сознания, человеконенавистничество. Эта бинарная оппозиция не является результатом анализа; она ему предшествует. Дворкин не доказывает, что конкретная группа является «деструктивной», он сначала объявляет ее «сектой», из чего ее деструктивность следует автоматически. Например, он проводит различие между «классическими сектами», такими как баптисты, которые, по его мнению, не несут большой социальной опасности, и «тоталитарными сектами», которые обладают «совершенно новыми чертами», такими как «агрессивные методы пропаганды, вербовки, контроль сознания и связи с организованной преступностью». Эта классификация произвольна и служит лишь одной цели: провести демаркационную линию между «своими» (или, по крайней мере, «терпимыми чужими») и абсолютными «врагами».

Эта логика ложных дихотомий пронизывает всю его риторику. Она проявляется в противопоставлении «Истинной духовности», которая якобы возможна только в рамках «традиции», и «псевдодуховности» или «лжедуховности», которой занимаются все

остальные. Такой подход полностью исключает возможность нейтрального, объективного исследования, которое является основой академического религиоведения. Социолог или историк религии изучает верования и практики такими, какие они есть, анализирует их происхождение, социальную структуру, функции, не вынося оценочных суждений об их «истинности» или «ложности». Дворкин же действует как идеологический инквизитор: его главная задача — отделить «чистое» от «нечистого», «свое» от «чужого», «добро» от «зла». Эта черно-белая картина мира чрезвычайно удобна для пропаганды, поскольку она апеллирует к архаичным структурам мышления и предлагает простые ответы на сложные вопросы. Она создает ясный образ врага и мобилизует на борьбу с ним. Однако она не имеет ничего общего с научным анализом, который по своей природе стремится к сложности, многообразию и полифонии. Мир Дворкина — это плоский мир, лишенный полутонов, в котором нет места для диалога, понимания или даже простого любопытства к «другому». Есть только поле битвы, на котором силы «традиционной духовности» ведут священную войну против легионов «тоталитарных сект».

Глава 5. Фабрика страха. Механика создания моральной паники

Чтобы понять книгу Александра Дворкина «Сектоведение», необходимо отказаться от предположения, что ее главная цель — информирование. Несмотря на академический фасад, объемные сноски и претензию на систематическое исследование, текст работает по законам совершенно иного жанра. Это не научная монография и не учебное пособие в строгом смысле этого слова. Это тщательно сконструированный механизм, предназначенный для генерации и управления страхом. Его задача — не просветить читателя, а погрузить его в состояние тревоги, отвращения и

экзистенциальной угрозы, после которого единственным спасением кажется принятие авторской картины мира. «Сектоведение» — это классический пример инструмента для создания того, что социолог Стэнли Коэн назвал «моральной паникой». В 1972 году в своей работе «Народные дьяволы и моральная паника» Коэн описал социальный феномен, при котором определенное явление, группа людей или событие начинают восприниматься обществом как угроза его фундаментальным ценностям и безопасности. Эта реакция почти всегда непропорциональна реальному масштабу угрозы. Она раздувается средствами массовой информации, политическими или религиозными «моральными предпринимателями», которые конструируют образ врага — «народного дьявола» — и призывают к немедленным и жестким ответным мерам. Моральная паника отключает критическое мышление, заменяя рациональный анализ эмоциональной реакцией. Общество, охваченное паникой, не ищет нюансов; оно ищет виновных и способы их нейтрализации. Именно эту функцию и выполняет книга Дворкина. Она не анализирует новые религиозные движения (НРД) как сложный социальный, культурный и психологический феномен. Она представляет их как единую, монолитную, зловещую силу, угрожающую самому существованию общества, семьи и личности. Весь ее нарратив, от подбора примеров до выбора лексики, подчинен одной цели: доказать, что «секты» — это не просто иное мировоззрение, а абсолютное зло, с которым не может быть диалога, а возможна только война. Таким образом, «Сектоведение» превращается из книги в оружие, а из текста — в фабрику по производству страха.

Один из самых мощных инструментов в арсенале создателя моральной паники — это сторителлинг, искусство рассказывать истории. Человеческая психика гораздо восприимчивее к нарративам, чем к сухим фактам или статистическим данным. История апеллирует к эмоциям, она создает эффект присутствия, заставляет сопереживать героям и ненавидеть злодеев. Александр Дворкин мастерски использует этот прием, превращая страницы

своей книги в галерею ужасов. Вместо того чтобы анализировать доктрины или социальную структуру различных движений, он предлагает читателю серию коротких, но предельно эмоционально заряженных рассказов о «жертвах сект». Эти истории, как правило, строятся по единому шаблону: невинный человек (часто молодой, ищущий смысл жизни) попадает под влияние зловещих «вербовщиков», его личность стирается, он отдает все свое имущество, разрывает связи с семьей и превращается в безвольного раба харизматичного лидера. Кульминацией таких историй часто становятся безумие, насилие или смерть. Эффективность этого метода заключается в том, что ужас, вызванный одной, пусть и реальной, трагедией, путем риторических манипуляций переносится на все без исключения группы, которые автор маркирует ярлыком «секта».

Эти эмоционально заряженные нарративы выполняют роль своеобразного «троянского коня» для сознания читателя. Пройдя через порог сопереживания и страха, который открывает сторителлинг, читатель оказывается психологически подготовлен к принятию гораздо более радикальных идей. И здесь в игру вступает следующий, уже концептуальный инструмент, который выстраивается на фундаменте этих историй ужаса. Если нарративы заставляют бояться последствий, то следующий прием призван объяснить источник этого зла, наделяя его пугающим и абсолютным обликом.

Первый инструмент в этом арсенале, самый грубый и самый эффективный, — это демонизация. Его суть в том, чтобы присвоить оппоненту черты абсолютного, метафизического зла. Противник перестает быть человеком с иными взглядами; он становится воплощением инфернальной угрозы, экзистенциальным врагом, с которым невозможен диалог, а возможна только тотальная война. Когда вы сражаетесь не с оппонентом, а с дьяволом, любые средства хороши. В книге «Сектоведение. Тоталитарные секты» я нахожу формулировку, которая поражает своей откровенностью. Рассуждая о

восточных религиях, Дворкин пишет: «Индуизм, особенно в его оккультном аспекте, питает и, возможно, составляет ядро формирующейся на наших глазах религии или, скорее, консенсуса религий Антихриста». Задумайтесь на мгновение над весом этих слов. Одна из древнейших мировых религий, насчитывающая более миллиарда последователей, обладающая сложнейшей философской и духовной традицией, одним росчерком пера объявляется предтечей и ядром религии Антихриста. Это не теологический спор, не научная критика. Это объявление священной войны. Любой последователь индуизма, любой человек, интересующийся йогой или медитацией, автоматически попадает в категорию пособника сил тьмы. Дискуссия на этом заканчивается. Начинается экзорцизм. Эта глобальная демонизация затем легко преломляется в конкретные обвинения. Так, комментируя священный для многих индуистов текст «Бхагавад-гита как она есть», Дворкин не стесняется в выражениях, называя его комментарии «человеконенавистническими и оскорбляющими религиозные чувства последователей других религий». Демон найден, его злодеяния названы. Остается только привести приговор в исполнение.

И приговор не заставил себя ждать. В 2011 году в сибирском городе Томске развернулась драма, которая выглядела бы абсурдным фарсом, если бы не была так опасна. Прокуратура города обратилась в суд с требованием признать книгу «Бхагавад-гита как она есть» экстремистским материалом и запретить ее на территории всей Российской Федерации. Вдумайтесь: священный текст, являющийся частью индуистского канона на протяжении тысячелетий, предлагалось поставить в один ряд с неонацистскими листовками и призывами к насилию. Откуда у томских прокуроров возникла такая идея?

Основанием для иска послужило «экспертное заключение», подготовленное в частном порядке тремя сотрудниками Томского государственного университета (ТГУ). В этом документе, написанном в полном соответствии с лекалами антикультистской риторики,

утверждалось, что книга содержит «признаки разжигания религиозной ненависти, унижения достоинства человека по признакам пола, расы, национальности... отношения к религии». Александр Дворкин, как председатель Экспертного совета при Минюсте, немедленно и публично поддержал обвинения. В своих многочисленных интервью и выступлениях он полностью воспроизвел свой стандартный набор риторических приемов. Он заявил, что претензии прокуратуры «вполне обоснованы», поскольку книга «имеет очень и очень опосредованное отношение к древнеиндийской книге», являясь «очень вольным и не слишком квалифицированным переводом». Комментарии Прабхупады он охарактеризовал как «человеконенавистнические и оскорбляющие религиозные чувства последователей других религий». А само ИСККОН, следуя своей логике ложных дихотомий, он объявил «типичной тоталитарной сектой», не имеющей отношения к «традиционному индуизму».

Дворкин даже лично приезжал в Томск, чтобы оказать давление на общественное мнение и поддержать сторону обвинения. В этот момент казалось, что его авторитет как главы федерального экспертного совета и признанного «сектоведа» станет решающим фактором. Однако именно здесь и произошел перелом. Когда дело дошло до реального судебного разбирательства, где каждая сторона должна была представить верифицируемые доказательства, вся конструкция начала рассыпаться. Кульминацией стал допрос в суде тех самых «экспертов» из ТГУ, на заключении которых строилось все обвинение. Под перекрестным огнем вопросов со стороны защиты и суда они не смогли отстоять свои выводы и, в конечном счете, были вынуждены публично признать собственное заключение «несостоятельным и ненаучным» и отказаться от него. Это был оглушительный провал. Фундамент, на котором держался весь процесс, оказался трухлявым.

Провал псевдоэкспертизы вызвал цепную реакцию в академическом сообществе, которое до этого момента в основном игнорировало деятельность Дворкина. Ведущие российские ученые-

индологи, религиоведы, философы и историки выступили с резкой критикой как самой попытки запрета священного текста, так и уровня «экспертизы», лежавшей в ее основе. Заведующий кафедрой истории Древнего Мира ТГУ Олег Хазанов заявил, что не считает книгу опасной. Группа виднейших российских ученых, включая академиков РАН, направила открытое письмо президенту России, в котором указала, что книга «не содержит признаков экстремизма», а сам процесс «наносит непоправимый урон репутации России». Томский государственный университет, стремясь смыть с себя позор, организовал всероссийскую научную конференцию «Бхагавад-гита в истории и в современном обществе», участники которой приняли резолюцию, назвав первоначальную экспертизу «непрофессиональной, вненаучной и ангажированной» и выразив прямое «недоверие А.Л. Дворкину как председателю экспертного совета при Минюсте РФ». Суд, лишившись первоначального «доказательства» и столкнувшись с единой позицией научного сообщества, назначил новую экспертизу, которая также не дала однозначных результатов. В итоге 28 декабря 2011 года Ленинский районный суд Томска полностью отказал прокуратуре в удовлетворении иска. Апелляция, поданная обвинением, также была отклонена Томским областным судом 21 марта 2012 года, который поставил в этом деле окончательную точку. Томский кейс стал моментом истины. Он показал, что риторические приемы, эффективно работающие в медийном пространстве и в общении с некомпетентной аудиторией, оказываются бессильны в условиях состязательного процесса, требующего фактов и строгой методологии. Авторитет, построенный на псевдонауке, лопнул, как мыльный пузырь, столкнувшись с настоящей наукой.

Этот кейс стал показательным примером того, как демонизирующая риторика одного «эксперта» и его последователей способна не только разжечь ненависть внутри страны, но и поставить под угрозу международные отношения, создать прецедент для атаки на мировые религии и выставить целую страну на посмешище. Слова

об «Антихристе», написанные в тиши кабинета, едва не привели к запрету одной из величайших книг человечества и к дипломатической войне с ядерной державой.

Если демонизация — это объявление врага абсолютным злом, то следующий шаг — дегуманизация. Это лишение оппонента человеческого облика. Если враг — не человек, а паразит, мусор, вирус или зомби, то к нему неприменимы нормы гуманизма, этики и права. С мусором не ведут диалог — его утилизируют. Паразитов уничтожают. Дегуманизация — это риторическая лицензия на убийство, сначала социальное, а затем, возможно, и физическое. Дворкин мастерски владеет этим приемом, используя зоологические, медицинские и объектные метафоры, чтобы вычеркнуть целые группы людей из категории человеческого. Читая его описание вероучения Свидетелей Иеговы, я натыкаюсь на фразу, от которой веет холодом братских могил и печей крематориев. Он пишет, что в конце времен верующие «примут участие в чистке Земли от оставшегося "мусора" (очевидно, и от миллиардов человеческих тел)». Он приписывает им эту чудовищную идею, но само слово «мусор», использованное для обозначения миллиардов людей, — это его слово. Он вводит его в оборот, нормализует его. И когда читатель, обработанный такой риторикой, видит на улице Свидетеля Иеговы, он видит уже не человека с Библией, а представителя группы, которая считает его «мусором». Естественная реакция — страх, отвращение и ненависть. Но Дворкин идет дальше простого оскорбления. Он создает видимость научной классификации, чтобы придать дегуманизации вес объективного факта. О тех же Свидетелях Иеговы он пишет: «Так секта выполнила то, чего не удалось тоталитарным, коммунистическим режимам: был создан новый человек, навсегда порвавший с наследием "проклятого прошлого" — homo jehovisticum…».

Введение этого псевдолатинского термина — гениальный пропагандистский ход. Он создает иллюзию появления нового биологического вида, не совсем homo sapiens. Это уже не просто

люди с другими убеждениями. Это — «человек иеговистский», отдельное существо, чей мозг «промыт», чья воля подавлена, чья человеческая сущность стерта. С homo jehovisticum нельзя договориться, его нельзя переубедить. Его можно только изолировать, запретить и ликвидировать как биологическую угрозу.

Язык дегуманизации, оттачиваемый годами в книгах, статьях и лекциях Дворкина, создал идеальную почву для того, что произошло в 2017 году. 20 апреля Верховный суд Российской Федерации вынес решение, которое стало кульминацией многолетней кампании ненависти. «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и все его 395 местных религиозных организаций были признаны экстремистскими, их деятельность была запрещена, а имущество подлежало конфискации в пользу государства. В одночасье 175 тысяч граждан России стали преступниками просто за то, что они продолжали исповедовать свою веру. Многолетняя кампания, в которой Дворкин был одной из ключевых и самых громких фигур, достигла своей цели.

Общественное мнение и сознание представителей силовых структур были подготовлены. Образ Свидетелей Иеговы как группы верующих, со своими, пусть и спорными с точки зрения других конфессий, взглядами, был стерт. На его место пришел образ, созданный пропагандой: безвольная, фанатичная, управляемая из-за рубежа масса «homo jehovisticum», угрожающая обществу и государству. Риторика о «мусоре», который якобы должен быть сметен, бумерангом вернулась к самим верующим — теперь уже государство «зачищало» от них собственную территорию. Дегуманизация лишила их права на сочувствие и защиту в глазах многих сограждан. Когда в новостях показывали очередное задержание, многие видели не арест пенсионерки за чтение Библии в кругу друзей, а обезвреживание опасного «сектанта». Юридическая расправа стала возможной потому, что ей предшествовала расправа риторическая. Последствия этого решения были чудовищны и продолжаются по сей день. Сотни уголовных дел были возбуждены по

всей стране. Обыски, допросы, аресты стали повседневной реальностью для тысяч семей. Людей сажали в тюрьмы на длительные сроки за совместные молитвы, пение псалмов и обсуждение религиозных текстов — действия, которые в любой цивилизованной стране являются неотъемлемым правом человека. Семьи были разрушены, люди теряли работу, имущество и репутацию. В 2022 году Европейский суд по правам человека вынес исчерпывающее решение по этому делу, признав запрет Свидетелей Иеговы в России и последующее преследование верующих незаконными и потребовав прекратить уголовные дела и освободить всех заключенных. ЕСПЧ прямо указал, что российские власти не предоставили ни одного доказательства того, что верующие призывали к насилию или разжигали рознь. Но это решение было проигнорировано. Машина репрессий, запущенная в том числе и «словами-убийцами» о «мусоре» и «homo jehovisticum», уже набрала ход и не собиралась останавливаться. Дегуманизация стала прямым и неоспоримым основанием для массовых репрессий против мирных граждан.

Как эта абстрактная конспирология превращается в конкретные уголовные дела, я увидел на примере «Церкви последнего завета», более известной как община Виссариона. Десятилетиями в глухой сибирской тайге, в Курагинском районе Красноярского края, существовал уникальный социальный эксперимент. Тысячи людей, приехавших со всей России и из-за рубежа, строили свой «Город Солнца» — экопоселение, основанное на принципах отказа от насилия, вегетарианства и жизни в гармонии с природой. Они строили дома, выращивали овощи, воспитывали детей, создали свою уникальную культуру и систему образования. Конечно, их вероучение, в центре которого стоял бывший милиционер Сергей Тороп, называвший себя Виссарионом, было крайне специфичным и вызывало много споров. Но на протяжении почти тридцати лет они жили мирно и ни для кого не представляли угрозы. Дворкин, конечно, не обошел их своим вниманием, регулярно упоминая как

одну из опаснейших «сект». И хотя он не обвинял Виссариона в стремлении к «мировому господству» напрямую, именно его общая риторика создала шаблон, который идеально лег в основу действий правоохранительных органов.

В сентябре 2020 года в общине развернулась настоящая военная операция. С участием вертолетов, бойцов ФСБ и Росгвардии были арестованы Сергей Тороп и двое его ближайших сподвижников. Изолированная община, живущая по своим правилам, была представлена обществу не как уникальный социальный феномен, а как враждебная тоталитарная ячейка, где осуществляется «психологическое насилие» и «причиняется вред здоровью граждан». Им были предъявлены обвинения по статьям Уголовного кодекса о создании организации, посягающей на личность и права граждан, и умышленном причинении вреда здоровью. Самое поразительное в этом деле — то, как тезисы Дворкина перекочевали со страниц «Сектоведения» прямо в материалы обвинительного заключения. В ходе следствия и суда активно использовались «экспертизы», основанные на его работах. Прокуроры и следователи, не утруждая себя глубоким анализом жизни общины, просто взяли готовый пропагандистский трафарет. Если Дворкин пишет, что «секты» стремятся к власти и контролю, значит, они по определению применяют насилие. А раз они применяют насилие, то вегетарианство — это уже не осознанный выбор взрослого человека, а «причинение вреда здоровью», а жизнь в общине — не добровольное решение, а «посягательство на личность и права». Абстрактное обвинение в «стремлении к власти» трансформировалось в конкретные, тяжкие уголовные статьи. В результате лидеры общины были приговорены к длительным срокам заключения, а сама община оказалась под угрозой полной ликвидации. Кейс Виссариона стал ярчайшей демонстрацией того, как конспирологическая риторика становится прямым руководством к действию для силовой машины государства.

Следующий прием в этом смертоносном наборе — пропаганда неполноценности. Если предыдущие методы были нацелены на группу как на враждебный коллектив, то этот бьет по каждому отдельному человеку, лишая его достоинства и права на самостоятельный выбор. Последователей новых учений изображают как людей второго сорта — умственно отсталых, социально неадаптивных, морально падших. Их выбор веры преподносится не как результат духовного поиска, а как симптом личной неудачи, слабости и глупости. Такое отношение оправдывает патернализм и пренебрежение. Если человек — неполноценный «неудачник», то он не способен принимать за себя решения, и «здоровое» общество в лице его семьи или государства вправе вмешаться и «спасти» его, даже против его воли. Ярчайший пример такого подхода я нахожу у Дворкина в его пассаже о первых последователях Общества сознания Кришны на Западе: «Были и такие, которые, будучи изгоями и неудачниками, не нашедшие себе места в западном обществе… с радостью бросились в распростертые объятия Прабхупады, который с готовностью принял их в рабство». В одной этой фразе сконцентрирован весь яд этого приема. Люди, сделавшие свой мировоззренческий выбор, моментально клеймятся как «изгои и неудачники». Их свободное волеизъявление низводится до уровня рабства. Они не субъекты, а объекты — жалкие, сломленные существа, не заслуживающие уважения. Эта риторика имеет не только теоретическое, но и самое прямое практическое применение, порождая страшный социальный феномен — разрушение семей и практику так называемого «депрограммирования».

Если рассказы об ужасах вроде Джонстауна служат для эмоционального шока, а риторика заговора создает фон перманентной угрозы, то для связи между этими двумя уровнями используется еще один классический демагогический прием — аргумент «скользкой дорожки» (argumentum ad slippery slope). Суть этой логической ошибки заключается в том, чтобы представить некое относительно безобидное начальное действие как первый,

неизбежный шаг по наклонной плоскости, ведущей к катастрофическим последствиям. Между точкой А (например, увлечение йогой) и точкой Я (массовое ритуальное самоубийство) выстраивается мнимая причинно-следственная цепь, состоящая из череды все более пугающих событий, при этом каждый следующий шаг подается как фатально предопределенный предыдущим. Этот прием чрезвычайно эффективен для создания моральной паники, поскольку он позволяет взять любое нейтральное или даже позитивное явление и связать его в сознании аудитории с самым страшным из возможных исходов. В «Сектоведении» аргумент «скользкой дорожки» является не просто отдельным приемом, а фундаментальным принципом, на котором строится вся система доказательств. Дворкин редко анализирует конкретные практики или идеи новых религиозных движений сами по себе. Вместо этого он постоянно намекает или прямо заявляет, к какому ужасному финалу они неизбежно приведут. Сама структура его книги, где под одной обложкой собраны мирные группы, занимающиеся медитацией, и деструктивные культы, совершившие насилие, уже является формой аргумента «скользкой дорожки». Читателю как бы говорят: «Смотрите, все они — часть одного явления, и хотя сегодня они выглядят по-разному, путь у них один». Классическая схема этого аргумента в изложении Дворкина выглядит так: «сегодня он читает мантры — завтра он отдаст квартиру — послезавтра он покончит с собой».

Первоначальное действие — чтение мантр — само по себе не несет угрозы. Однако оно представляется как симптом «попадания в секту», которое запускает необратимый процесс личностной и социальной деградации. Дворкин утверждает, что в основе деятельности «тоталитарных сект» лежит использование «современных психологических наработок, направленных на подавление воли человека и контролирование его мыслей, чувств и поведения». Эта псевдонаучная концепция «контроля сознания» (которая не признается большинством авторитетных психологов и

социологов религии) и является тем самым механизмом «скользкой дорожки». Согласно этой логике, как только человек сделал первый шаг — пришел на собрание, прочитал книгу, прошел семинар, — он попадает под действие неотразимых психотехник, которые лишают его свободы воли и ведут по заранее запрограммированному пути к разрушению. Право свободного выхода, как утверждает Дворкин, в таких группах отсутствует или фиктивно. Таким образом, любая безобидная практика (например, предложение пройти бесплатный личностный тест у сайентологов или приглашение на изучение Библии от Свидетелей Иеговы) превращается в смертельную ловушку, из которой нет выхода. Это позволяет автору требовать запрета и преследования не за конкретные преступления, а за сам факт существования и миссионерской деятельности таких групп. Ведь если первый шаг фатален, то нужно предотвратить саму возможность его совершения. Особенно ярко аргумент «скользкой дорожки» проявляется в критике Дворкиным любых форм межрелигиозного диалога или синкретизма. С его точки зрения, попытка найти что-то общее между православием и другими учениями, особенно восточными, — это не просто богословская ошибка, а первый шаг к предательству веры и сползанию в «оккультизм» и «сатанизм».

В основе нашумевшего судебного процесса в Томске, объектом которого стала «Бхагавад-гита как она есть», лежала классическая логика «скользкой дорожки»: сегодня общество толерантно относится к «Бхагавад-гите», а завтра кришнаиты, которых Дворкин причисляет к «тоталитарным сектам», установят в России «кастовую систему» и начнут «суровые наказания для всех несогласных». Уважение к чужой святыне представляется как пособничество врагу и первый шаг к национальной катастрофе. Этот прием позволяет Дворкину отвергать любые попытки построения гармоничного мультиконфессионального общества. В его картине мира существует только «истинная вера» (православие) и бездна «сектантства», а между ними — та самая скользкая дорожка, по которой может

скатиться любой, кто проявит излишнюю открытость или любопытство.

Он прямо заявляет, что православная церковь не может вести диалог с определенными группами, фактически исключая их из правового и общественного поля. Этот аргумент работает потому, что он апеллирует к страху перед неизвестностью и желанию простых решений. Вместо того чтобы разбираться в сложной палитре религиозных идей, гораздо проще объявить все «нетрадиционное» потенциально опасным. Аргумент «скользкой дорожки» превращает презумпцию невиновности в презумпцию виновности. Любое новое религиозное движение виновно не в том, что оно сделало, а в том, что оно может сделать, согласно апокалиптическому сценарию, написанному Дворкиным. Инакомыслие приравнивается к потенциальному преступлению. В такой атмосфере страха и подозрительности любая дискуссия становится невозможной, а единственной логичной стратегией оказывается «запретить и не пущать». Моральная паника, подпитываемая этим аргументом, требует не диалога, а зачистки.

Глава 6. Логические ловушки и софизмы в действии

Когда я погрузился в многотомные труды и бесчисленные интервью Александра Дворкина, меня поразила не столько экспрессия его языка, сколько его кажущаяся логическая стройность. На первый взгляд, перед читателем выстраивается почти научная система: с определениями, классификациями, примерами и выводами. Создается иллюзия железобетонной аргументации, где каждое утверждение подкреплено следующим, а вся конструкция выглядит монолитной и неопровержимой. Именно эта видимость рациональности, и делает его идеи столь убедительными для неподготовленной аудитории. Под слоем наукообразных терминов и

грозных предупреждений я обнаружил виртуозное применение классических софизмов — логических уловок, известных еще со времен античных философов. Эти приемы, словно невидимые нити, управляют сознанием читателя, ведя его к заранее заданным выводам и отключая критическое мышление.

Фундаментальным инструментом в этом арсенале — это ложная дилемма, создание мира без полутонов. Этот прием прост, как удар молота, и столь же эффективен. Он заключается в том, чтобы представить аудитории всего две альтернативы, два пути, два варианта выбора, намеренно игнорируя все остальные. Вам говорят: «Либо это, либо то. Третьего не дано». Сложность и многообразие реального мира с его бесчисленными оттенками серого, с его парадоксами и компромиссами, безжалостно сжимаются до бинарной оппозиции: черное и белое, добро и зло, мы и они. Этот прием невероятно силен, потому что он апеллирует к нашему подсознательному стремлению к простоте и определенности. Гораздо легче жить в мире, где все понятно и разложено по полочкам, чем в мире, требующем постоянного анализа и взвешивания нюансов. Дворкин использует этот инструмент как архитектор, закладывающий фундамент своего здания. Вся его концепция «сектоведения» покоится на одной гигантской ложной дилемме: «Православие или секта». Я вновь и вновь перечитывал строки из его трудов, и эта дихотомия сквозила в каждом абзаце. Вот, например, цитата, которая стала предметом лингвистической экспертизы: «В отличие от спасительного пути, предлагаемого Православной Церковью, учения сект ведут своих последователей к духовной и психологической деградации...». Давайте на мгновение остановимся и вдумаемся в эту фразу. Здесь нет места для маневра. С одной стороны — «спасительный путь», с другой — «деградация». Никаких других вариантов не существует. Нет нейтральных путей, нет путей, ведущих к иному, но не обязательно худшему результату. Нет даже просто ошибочных, но безобидных мировоззрений. Любой шаг в сторону от единственно верной дороги автоматически означает

падение в пропасть. Это мощнейший психологический прием. Он не приглашает к дискуссии, он ставит ультиматум. Вы либо с нами, на пути спасения, либо с ними, на пути к гибели. Это мировоззрение, которое по самой своей природе исключает диалог. Как можно вести диалог с тем, кто ведет вас к деградации? С ним можно только бороться. И вот еще одна фраза, закрепляющая эту непримиримость: «У Церкви не может быть ничего общего с харизматиками, и всякий православный пастырь, вступающий с ними в контакт, тем самым отдаёт стадо Христово на растерзание хищным зверям. Никакая традиционная конфессия или религия не может иметь дела с обманщиками». Здесь метафора усиливает дилемму до предела. «Харизматики» — это уже не просто люди с иными взглядами, это «хищные звери». Контакт с ними — это не обмен мнениями, а предательство, отдача своего стада «на растерзание». Эта картина мира не оставляет места для религиоведческого анализа, для признания сложности и разнообразия религиозного опыта. Она создает атмосферу экзистенциальной угрозы, в которой любые средства борьбы становятся оправданными.

Но ложная дилемма используется не только в глобальном масштабе. Она служит и более тонким, тактическим целям. Я заметил, как Дворкин применяет этот прием по принципу «разделяй и властвуй», чтобы изолировать и атаковать конкретные группы, не вступая в конфронтацию со всем религиозным направлением. Яркий пример — его работа с протестантизмом, в частности, с пятидесятническими и харизматическими церквями. Вместо того чтобы объявлять всех пятидесятников «сектантами», что было бы слишком прямолинейно и вызвало бы мощное сопротивление, он вводит внутреннюю ложную дилемму: «традиционные пятидесятники» против «неопятидесятников». Первые изображаются как более или менее приемлемая, «историческая» часть протестантизма, в то время как вторые, к которым он относит, например, влиятельные объединения, возглавляемые епископом Сергеем Ряховским, объявляются «тоталитарной сектой». С точки

зрения академического религиоведения, границы между этими группами зачастую размыты, а различия носят скорее богословский и обрядовый характер, чем принципиальный. Но для Дворкина эти нюансы не важны. Создавая искусственное разделение на «хороших» и «плохих» пятидесятников, он достигает сразу нескольких целей. Во-первых, он вносит раскол в саму протестантскую среду, настраивая одни группы против других. Во-вторых, он создает себе образ объективного аналитика, который не очерняет всех подряд, а «разбирается в сортах». В-третьих, и это главное, он изолирует намеченную жертву. Теперь он может направить всю мощь своей критики на «неопятидесятников», в то время как «традиционные» будут молчаливо наблюдать со стороны, возможно, даже испытывая некоторое злорадство и думая: «Хорошо, что это не про нас». Эта тактика невероятно эффективна, потому что она дробит потенциальное сопротивление и позволяет расправляться с оппонентами поодиночке.

Третий вариант применения ложной дилеммы, который я обнаружил, — самый иезуитский. Он касается сферы прав человека. Когда правозащитные организации или адвокаты пытаются защитить права членов религиозных меньшинств от дискриминации, Дворкин и его последователи немедленно выстраивают еще одну ложную дихотомию: «защита прав человека или защита прав сект». Типичный аргумент звучит так: «Борьба за права человека подменяется борьбой за права организаций, которые нарушают права человека». Эта фраза — шедевр манипуляции. Она создает иллюзию выбора между двумя благими целями. Кто же в здравом уме будет защищать организации, нарушающие права человека? Никто. Но вся уловка заключается в том, что правозащитники защищают не абстрактные «организации», а конкретных людей — граждан страны, обладающих конституционными правами, включая право на свободу совести и вероисповедания. Дворкин же подменяет понятия. Он заставляет нас поверить, что защита права конкретного Иванова или Петрова исповедовать свою веру равносильна одобрению и поощрению всех

действий организации, к которой они принадлежат. Это полностью извращает фундаментальный принцип универсальности прав человека, гласящий, что права есть у всех — у праведников и у грешников, у представителей большинства и у членов самых экзотических меньшинств. Отказывая в защите прав «сектанту», мы создаем прецедент, по которому завтра можно будет отказать в правах любому, кто покажется «неправильным» или «опасным». Эта ложная дилемма бьет в самое сердце правового государства, противопоставляя права «хороших» граждан правам «плохих» и заставляя общество выбирать между ними, хотя такой выбор в принципе не должен стоять.

Создав черно-белый мир, разделенный непроходимыми границами, манипулятор должен сделать черную сторону по-настоящему пугающей. Нужно заставить аудиторию не просто не соглашаться с «ними», а бояться их, ненавидеть и желать их уничтожения. И здесь в игру вступает второй мощнейший софизм — сверхобобщение. Логическая суть этой ошибки проста: вывод обо всей огромной группе людей или явлений делается на основе одного или нескольких, как правило, самых шокирующих и нетипичных примеров. Берется одна частная трагедия и преподносится как универсальный закон, как неизбежное будущее для всех, кто хоть немного похож на участников этой трагедии. Но сверхобобщение работает не только на уровне событий, оно работает и на уровне личностей. Чтобы дегуманизировать оппонента, нужно лишить его индивидуальности, превратить в карикатуру, в легко презираемый типаж. Изучая тексты Дворкина, я наткнулся на целую галерею таких карикатурных портретов. Он не анализирует взгляды миллионов верующих, он создает универсальный «портрет сектанта». Вот как он, например, описывает Свидетелей Иеговы: «...создает своего человека... homo jehovisticum... говорящего на уродливо-посредственном языке, читающего посредственную жвачную печатную продукцию...». Что мы здесь видим? Не анализ теологии или социальной практики, а создание уничижительного образа.

Миллионы людей по всему миру — с разным образованием, профессиями, культурным уровнем, характерами — сводятся к одному типу: «homo jehovisticum». Этот «человек иеговистский» примитивен, его язык «уродлив», его литература — «жвачка». Это не научное описание, это язык вражды в чистом виде. Он лишает последователей этого учения права на сложность, на индивидуальность, на интеллектуальное и духовное достоинство. Точно так же он поступает и с последователями Общества сознания Кришны. Читая его строки, я почти физически ощущал презрение, с которым он их описывает: «...те, кто, будучи изгоями и неудачниками... ринулись в широко распахнутые объятия Прабхупады, который с готовностью принял их в рабство». Снова то же самое сверхобобщение. Все без исключения последователи — это «изгои и неудачники», озлобленные на весь мир. Их духовный выбор — это не поиск смысла, а бегство от неудач в «рабство». Это чудовищное по своей циничности упрощение, которое полностью игнорирует тысячи личных историй, сложную мотивацию, искренний духовный поиск людей, нашедших в этой традиции что-то важное для себя. Создавая такие карикатуры, Дворкин решает важную задачу: он делает этих людей «другими», не такими, как «мы». А если они не такие, как мы, если они — примитивные, уродливые, неудачники, то их и не жалко. Их права можно и нужно ограничивать, ведь они — неполноценные.

Итак, мы увидели, как создается черно-белый мир и как его темная сторона населяется чудовищами, созданными путем сверхобобщения. Но как эта конструкция держится? Почему она не рассыпается под весом фактов и контраргументов? Ответ я нашел в третьем, и, пожалуй, самом изощренном софизме — порочном круге. Это логическая ошибка, при которой вывод аргумента уже содержится в его посылке. Аргумент доказывает сам себя, не привлекая никаких независимых доказательств. Классическая схема: «А истинно, потому что Б истинно; а Б истинно, потому что А истинно». Это идеальная ловушка для ума, замкнутая система, из

которой нет выхода. В риторике Дворкина эта логическая петля лежит в основе самой его методологии, делая ее неуязвимой для любой внешней критики. Ядро всей системы — это тавтологичное определение термина «тоталитарная секта». Я долго пытался найти в его работах четкое, объективное и проверяемое определение, но раз за разом натыкался на один и тот же порочный круг. Логика рассуждений Дворкина, если очистить ее от наукообразной шелухи, выглядит так: «Эти группы опасны, потому что они являются тоталитарными сектами. А как мы узнали, что они являются тоталитарными сектами? А потому, что они опасны». Ярлык, который по логике должен быть результатом исследования, сам становится исходной посылкой и главным доказательством. Он не описывает реальность, он ее конструирует, предписывает ей быть такой. Вот цитата из его статьи, которая идеально иллюстрирует этот самозамкнутый механизм: «Каждая из тоталитарных сект стремится к власти над миром и к власти над всеми — на то она секта». Давайте разберем эту фразу. По сути, нам говорят: признаком секты является стремление к власти, а стремление к власти доказывается тем, что это секта. Круг замкнулся. Вместо того чтобы на основе фактов (доказанного стремления к власти) делать вывод о принадлежности группы к какой-то категории, нам предлагают поверить, что сама принадлежность к этой категории (к «сектам») уже доказывает наличие этого признака. Это как сказать: «Все вороны черные, потому что быть черным — это то, что делает птицу вороном». Такой аргумент невозможно опровергнуть, потому что он ничего не доказывает, а лишь повторяет сам себя в разных формулировках.

Этот же порочный круг я обнаружил и в ключевом для «сектоведения» понятии — «промывание мозгов». Эта концепция служит универсальным объяснением того, почему люди присоединяются к «неправильным» группам. Логическая схема здесь выглядит следующим образом. Шаг первый: присоединение к «секте» объявляется априори иррациональным и ненормальным поступком. Шаг второй: при этом мы видим, что человек, совершивший этот

поступок, может выглядеть вполне разумным, образованным и адекватным. Шаг третий: возникает противоречие, которое нужно как-то объяснить. И объяснение готово: очевидно, его разум находится под внешним контролем, его воля подавлена, ему «промыли мозги». Шаг четвертый, и это ключ к порочному кругу: а откуда мы знаем, что ему «промыли мозги»? Ответ: а потому, что он совершил иррациональный поступок — присоединился к «секте». Мы вернулись в исходную точку. Посылка («это иррационально») доказывает вывод («он под контролем»), а вывод, в свою очередь, объясняет посылку. Эта безупречная в своей замкнутости логика имеет одно колоссальное преимущество для манипулятора: она полностью обесценивает и игнорирует личный опыт и свидетельство самого верующего. Любая попытка человека объяснить свой выбор рационально, искренне, с точки зрения своего духовного поиска, заранее объявляется недействительной. Ему говорят: «Вы так думаете, потому что вам промыли мозги. Ваши слова — это не ваши слова, это слова ваших гуру. Вы — лишь марионетка, и мы, эксперты, знаем это лучше вас». Таким образом, возможность сознательного, добровольного выбора, который просто не совпадает с мировоззрением «эксперта», полностью исключается из рассмотрения. Человек лишается субъектности, его превращают в объект манипуляции, жертву, которую нужно «спасать», даже против ее воли.

Проделав этот путь, распутав этот клубок софизмов, я понял, что сила риторики Дворкина не в фактах и не в научной обоснованности, а в ее внутренней согласованности. Ложная дилемма создает врага. Сверхобобщение делает его монстром. А порочный круг превращает эту конструкцию в крепость, неуязвимую для критики. Эти три приема, работая вместе, создают мощное поле искажения реальности, в котором страх заменяет анализ, ярлык заменяет личность, а приговор выносится еще до начала суда.

Глава 7. Свобода совести под прицелом: Юридический анализ «Сектоведения» в правовом поле России и Украины

Распад Советского Союза ознаменовал не только геополитический сдвиг, но и глубокую трансформацию в духовной жизни миллионов людей. На руинах государственной атеистической идеологии возник вакуум, который с жадностью начал заполняться самыми разнообразными религиозными и философскими учениями. Для многих это стало временем освобождения, обретения права на личный духовный поиск, ранее подавляемый и наказуемый. Этот дух свободы был закреплен в фундаментальных правовых актах новых независимых государств. Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 году, провозгласила страну светским государством, где никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Статья 14 гарантирует, что религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом, а статья 28 закрепляет за каждым право на свободу совести и вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Эти принципы были детализированы в Федеральном законе № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», который в статье 3 прямо утверждает равенство всех перед законом независимо от отношения к религии и запрещает любые формы ограничения прав граждан по признаку их религиозной принадлежности. Закон подчеркивает, что никто не обязан сообщать о своем отношении к религии и не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к ней. Подобные гарантии были заложены и в законодательстве Украины. Статья 35 Конституции Украины утверждает, что каждый имеет право на свободу мировоззрения и вероисповедания, и это

право включает свободу исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, беспрепятственно отправлять единолично или коллективно религиозные культы и ритуальные обряды, вести религиозную деятельность. Закон Украины «О свободе совести и религиозных организациях» в статьях 3, 4 и 5 последовательно развивает эти конституционные нормы, гарантируя равенство всех религий и религиозных организаций перед законом, провозглашая отделение церкви от государства и запрещая установление каких-либо преимуществ или ограничений для одной религии по отношению к другим. Казалось, что на постсоветском пространстве наступила эра подлинного религиозного плюрализма, защищенного буквой закона. Однако именно в этот период, когда общество заново училось жить в условиях многообразия, возник феномен, который поставил под сомнение саму суть этих правовых гарантий. Этим феноменом стала книга Александра Леонидовича Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования».

Появившись первоначально в виде лекционных материалов в середине 1990-х и оформившись в полноценное издание к 2000 году, эта работа предложила обществу совершенно иную оптику для взгляда на религиозное многообразие. Вместо палитры равноправных верований Дворкин представил мир, разделенный на два непримиримых лагеря. С одной стороны — «спасительный путь, предлагаемый Православной Церковью», а с другой — зловещий мир «тоталитарных сект» и «деструктивных культов». Само понятие «сектоведение» претендовало на статус научной дисциплины, а его автор — на роль эксперта, способного отделить «чистую» религию от «опасной» подделки. В своей книге Дворкин не просто критикует теологические доктрины или практики новых религиозных движений. Он конструирует целостную идеологическую систему, в которой эти движения лишаются самого права называться религией. Они предстают как коммерческие культы, финансовые пирамиды, инструменты иностранного влияния, мафиозные структуры или

политические проекты, лишь маскирующиеся под духовность. Этот подход фундаментально подрывает заложенный в российском и украинском законодательстве принцип равенства. Закон не проводит различия между «традиционными» и «нетрадиционными» религиями, не дает преференций одной конфессии перед другой и не уполномочивает кого-либо выносить вердикт об «истинности» или «ложности» чьих-либо убеждений.

Деятельность Дворкина, напротив, была направлена на создание неформальной, но крайне влиятельной иерархии. В этой иерархии на вершине находится Русская Православная Церковь Московского Патриархата, которая в его трудах имплицитно подается как единственная носительница истины и хранительница национальной идентичности. Все остальные религиозные группы, не вписывающиеся в эту парадигму, автоматически попадают в категорию подозрительных, потенциально опасных и, следовательно, неполноценных. Они не просто «другие» — они «чужие» и «враждебные». Используя термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ», Дворкин создает мощный инструмент стигматизации. Эти ярлыки, лишенные строгого юридического или общепринятого научного определения, действуют как «черная метка», мгновенно помещая любую религиозную группу в разряд социальных изгоев. Как только организация названа «сектой», в общественном сознании она перестает быть сообществом верующих, реализующих свое конституционное право, и превращается в угрозу, с которой необходимо бороться. Таким образом, риторика «Сектоведения» вступает в прямое противоречие с основополагающими принципами свободы совести. Она фактически призывает к дискриминации по религиозному признаку, предлагая обществу и государству относиться к разным религиозным группам не на основании закона, а на основании их соответствия неким «традиционным ценностям», монопольным представителем которых выступает одна конфессия. Этот конфликт между юридически

закрепленным равенством и идеологически продвигаемой иерархией неизбежно должен был найти свое разрешение в зале суда.

Естественным образом, деятельность и публикации Александра Дворкина, наносившие очевидный ущерб репутации целого ряда религиозных организаций, не могли остаться без правовой реакции. Попытки привлечь его к ответственности за распространение сведений, которые истцы считали ложными и порочащими, стали знаковым явлением конца 1990-х — начала 2000-х годов. Однако именно в ходе этих процессов обнажилась поразительная особенность российской правовой системы, позволившая «антисектантской» риторике не только избежать осуждения, но и получить своего рода юридическую индульгенцию. Ключевым в этом отношении стал судебный процесс 1997 года, инициированный Общественным комитетом защиты свободы совести, правозащитником Львом Левинсоном и другими истцами против самого Дворкина и Отдела религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, издавшего его брошюру «Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или Пособие для тех, кто не хочет быть завербованным» (1995 г.). Истцы утверждали, что содержащиеся в брошюре обобщенные негативные характеристики «тоталитарных сект» и «деструктивных культов» порочат честь, достоинство и деловую репутацию так называемых новых религиозных движений, нарушая тем самым принципы свободы совести и равенства религий.

Брошюра, по сути, являлась квинтэссенцией идей «Сектоведения», адаптированной для массового читателя. В ней в доступной форме излагались стандартные обвинения: обман при вербовке, контроль сознания, разрушение семей, финансовая эксплуатация. Истцы справедливо видели в этих обобщениях атаку на все религиозные меньшинства, которые не принадлежали к «традиционным» конфессиям. Логика их иска была проста: если закон гарантирует равенство, то никто не вправе публично клеймить целые группы верующих как мошенников, манипуляторов и социальных паразитов. Однако решение суда, вынесенное 21 мая

1997 года, стало холодным душем для защитников свободы совести. Суд отказал в удовлетворении иска, и его аргументация заложила фундамент для всей последующей судебной практики по аналогичным делам. Суд постановил, что негативные сведения, изложенные в работе Дворкина, не порочат честь и достоинство конкретных истцов, поскольку не содержат утверждений о нарушении именно ими действующего законодательства или моральных принципов. Но главное, суд провел разграничение между утверждением о факте и выражением мнения. Все уничижительные характеристики, приписываемые «сектам», были квалифицированы не как фактические утверждения, подлежащие проверке на соответствие действительности, а как «личное мнение» и «оценочное суждение» автора. Этот юридический маневр оказался гениальным в своей простоте и разрушительным по своим последствиям. Он создал правовую лазейку, через которую можно было безнаказанно протаскивать самую агрессивную и враждебную риторику. Оказывалось, что назвать организацию «тоталитарной сектой», обвинить ее в «контроле сознания» или «психологическом насилии» — это не констатация факта, а всего лишь субъективная оценка, на которую автор имеет право в рамках свободы слова.

Проверить, является ли секта «тоталитарной», в суде невозможно, так как это оценочная категория, а не юридический термин. Таким образом, Дворкин и его последователи получили мощный щит: любая клевета, любое обобщенное обвинение могли быть представлены как «мнение», не подлежащее судебной проверке. Эта логика была воспроизведена с поразительной точностью и в последующих процессах. Например, в деле по иску Московской Хельсинкской группы, которое завершилось 29 января 2008 года решением Басманного суда Москвы. Суд вновь отказал в удовлетворении исковых требований, мотивировав это тем, что высказывания Дворкина являются его мнением, не подлежащим проверке на соответствие действительности, и не могут быть идентифицированы с конкретным юридическим лицом. Даже в тех

редких случаях, когда суды первой инстанции признавали Дворкина виновным, как, например, в деле о клевете в 2007 году, эти решения впоследствии отменялись вышестоящими инстанциями по формальным, процессуальным основаниям. Система правосудия раз за разом демонстрировала свою неготовность или нежелание применять к «антисектантской» риторике те же стандарты, которые применялись к другим формам публичных высказываний. В результате сложился опасный правовой парадокс. С одной стороны, Гражданский кодекс РФ (статья 152) и постановления Пленума Верховного Суда предоставляют гражданам и организациям механизм защиты своей чести, достоинства и деловой репутации от распространения ложных сведений. С другой стороны, судебная практика по делам Дворкина фактически вывела из-под действия этого механизма целый пласт агрессивных и дискриминационных высказываний, замаскированных под «оценочные суждения». Это создало атмосферу вседозволенности, в которой «сектоборцы» могли безнаказанно формировать в обществе образ врага, зная, что их слова, сколь бы оскорбительными и лживыми они ни были, будут защищены как «личное мнение». Щит правосудия, призванный защищать всех граждан в равной степени, на деле превратился в оружие, прикрывающее тех, кто сеял рознь и нетерпимость. Пока Дворкин успешно отбивался в судах от исков о защите чести и достоинства, доказывая, что его уничижительные характеристики являются лишь «личным мнением», происходил куда более тревожный процесс. Это «личное мнение» начало проникать в коридоры власти и превращаться в основу для официальных действий государственных органов. То, что не удавалось доказать как факт в гражданском процессе, стало приниматься на веру как достоверная информация в административной и правоприменительной практике. Этот переход от частной идеологии к государственной политике является ключевым моментом в истории российского «сектоведения». Он демонстрирует, как псевдонаучная концепция, лишенная строгой методологии и доказательной базы, может обрести силу юридической доктрины.

Одним из самых ярких примеров такого сращивания стала рекомендация книги Дворкина «Сектоведение» представителем высшего надзорного органа страны. В 2000 году в Челябинске рассматривался иск местного объединения «Свидетелей Иеговы» к председателю областной Комиссии по правам человека. В ходе этого процесса помощник Генерального прокурора России Евгений Чуганов официально рекомендовал труд Дворкина в качестве «источника достоверных сведений о сектах». Этот эпизод имел колоссальное символическое и практическое значение. Фактически, один из высших чинов прокуратуры дал государственную санкцию на использование книги, переполненной оценочными суждениями и враждебной риторикой, как надежного источника для принятия юридически значимых решений. Частное «мнение» автора о «тоталитарных сектах» получило официальное благословение и статус чуть ли не экспертного заключения. Это назначение закрепило за ним официальный статус арбитра в вопросах религиозной ортодоксии. Возглавив Экспертный совет при Минюсте, Дворкин получил возможность напрямую влиять на судьбы религиозных объединений, переводя свои теоретические наработки в поле государственной практики. Назначение Дворкина, человека с ярко выраженной конфессиональной позицией и автора книг, направленных на дискредитацию религиозных меньшинств, на пост главы такого совета вызвало шквал критики со стороны правозащитников, религиоведов и представителей неправославных конфессий. Протестантский епископ Сергей Ряховский назвал это назначение «крупной провокацией» и охарактеризовал Дворкина как «весьма одиозную личность». Критики справедливо указывали на вопиющий конфликт интересов: человек, посвятивший свою жизнь борьбе с «сектами», получил государственный инструмент для вынесения вердиктов этим же «сектам». Теперь Дворкин мог облекать свои «оценочные суждения» в форму официальных государственных экспертиз, которые для судов и правоохранительных органов выглядели бы как объективный и беспристрастный анализ. Его критики утверждали, что экспертизы под его руководством

превратились в «инструмент идеологического террора» и манипулирования судами. Заранее заданный обвинительный тезис, основанный на идеях «Сектоведения», получал наукообразное оформление и ложился в основу судебных решений о запрете литературы или ликвидации организаций.

На фоне этого триумфального шествия «сектоведения» по государственным инстанциям все громче звучали голоса, ставящие под сомнение саму основу этого феномена: научную состоятельность «сектоведения» и экспертную квалификацию его создателя. Если государство доверяет Дворкину выносить судьбоносные решения, то оно должно быть уверено в его компетенции. Однако при ближайшем рассмотрении эта компетенция оказывалась весьма сомнительной. Критики отмечали, что «сектоведение» не является признанной научной специальностью в России. У самого Дворкина, получившего образование в США, отсутствовала нострификация (официальное признание) его диплома в области религиоведения в РФ. По сути, он выступал экспертом в дисциплине, которую сам же и придумал. Оценка его трудов со стороны настоящих, признанных в академическом сообществе специалистов была зачастую разгромной. Еще в 2000 году доктор юридических наук М.Н. Кузнецов подготовил экспертное заключение на книгу «Сектоведение», в котором охарактеризовал ее как «совершенно бесполезную» с точки зрения научного религиоведения и даже православной миссии. Кузнецов указал на методическую неграмотность, отсутствие системного подхода и «путаницу в голове автора», делающие книгу непригодной в качестве учебного пособия. Еще более показательной стала история с лекцией Дворкина по истории ислама, прочитанной в 2013 году. Специалисты в области исламоведения и религиоведения, проанализировав ее содержание, пришли к выводу, что лекция была предвзятой, содержала искаженные сведения и способствовала формированию негативного отношения к исламу. Эксперты рекомендовали Дворкину прекратить чтение лекций по исламу и, что самое важное, выйти из состава Совета по проведению

государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте из-за его «предубежденной конфессиональной позиции». Таким образом, вырисовывалась удручающая картина. Человек, чья научная компетенция ставилась под сомнение профильными специалистами, чьи работы характеризовались как методически неграмотные, а публичные выступления — как предвзятые и разжигающие рознь, возглавлял ключевой государственный орган, определяющий, каким религиозным группам жить в России, а каким — нет. Его книга, основанная на спорных концепциях и наполненная враждебной риторикой, использовалась прокуратурой как источник «достоверных сведений». Система, призванная действовать на основе закона и объективных фактов, оказалась во власти идеологии, маскирующейся под науку. Фундаментальные права граждан на свободу совести, гарантированные Конституцией, оказались под угрозой, исходящей не от маргинальных групп, а от тех, кто был наделен государственной властью и действовал под мантией эксперта.

В то время как в России деятельность Александра Дворкина и его «Сектоведения» обретала все более институционализированный характер, правовая система Украины, основанная на схожих принципах защиты свободы совести, развивалась в ином политическом и социальном контексте. Законодательство Украины, как и российское, в своих базовых установках является абсолютно светским и плюралистичным. Закон «О свободе совести и религиозных организациях» четко прописывает равенство всех вероисповеданий и отделение церкви от государства. В этой правовой парадигме для концепции «тоталитарных сект» и иерархического деления религий на «традиционные» и «неполноценные» формально нет места. Однако идеологические конструкты, созданные Дворкиным, не знают государственных границ. Его книги и идеи, активно распространяемые через сеть аффилированных организаций и интернет-ресурсы, оказывали влияние и на украинское информационное пространство. Методология «сектоборчества», заключающаяся в стигматизации религиозных меньшинств, находила

своих адептов и в Украине, особенно в кругах, идеологически связанных с Московским Патриархатом. Таким образом, хотя прямое институциональное влияние Дворкина на государственные органы Украины было несравнимо меньшим, чем в России, его риторика все же формировала определенный общественный фон, способствуя созданию атмосферы подозрительности и нетерпимости по отношению к новым религиозным движениям. С юридической точки зрения, применение подходов «Сектоведения» в украинском правовом поле наталкивается на те же фундаментальные противоречия, что и в российском. Любая попытка государственных органов или судов действовать на основе деления религий на «правильные» и «неправильные» являлась бы прямым нарушением статьи 35 Конституции Украины и базовых положений профильного закона. Судебная система Украины, как и любая другая система, действующая в рамках европейской правовой традиции, обязана придерживаться принципа государственного нейтралитета. Этот принцип, многократно подтвержденный практикой Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), решения которого являются частью национального законодательства Украины, запрещает государству вмешиваться во внутренние дела религиозных общин и давать оценку содержанию их вероучений, если они не призывают к насилию или нарушению прав других лиц. Поэтому использование книги «Сектоведение» в качестве источника «достоверных сведений» в украинском суде или для государственной экспертизы было бы юридически несостоятельным. Аргументация, основанная на оценочных суждениях Дворкина, была бы немедленно оспорена как нарушающая принцип нейтралитета и равенства.

Важно понимать, что и в России, и в Украине законодательная база, по сути, отражает общие международные стандарты в области свободы вероисповедания, закрепленные в таких документах, как Всеобщая декларация прав человека (статья 18), Международный пакт о гражданских и политических правах (статья 18) и Европейская конвенция о правах человека (статья 9). Эти документы формируют

единое правовое пространство, в котором свобода религии является одной из высших ценностей. Идеология «сектоведения» вступает в прямое столкновение с этим международным консенсусом. Она пытается вернуть в правовой и общественный дискурс архаичные представления о «ересях» и «опасных учениях», которые должны быть подавлены ради защиты некой «истинной веры» или «традиционных ценностей». Практика ЕСПЧ в этом вопросе однозначна: суд последовательно защищает права религиозных меньшинств, даже тех, которые могут казаться обществу «странными» или «необычными». В своих решениях ЕСПЧ подчеркивает, что плюрализм, терпимость и широта взглядов являются признаками демократического общества, а свобода религии распространяется не только на популярные и общепринятые идеи, но и на те, которые «оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство».

Государство может ограничивать проявления религиозной свободы только в строго очерченных случаях, когда это абсолютно необходимо для защиты общественной безопасности, порядка, здоровья или прав других лиц, и такие ограничения должны быть пропорциональны преследуемой цели. Риторика Дворкина, направленная на тотальную дискредитацию и создание образа врага, никак не вписывается в эти узкие рамки. Она не преследует легитимной цели, а лишь разжигает нетерпимость. Поэтому, с точки зрения международного права и национального законодательства как России, так и Украины, «Сектоведение» представляет собой не научное исследование, а идеологический памфлет, подрывающий основы правового государства и гражданского мира. Тот факт, что в России эта идеология получила государственную поддержку, свидетельствует о глубокой деформации правовой системы, ее отходе от общепризнанных принципов и норм. В Украине же, несмотря на наличие схожих идеологических вызовов, правовая система и гражданское общество демонстрируют больший иммунитет к

подобной риторике, сохраняя приверженность принципам плюрализма и равенства, заложенным в Конституции и законах.

Таким образом, анализ «Сектоведения» в правовом поле двух стран обнажает фундаментальный парадокс: труд, который по своей сути является антиправовым, поскольку отрицает базовый принцип равенства религий, в одной стране оказывается под защитой судебной системы и находит поддержку у государственных органов, в то время как в другой его применение было бы расценено как прямое нарушение конституционных норм. Это ставит перед нами следующий, еще более острый вопрос. Если правовая система оказывается неспособной или не желающей пресечь распространение враждебной риторики, прикрываясь фикцией «оценочных суждений», то что произойдет, если к этой риторике применить те же самые законы, которые сегодня активно используются для борьбы с инакомыслием? Что, если инструменты антиэкстремистского законодательства, столь охотно применяемые к литературе религиозных меньшинств, обратить на само «Сектоведение»? Возможно, именно такой «зеркальный» анализ позволит в полной мере вскрыть двойные стандарты и предвзятость системы, которая карает одних за то, на что благосклонно закрывает глаза у других.

Глава 8. На языке закона. Проверка на уголовный кодекс

Если в предыдущей главе мы подвергли текст Александра Дворкина проверке на соответствие принципу свободы совести, то теперь настал черед самой суровой и бескомпромиссной проверки — на соответствие нормам Уголовного кодекса.

Представьте себе двух архитектурных критиков, стоящих перед зданием. Первый говорит: «Этот проект — катастрофа. Колонны непропорциональны, фасад аляповат, планировка нефункциональна.

С точки зрения классической архитектуры, это безвкусица, которая портит облик города. Я считаю, автор этого проекта не обладает ни талантом, ни пониманием основ своего ремесла». Это жесткая, возможно, обидная, но законная критика. Объект критики — идеи, проект, результат работы. Цель — дискуссия, оценка, выражение мнения. Метод — аргументация, пусть и субъективная.

А теперь представьте второго критика. Он говорит: «Люди, которые живут в таких домах, — это социальный мусор, недочеловеки. Они строят эти здания, потому что готовятся захватить наш город и установить здесь свои порядки. Их архитектура — это проявление их внутренней порочности и ненависти ко всему нашему. Их нужно изолировать, а их дома — снести, пока они не распространились, как раковая опухоль». Чувствуете разницу? Объект критики здесь уже не здание, а люди. Цель — не дискуссия, а возбуждение ненависти, страха и призыв к изоляции. Метод — не аргументация, а дегуманизация, демонизация и приписывание преступных намерений.

Первый критик реализует свое право на свободу слова. Второй совершает то, что в юриспруденции называется «hate speech», язык вражды, и его действия подпадают под действие уголовного закона в большинстве цивилизованных стран. Закон защищает право критиковать идеи, даже самые священные. Вы можете называть любую религию заблуждением, ее доктрины — алогичными, а ее ритуалы — бессмысленными. Но в тот момент, когда вы переходите от критики идей к нападкам на людей, на группу лиц, объединенных этой верой, когда вы начинаете утверждать, что они неполноценны, опасны, что они — «мусор» или «рабы», вы выходите из поля свободной дискуссии на территорию права. Вы атакуете не доктрину, а достоинство и безопасность конкретных граждан. Именно с этим мерилом я и подошел к текстам Дворкина.

Начнем с Российской Федерации, страны, ставшей основным полем деятельности. Я открыл Уголовный кодекс и нашел статью, которая будто специально написана для анализа подобной риторики.

Это статья 282: «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Закон говорит о действиях, направленных на возбуждение ненависти или вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам… отношения к религии, совершенные публично. Теперь давайте возьмем цитаты, которые мы уже разбирали в предыдущих главах, и посмотрим на них сквозь эту юридическую призму.

Когда Дворкин пишет о последователях Общества сознания Кришны, что это «изгои и неудачники», которые «с радостью ринулись в рабство», — является ли это унижением их человеческого достоинства? Безусловно. Это не критика вайшнавизма, это прямое утверждение о социальной и человеческой неполноценности целой группы верующих. Он отказывает им в свободной воле («ринулись в рабство») и вешает на них социальный ярлык («изгои и неудачники»). Еще более вопиющий пример — его знаменитый неологизм «homo jehovisticum». Создавая этот термин для описания Свидетелей Иеговы, он совершает акт предельной дегуманизации. Он отказывает им в принадлежности к homo sapiens, выделяя в отдельный, низший биологический подвид, характеризующийся уродливо-усреднённым языком» и «усреднённо-жвачную печатную продукцию». Может ли быть более яркий пример унижения достоинства группы лиц по признаку их отношения к религии? И наконец, кульминация: утверждение, приписываемое Свидетелям Иеговы, будто после Армагеддона они займутся «очисткой Земли от оставшегося "мусора"». Даже если он подает это как цитату их намерений, само использование слова «мусор» для описания миллиардов людей, не разделяющих их веру, и приписывание этого одной религиозной группе является мощнейшим инструментом возбуждения ненависти. Читатель, видя это, приходит к выводу: «Они считают нас мусором, они — враги человечества». Это и есть прямой путь к разжиганию вражды.

Но статья 282 — не единственная релевантная норма. Есть статья 148 УК РФ: «Нарушение права на свободу совести и

вероисповеданий», более известная как «оскорбление религиозных чувств верующих». Закон карает за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств. Ключевые слова здесь — «в целях оскорбления». Речь не об неосторожном высказывании, а об умышленном действии. Давайте посмотрим на риторику Дворкина. Когда он анализирует имя «Кришна», он приходит к выводу, который прямо сравнивает одно из центральных божеств индуизма с дьяволом из христианской традиции: «Как тут не вспомнить слова Спасителя о дьяволе, который был человекоубийца от начала». Это не теологическая дискуссия о синкретизме. Это намеренное, прицельное оскорбление, удар по самому святому для миллионов людей. Цель здесь — не просветить православного читателя, а вызвать у него отвращение и ужас, а у верующего-вайшнава — боль и негодование. Точно так же, когда он характеризует таинство крещения у мормонов как «страшное кощунство, сравнимое лишь с осквернением могил сатанистами». Он не критикует доктрину посмертного крещения, он ставит знак равенства между религиозным ритуалом и уголовным преступлением, совершенным сатанистами. Это и есть действие, совершенное «в целях оскорбления».

И третья статья — 128.1 УК РФ, «Клевета». Клевета — это распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. В отличие от оскорбления, которое бьет по эмоциям, клевета — это ложь, поданная под видом факта. Читаем у Дворкина: «Подавляющее большинство тоталитарных сект... стремятся к... мировому господству. Практически у каждой из них есть планы по захвату власти над миром». Это подается не как его личное мнение или предположение, а как установленный факт. Это утверждение является ложным — не существует никаких доказательств подобных планов у «подавляющего большинства» религиозных групп, которые он клеймит. И оно, безусловно, является порочащим, так как

обвиняет целые организации в заговоре с целью насильственного захвата власти — тягчайшем государственном преступлении. Или еще более страшное обвинение в адрес Свидетелей Иеговы: «...у свидетелей Иеговы нет никаких моральных препятствий к геноциду». Это уже не просто порочащее утверждение, это чудовищное обвинение целой религиозной группы в потенциальной готовности к массовым убийствам. Это заведомая ложь, так как пацифистская доктрина Свидетелей Иеговы прямо противоположна идее геноцида. И эта ложь подрывает не просто репутацию, а само право группы на существование в обществе.

Конечно, юристы Дворкина на протяжении многих лет выстраивали защиту, утверждая, что все это — лишь «личное мнение», «оценочные суждения», защищенные свободой слова. В каких-то случаях суды с этим соглашались, как, например, в старом решении от 1997 года или в деле против Московской Хельсинкской группы, где его слова о финансировании саентологами сочли «мнением». Но правовая оценка языка вражды с тех пор ушла далеко вперед. Судебная практика, в том числе и в России, все четче разделяет мнение («Я считаю эту доктрину вредной») и клеветническое утверждение о факте («Они готовят захват власти»). А уж такие вещи, как называние людей «мусором», не могут быть списаны на «оценочное суждение». Это прямое унижение человеческого достоинства. Ирония в том, что сам Дворкин, возглавляя Экспертный совет при Минюсте, способствовал принятию поправок, которые ужесточали антиэкстремистское законодательство. Он ковал меч, который по всем правовым канонам должен был бы обратиться против него самого.

Ключевая статья Уголовного кодекса Украины — 161, «Нарушение равноправия граждан в зависимости от их расовой, национальной принадлежности, религиозных убеждений...». Она практически зеркально отражает российскую 282-ю статью. Она так же говорит об «умышленных действиях, направленных на разжигание... религиозной вражды и ненависти, на унижение...

достоинства, оскорбление чувств граждан в связи с их религиозными убеждениями». Весь тот анализ, который я только что провел, применим и здесь. Ярлыки «мусор», «изгои», «homo jehovisticum» — это такое же унижение достоинства по украинским законам, как и по российским. Демонизация индуизма как «религии грядущего Антихриста» и приписывание планов по «мировому господству» — это такое же разжигание религиозной вражды. С точки зрения состава преступления, направленного против мира, безопасности человечества и международного правопорядка, разницы практически нет.

Единственное существенное отличие кроется в области клеветы. В Украине, в отличие от России, общая статья за клевету была декриминализована. Это означает, что за утверждение о «планах по захвату мира» Дворкину не грозило бы уголовное преследование. Однако это не значит, что его слова остаются без правовых последствий. Вместо уголовного иска религиозная организация могла бы подать гражданский иск о защите чести, достоинства и деловой репутации, требуя опровержения и возмещения морального вреда. Так что и здесь его слова не остаются в правовом вакууме. Механизм защиты просто другой — не уголовный, а гражданско-правовой. Но суть остается той же: распространение лживых, порочащих сведений является правонарушением.

Таким образом, прикладывая текст Дворкина к статьям национальных уголовных кодексов, мы видим тревожную картину: его риторика не просто существует на опасной грани, но и в своих ключевых моментах, по всей видимости, ее последовательно пересекает. Российское и украинское законодательство, несмотря на различия в юридических нюансах, демонстрируют удивительное единство в квалификации подобных высказываний как действий, направленных на разжигание вражды, унижение человеческого достоинства и умышленное оскорбление чувств верующих. Однако возникает закономерный и предельно важный вопрос: является ли эта картина лишь отражением специфики правового поля отдельно

взятых стран? Чтобы найти окончательный ответ и отделить локальную правовую норму от универсального правового принципа, выйти за национальные рамки. Давайте поднимемся на следующий уровень юридической оценки и рассмотрим эту риторику в свете международного права — того самого, что призвано быть эталоном в защите прав человека и поддержании мира в разнообразном мультикультурном мире.

Глава 9. Оценки по юрисдикциям. Международное право как зеркало для «сектоведа»

В лабиринте аргументов, выстраиваемых Александром Дворкиным для обоснования своей «антисектантской» деятельности, особое место занимает апелляция к международному опыту. На страницах «Сектоведения» и в многочисленных публичных выступлениях автор настойчиво создает впечатление, будто его борьба с «тоталитарными сектами» является частью общемирового, цивилизованного тренда, а его методы и терминология — лишь адаптация подходов, давно принятых в развитых демократиях Запада. Он позиционирует себя не как уникального российского борца, а как представителя глобального фронта, стоящего на страже общественной безопасности от «деструктивных культов». Эта риторическая стратегия чрезвычайно важна, поскольку она придает его локальной, глубоко конфессионально окрашенной деятельности видимость универсальной легитимности и респектабельности. Читателю и, что более важно, представителям государственных органов внушается мысль: то, что делает Дворкин, — это не маргинальная идеологическая кампания, а следование передовым мировым практикам. Однако именно здесь, в поле международного права, конструкция Дворкина подвергается самому суровому испытанию и демонстрирует свою полную несостоятельность.

Пристальный и беспристрастный анализ фундаментальных международных актов и практики наднациональных судебных органов, таких как Организация Объединенных Наций и Европейский суд по правам человека, вскрывает не просто расхождения с методологией «сектоведения», а ее прямое, фундаментальное противоречие духу и букве современного международного права в области прав человека. Вместо того чтобы найти в международном праве подтверждение своим идеям, Дворкин сталкивается с ним как с зеркалом, в котором его собственная работа отражается не как научный анализ, а как образец именно той риторики ненависти и дискриминации, для борьбы с которой эти правовые механизмы и создавались.

Фундаментом всей современной архитектуры прав человека является Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. Ее восемнадцатая статья звучит как правовой камертон, задающий тон всему последующему международному законодательству в этой сфере: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов». Этот текст, ставший результатом осмысления ужасов Второй мировой войны, порожденных идеологиями превосходства, заложил несколько краеугольных принципов. Во-первых, он провозгласил абсолютную свободу внутреннего мира человека — его мыслей, совести и убеждений (forum internum). Государство не имеет права вторгаться в эту сферу, диктовать, во что верить, или наказывать за «неправильные» убеждения. Во-вторых, Декларация защищает не только внутреннюю веру, но и ее внешнее проявление (forum externum): учение, богослужение, обряды. В-третьих, она утверждает как индивидуальное, так и коллективное право на исповедание веры. Идеи Дворкина вступают в конфликт с этой базовой нормой уже на

самом начальном уровне. Его концепция «контроля сознания», являющаяся центральной для определения «тоталитарной секты», по сути, представляет собой попытку оспорить сам принцип forum internum. Дворкин и его последователи утверждают, что члены «сект» не обладают подлинной свободой воли и их убеждения не являются их собственными, а навязаны извне с помощью неких зловещих манипулятивных техник. Этот тезис, не имеющий строгого научного подтверждения и отвергаемый большинством академических религиоведов, служит удобным оправданием для вмешательства в личную жизнь верующих. Если убеждения человека объявлены «неаутентичными», то его право на свободу совести можно игнорировать. Под предлогом «спасения» от «контроля сознания» становится возможным оправдать насильственное «депрограммирование», социальную изоляцию и другие формы давления, которые являются грубейшим нарушением свободы личности. Более того, весь пафос «Сектоведения» направлен на ограничение forum externum для тех групп, которые автор произвольно помечает как «деструктивные». Проповедь, распространение литературы, публичные мероприятия — все эти формы исповедания религии, прямо защищенные статьей 18 ВДПЧ, в логике Дворкина предстают как опасная «вербовочная деятельность», которую необходимо пресекать.

Принципы, заложенные во Всеобщей декларации, получили свое юридически обязывающее развитие в Международном пакте о гражданских и политических правах (МПГПП), принятом в 1966 году. Статья 18 Пакта во многом повторяет формулировки Декларации, но добавляет ключевые уточнения. Пункт 2 гласит: «Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору». Пункт 3 устанавливает, что свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.

Для методологии «Сектоведения» эти нормы представляют непреодолимое препятствие. Во-первых, деятельность «антисектантских» центров, аффилированных с Дворкиным, зачастую сама является формой принуждения, направленной на то, чтобы заставить человека отказаться от своих убеждений. Публичная травля, давление на родных и близких, массированные кампании в медиа — всё это ограничивает свободу человека «иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору». Во-вторых, ограничения, к которым призывает Дворкин, выходят далеко за рамки, установленные Пактом. Он не апеллирует к конкретным, доказанным фактам угрозы общественной безопасности или здоровью со стороны той или иной группы. Вместо этого он оперирует обобщенными, алармистскими обвинениями в «деструктивности», «тоталитаризме», «контроле сознания». Эти понятия не являются правовыми категориями и не могут служить законным основанием для ограничения прав.

Международное право требует, чтобы любое ограничение было не просто установлено законом, но и было необходимо в демократическом обществе. Это означает, что государство должно доказать наличие реальной и серьезной угрозы и продемонстрировать, что ограничение прав является соразмерной (пропорциональной) мерой для ее предотвращения. Тотальный запрет деятельности религиозной организации или ее литературы на основании туманных обвинений в «психологическом вреде» или «нетрадиционности» никогда не пройдет проверку на соответствие этому строгому критерию. Однако самым сокрушительным для концепции Дворкина является пункт 2 статьи 20 МПГПП, который гласит: «Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом». Эта норма — не о защите религиозных групп, а об обязанности государств пресекать «язык вражды» (hate speech). И именно здесь работа Дворкина из субъекта правового анализа

превращается в его объект. Риторика, используемая в «Сектоведении», содержит явные признаки именно того, что статья 20 Пакта обязывает запрещать. Обвинения целых религий и их последователей в причастности к сатанизму, в подготовке к геноциду, в том, что они являются «мусором» или «недочеловеками» — это не критика и не научный анализ. Это классические примеры выступлений в пользу религиозной ненависти, которые подстрекают к дискриминации и вражде. Таким образом, фундаментальные документы ООН не только не поддерживают, но и прямо осуждают как цели, так и методы, пропагандируемые в «Сектоведении».

Они устанавливают высокий стандарт защиты свободы совести и жесткие рамки для ее ограничения, а также вводят прямой запрет на разжигание религиозной ненависти — запрет, который, при беспристрастном применении, должен быть обращен против самого Дворкина и его текстов.

Если универсальные нормы ООН задают общие принципы, то практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) предлагает наиболее детализированный и развитый свод правил применения этих принципов в конкретных жизненных ситуациях. Статья 9 Европейской конвенции о правах человека, защищающая свободу мысли, совести и религии, по своему содержанию аналогична статье 18 МПГПП. Однако за десятилетия своей работы ЕСПЧ выработал обширную судебную практику, которая служит обязательным руководством для стран-членов Совета Европы (включая Россию до ее исключения) и является авторитетным источником толкования права для всего мира. И эта практика наносит удар за ударом по всем ключевым постулатам «сектоведения». Во-первых, ЕСПЧ последовательно отстаивает принцип государственного нейтралитета и беспристрастности. Суд многократно подчеркивал, что роль государства — не определять, какие религии являются «истинными» или «традиционными», а создавать условия для мирного сосуществования всех верований. В плюралистическом демократическом обществе государство не может выступать

арбитром в религиозных спорах или отдавать предпочтение одной конфессии, даже если она является исторически доминирующей. Вся концепция Дворкина, построенная на противопоставлении «спасительного пути Православной Церкви» и «губительных сект», является вопиющим нарушением этого принципа. Он призывает государство занять одну из сторон в религиозном конфликте, стать защитником одной веры против всех остальных, что прямо запрещено европейскими стандартами. Во-вторых, ЕСПЧ крайне осторожно относится к любым попыткам государства ограничить прозелитизм (деятельность по распространению своей веры). В знаковом деле «Коккинакис против Греции» (1993) Суд провел важное различие между «христианским свидетельством», которое является защищенной формой выражения веры, и «недолжным прозелитизмом». Последний может включать в себя предложение материальных выгод, оказание неправомерного давления, использование обмана или «промывания мозгов». Однако ЕСПЧ подчеркнул, что само по себе активное миссионерство, даже если оно настойчиво, не является основанием для преследования. Дворкин же в своей книге фактически объявляет любой прозелитизм со стороны «сект» недолжным, называя его «вербовкой» и априори приписывая ему обманный и манипулятивный характер. Он не утруждает себя доказательством наличия недолжных методов в каждом конкретном случае, а просто клеймит всю деятельность неугодных групп как опасную и подлежащую запрету. Такой огульный подход полностью противоречит взвешенной и нюансированной позиции ЕСПЧ.

Особенно болезненными для идеологии Дворкина являются решения ЕСПЧ, касающиеся непосредственно использования государством уничижительных ярлыков, таких как «секта» или «культ». В ряде дел Суд прямо указал, что применение таких терминов официальными лицами или в государственных документах может нарушать принцип нейтралитета и создавать атмосферу нетерпимости, что является нарушением статьи 9 Конвенции. Например, в делах «Карлхайнц Ц. против Германии» и «Швейцарское

движение раэлитов против Швейцарии» ЕСПЧ, хотя и не дошел до прямого осуждения государств, выразил серьезную обеспокоенность использованием стигматизирующей терминологии. Суд дал понять, что на государстве лежит обязанность проявлять сдержанность и не навешивать на религиозные группы ярлыки, которые в общественном сознании несут негативный и оскорбительный заряд. Книга Дворкина, само название которой — «Сектоведение», — построена на этом термине, является апофеозом именно той практики, от которой предостерегает ЕСПЧ. Автор не просто использует слово «секта», он возводит его в ранг центрального «научного» понятия и активно продвигает его в государственный и общественный дискурс. С точки зрения европейского права, это не что иное, как систематическая кампания по стигматизации, направленная на лишение религиозных меньшинств легитимности и репутации.

Наконец, наиболее значительный удар по практическим целям «сектоведения» наносят многочисленные решения ЕСПЧ по делам о ликвидации религиозных организаций и запрете их литературы, особенно дела «Свидетелей Иеговы против России». В этих решениях Суд последовательно приходил к выводу, что российские власти, ликвидируя общины и признавая их литературу «экстремистской», нарушали статью 9 Конвенции. ЕСПЧ указывал, что власти не предоставили достаточных доказательств того, что вероучение или практика Свидетелей Иеговы содержат призывы к насилию или разжиганию ненависти. Обвинения в «подрыве традиционных ценностей», отказе от переливания крови или утверждения об истинности своей веры, по мнению Суда, не могут служить основанием для столь суровой меры, как ликвидация. Примечательно, что именно экспертные заключения, зачастую основанные на идеях и методологии Дворкина, ложились в основу решений российских судов, которые ЕСПЧ впоследствии признавал неправомерными. Таким образом, практика Европейского суда по правам человека не просто опровергает отдельные тезисы «Сектоведения», она дезавуирует всю его систему. Принцип

нейтралитета, защита прозелитизма, недопустимость стигматизирующих ярлыков и высокий стандарт доказывания при ограничении прав — каждый из этих элементов, выработанных ЕСПЧ, работает против идеологии Дворкина, демонстрируя ее антиправовой и антидемократический характер.

Для того чтобы окончательно оценить текст «Сектоведения» с точки зрения самых современных международных стандартов, необходимо применить к нему инструмент, специально разработанный для различения законной критики и незаконного разжигания ненависти. Таким инструментом является Рабатский план действий по запрету пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию. Этот документ, разработанный под эгидой Управления Верховного комиссара ООН по правам человека в 2012 году, предлагает практический шестиступенчатый тест для оценки потенциально опасных высказываний. Применение этого теста к книге Дворкина позволяет провести ее детальный юридико-лингвистический анализ и вынести обоснованный вердикт.

Первым фактором является контекст. Книга «Сектоведение» появилась и распространялась в специфическом постсоветском контексте, характеризующемся, с одной стороны, религиозным возрождением и поиском духовной идентичности, а с другой — ростом ксенофобии, страхом перед «иностранным влиянием» и активной деятельностью «антисектантских» движений, аффилированных с доминирующей религиозной организацией. Это контекст не академической дискуссии, а острой идеологической борьбы, что повышает риск трансформации критических высказываний во враждебную пропаганду.

Второй фактор — статус оратора. Александр Дворкин выступает не как частное лицо. Он позиционирует себя как профессор, доктор философии, президент авторитетной организации, а в течение многих лет являлся председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве

юстиции РФ. Его слова воспринимаются не как личное мнение, а как заключение эксперта, облеченного доверием государства. Такой статус многократно усиливает воздействие его высказываний и его ответственность за них.

Третий фактор — намерение. Рабатский план требует проанализировать, было ли у автора намерение подстрекать аудиторию против целевой группы. Независимые лингвистические экспертизы, проведенные в отношении «Сектоведения», однозначно указывают на наличие такого намерения. Эксперты отмечают, что коммуникативная цель книги — не объективное исследование, а именно «возбуждение религиозной вражды и розни, унижение достоинства групп лиц и пропаганда их неполноценности». Систематическое и целенаправленное использование одних и тех же приемов (демонизации, дегуманизации, приписывания враждебности) в отношении разных религиозных групп свидетельствует о наличии явного умысла, направленного на формирование у читателя чувства ненависти, страха и презрения.

Четвертый фактор — содержание и форма. Именно здесь риторика «Сектоведения» проявляет себя наиболее ярко. Анализ содержания, подкрепленный лингвистическими экспертизами, выявляет целый арсенал приемов «языка вражды». Это демонизация: индуизм называется «ядром формирующейся религии антихриста», ритуалы мормонов сравниваются с «осквернением могил сатанистами», а бог Кришна — с дьяволом. Это дегуманизация: вводится псевдонаучный неологизм «homo jehovisticum» для обозначения якобы неполноценного типа человека, создаваемого сектой; тела людей, не разделяющих веру Свидетелей Иеговы, презрительно называются «мусором», который предстоит убирать. Это пропаганда неполноценности: последователи кришнаизма описываются как «изгои и неудачники», которые «с радостью бросились в рабство»; их священные тексты — как «бездарная выдумка», породившая «ублюдка» (о языке книги). И, наконец, это приписывание преступных и геноцидальных намерений: автор

бездоказательно утверждает, что у Свидетелей Иеговы «нет моральных препятствий для геноцида» и они будут «наслаждаться зрелищем избиения» своих врагов. Подобное содержание, облеченное в форму наукообразного «учебника», обладает огромной разрушительной силой, так как придает враждебной риторике видимость объективности.

Пятый фактор — масштаб распространения. «Сектоведение» — это не частная записка, а изданная многотысячными тиражами книга, переведенная на несколько языков, рекомендованная в качестве учебного пособия в вузах, широко цитируемая в СМИ и свободно доступная в интернете. Масштаб ее распространения обеспечивает максимальный охват аудитории и, следовательно, максимальный потенциальный вред.

Шестой фактор — вероятность причинения вреда, включая его неотвратимость. Лингвистические экспертизы заключают, что текст Дворкина способен вызывать у читателей страх, отвращение, гнев, чувство морального превосходства и враждебности. Он «эффективно снижает порог терпимости» и создает у читателя убежденность в необходимости противодействия, изоляции и давления на описываемые группы. Вред от этой книги не просто вероятен — он реален и задокументирован. Именно на идеологической базе «Сектоведения» в России были построены многочисленные судебные процессы, приведшие к запрету литературы, ликвидации сотен религиозных организаций и уголовному преследованию тысяч верующих. Таким образом, применение шестиступенчатого теста Рабатского плана к книге Дворкина приводит к однозначному выводу: она обладает всеми признаками выступления в пользу религиозной ненависти, подпадающего под запрет статьи 20 МПГПП. Это не защищенная свобода слова, а ее злоупотребление, направленное на подстрекательство к дискриминации и вражде.

Завершая наш анализ в плоскости международного права, стоит кратко обратиться к нормам Европейского Союза, которые демонстрируют общеевропейский консенсус в вопросе борьбы с

языком вражды. Рамочное решение Совета ЕС 2008/913/JHA о борьбе с определенными формами и проявлениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права обязывает государства-члены ЕС криминализировать «публичное подстрекательство к насилию или ненависти, направленное против группы лиц, определяемой по признаку... религии». Содержание книги «Сектоведение», как было показано выше, изобилует высказываниями, которые могут быть квалифицированы именно как публичное подстрекательство к ненависти на религиозной почве. Систематическое конструирование образа врага, приписывание криминальных и античеловеческих намерений целым религиозным группам, использование уничижительной и дегуманизирующей лексики — все это создает информационный фон, на котором ненависть и враждебность по отношению к этим группам становятся не только возможными, но и воспринимаются как оправданная реакция. Кроме того, современное законодательство ЕС, такое как Акт о цифровых услугах (Digital Services Act, DSA), налагает на онлайн-платформы обязательства по удалению незаконного контента, включая язык вражды, в соответствии с национальным и европейским правом. Это означает, что распространение текстов, подобных «Сектоведению», в цифровом пространстве ЕС сталкивается с прямыми правовыми барьерами. Таким образом, и здесь мы видим, что правовая система объединенной Европы ориентирована не на поддержку, а на пресечение той риторики, которую продвигает Дворкин.

Итоговый взгляд на «Сектоведение» через призму международного права приводит к выводу, который является полной инверсией исходного тезиса автора. Александр Дворкин претендует на то, что его деятельность соответствует международным стандартам и практикам демократических стран. Однако фактический анализ показывает, что его работа находится в вопиющем противоречии с этими стандартами. Фундаментальные принципы свободы совести, государственного нейтралитета, плюрализма, пропорциональности ограничений и запрета языка

вражды, закрепленные в документах ООН, практике ЕСПЧ и законодательстве ЕС, формируют правовую реальность, в которой для «сектоведения» нет легитимного места. Международное право защищает не «традиционные религии», а универсальное право каждого человека на свободу убеждений. Оно не делит религии на «хорошие» и «плохие», «спасительные» и «деструктивные», а требует от государства равного и уважительного отношения ко всем. Оно устанавливает чрезвычайно высокий порог для любого вмешательства в религиозную жизнь и прямо запрещает пропаганду ненависти, которая маскируется под критику или научный анализ. Книга «Сектоведение» демонстрирует несоответствие каждому из указанных пунктов. Она отрицает равенство религий, призывает к нарушению государственного нейтралитета, оперирует недопустимыми стигматизирующими ярлыками и, самое главное, содержит все признаки подстрекательства к религиозной ненависти и дискриминации. Поэтому главный парадокс и ирония заключаются в том, что правовые инструменты, созданные международным сообществом для предотвращения повторения трагедий, вызванных идеологиями нетерпимости, при их честном и беспристрастном применении должны быть направлены не в поддержку, а против самого «Сектоведения». Эта книга — не руководство по применению закона, а объект, который сам подлежит правовой оценке на предмет соответствия нормам, запрещающим разжигание вражды. Международное право, к которому так любит апеллировать Дворкин, оказывается не его союзником, а его самым строгим и беспристрастным судьей. И вердикт этого судьи однозначен: методология и риторика «сектоведения» являются угрозой для фундаментальных прав человека и несовместимы с принципами демократического правового государства.

Глава 10. Сектоведение как идеология превосходства и призыв к геноциду. Юридико-лингвистический анализ

История двадцатого века, запечатленная в пламени печей Освенцима, на полях смерти в Камбодже и в кровавых реках Руанды, оставила человечеству один священный завет, высеченный в коллективной памяти миллионов жертв, — «Никогда больше». Этот лозунг стал не просто историческим напоминанием, но моральным императивом, требующим от каждого последующего поколения с неусыпной бдительностью распознавать и пресекать в зародыше любые проявления идеологий ненависти, которые ведут к дегуманизации, дискриминации и, в конечном счете, к массовому уничтожению. Мы научились с тревогой вглядываться в политические доктрины, построенные на расовом, национальном или этническом превосходстве, видя в них предвестников грядущих катастроф. Однако вирус нетерпимости обладает пугающей способностью к мутации. Он может сбрасывать старую оболочку и облачаться в новые, респектабельные одежды, маскируя свою разрушительную сущность под видом научного анализа, защиты традиционных ценностей или даже борьбы за общественную безопасность. Именно поэтому сегодня, в двадцать первом веке, наш долг — применять уроки прошлого к современным феноменам, сколь бы безобидными они ни казались на первый взгляд. Предметом настоящего исследования является — книга Александра Леонидовича Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования». Эта работа, позиционируемая ее автором как научный труд и учебное пособие, на протяжении десятилетий служит идеологическим фундаментом для так называемого антисектантского движения на постсоветском пространстве. Она формирует мировоззрение чиновников, сотрудников правоохранительных органов и широкой

общественности, предлагая им готовую систему для идентификации и нейтрализации «опасных» религиозных групп.

Провести этот анализ — значит выполнить мой долг перед принципом «Никогда больше», который требует от нас распознавать не только открытые проявления насилия, но и те формы идеологического мышления, что под видом «науки» и «заботы о безопасности» возрождают логику разделения, стигматизации и исключения. Ведь именно из таких, на первый взгляд, рациональных конструкций вырастают системы, где целые сообщества объявляются угрозой лишь потому, что они «другие».

Национал-социализм как идеология не был просто набором случайных предубеждений. Это была целостная и системная конструкция, в основе которой лежал ряд взаимосвязанных принципов, главным из которых была идея превосходства. Концепция «арийской расы господ», ее биологического, культурного и духовного верховенства над всеми остальными народами, которых нацисты считали «неполноценными», служила краеугольным камнем всего здания Третьего рейха. Эта идея не была абстрактной — она легитимировала право «высшей расы» доминировать, порабощать и, в конечном счете, уничтожать «низшие». Именно с этого фундаментального принципа начинается поразительное структурное и риторическое сходство идеологии нацизма с концептуальным аппаратом «Сектоведения» Александра Дворкина. Дворкин, разумеется, не использует расовые категории. Его система координат выстроена в религиозной плоскости, однако сама логика иерархического деления человечества на «высших» и «низших» воспроизведена с пугающей точностью. На вершине пирамиды, выстраиваемой в книге, находится одна-единственная религиозная традиция, имплицитно или эксплицитно подаваемая как эталон, норма и единственный источник спасения. Все остальные религиозные группы помещаются на более низкие ступени этой иерархии, лишаясь не только истинности, но и самой легитимности своего существования. Этот тезис о превосходстве одной группы и

неполноценности других проходит красной нитью через всю книгу. Дворкин формулирует его предельно четко, противопоставляя «спасительный путь, предлагаемый Православной Церковью», и путь «духовной и психологической деградации», на который, по его мнению, обречены последователи всех иных учений. Эта фраза — не просто выражение личных религиозных предпочтений. Это декларация фундаментального неравенства, которая переводит диалог из сферы богословской полемики в область социальной дискриминации. Здесь закладывается основа для разделения людей на два сорта: тех, кто идет по «спасительному пути», и тех, кто обречен на «деградацию». Первые, по этой логике, являются полноценными и здоровыми членами общества, вторые — дефективными, больными, неполноценными. Эта бинарная оппозиция полностью созвучна нацистскому разделению на «арийцев» и «недочеловеков». Разница лишь в критерии: вместо чистоты крови — чистота веры.

Дворкин последовательно лишает иные религиозные традиции их собственного достоинства и статуса. Так, говоря о мормонах, он отказывает им в праве считаться частью христианского мира, безапелляционно заявляя, что «мормоны — это не реформаторы и не протестанты, а новое язычество». Слово «язычники» в данном контексте используется не как нейтральный религиоведческий термин, а как уничижительный ярлык, в православной апологетической традиции синонимичный заблуждению, духовной тьме и идолопоклонству. Тем самым целая религиозная конфессия с миллионами последователей произвольно исключается из числа «своих» (христиан) и переводится в категорию «чужих» (язычников), что является классическим актом пропаганды превосходства. Идеологическое утверждение о неполноценности «других» достигает своего апогея в категоричном заявлении Дворкина относительно членов религиозных меньшинств: «О какой-либо свободе личности для сектанта не может быть и речи». Эта фраза является квинтэссенцией его подхода. Человек, принадлежащий к группе,

помеченной ярлыком «секта», априори лишается одного из фундаментальных человеческих качеств — свободы личности. Он перестает быть субъектом права и морали, превращаясь в объект манипуляции, безвольную марионетку, «зомби». Такое утверждение — это не критика, это приговор, выносящий целые группы людей за рамки полноценного человеческого сообщества. В нацистской Германии евреи и другие «неарийцы» также лишались статуса полноценных граждан и личностей, что оправдывало лишение их прав. Дворкин, используя религиозные, а не расовые критерии, приходит к схожему результату: последователь «секты» объявляется неполноценным существом, лишенным свободы, а следовательно, и прав, которые из этой свободы проистекают. Таким образом, первый и главный признак человеконенавистнической идеологии — идея превосходства одной группы и неполноценности других — системно и последовательно реализуется в тексте «Сектоведения». Риторика книги конструирует жесткую иерархию, где одна религиозная позиция объявляется единственно верной и спасительной, а все прочие — ложными, деструктивными и унижающими человеческое достоинство. Это создает идеологический фундамент для всех последующих шагов по дискриминации и изоляции «неполноценных» групп.

Идея превосходства, сколь бы самодостаточной она ни казалась, не может существовать в идеологическом вакууме. Для своего утверждения и мобилизации сторонников ей необходим антипод, зеркальное отражение, которое служило бы постоянным подтверждением ее собственной исключительности. Этим антиподом является образ врага. Любая тоталитарная и экстремистская идеология строится на дихотомии «мы — они», где «мы» — носители света, правды и порядка, а «они» — воплощение тьмы, лжи и хаоса. В нацистской Германии таким абсолютным врагом, ответственным за все беды немецкого народа, было объявлено «мировое еврейство». В «Сектоведении» Александра Дворкина мы наблюдаем тот же самый механизм конструирования врага, только в качестве

экзистенциальной угрозы для «мира Православия» и «традиционного общества» выступает собирательный, аморфный и зловещий образ «тоталитарной секты». Дворкин не просто критикует вероучения или практики новых религиозных движений, он целенаправленно создает из них образ абсолютного, инфернального зла, борьба с которым становится священным долгом. Этот процесс конструирования врага включает в себя несколько ключевых риторических стратегий, и первая из них — демонизация. Демонизация — это не просто негативная оценка; это приписывание оппоненту сверхъестественных, дьявольских качеств, что выводит конфликт из рациональной плоскости в иррациональную. Враг перестает быть просто заблуждающимся или неправым, он становится агентом метафизического зла. «Сектоведение» изобилует примерами такой демонизации. Говоря о мировых религиях, которые выходят за рамки его узкой православной парадигмы, Дворкин прибегает к самым сильным из возможных обвинений. Так, индуизм, одна из древнейших и крупнейших религий мира с более чем миллиардом последователей, в его интерпретации предстает не просто как «язычество», но и как нечто несравненно более зловещее.

Александр Дворкин утверждает, что индуизм, особенно в своем оккультном проявлении, играет ключевую роль в формировании новой религиозной системы, которую он характеризует как консенсус религий, связанный с фигурой Антихриста. По его мнению, эта мировая религия не просто отклоняется от истины, но несет в себе сатанинский характер, воплощая абсолютное зло, приписываемое эсхатологическому врагу христианства. Этот прямой акт вербальной агрессии, направленный на то, чтобы вызвать у читателя-христианина чувства ужаса, отвращения и ненависти. Враг, отождествленный с Антихристом, не подлежит пониманию или диалогу; он подлежит только уничтожению. Этот прием Дворкин применяет не только к целым религиям, но и к отдельным божествам и практикам. Анализируя кришнаизм, он не останавливается на критике его догматов. Он наносит удар в самое сердце веры, атакуя

образ Кришны. Произвольно и манипулятивно интерпретируя санскритское значение имени «Кришна» («черный», «темный»), он делает вывод, что речь идет о «темной духовной сущности». Дворкин полностью игнорирует тот богатейший культурный и богословский пласт, где «темный» цвет Кришны ассоциируется не со злом, а с безграничностью космоса; где его сравнивают с цветом грозовой тучи, несущей живительный дождь; где этот цвет является символом непостижимости и высшей притягательности. Все это многообразие смыслов, накопленное тысячелетиями, отбрасывается как ненужная шелуха. Но и этого ему недостаточно. Он идет дальше и проводит прямую параллель между Кришной и дьяволом, риторически вопрошая: «Как тут не вспомнить слова Спасителя о дьяволе, который "был человекоубийца от начала"». Отождествление верховного божества, которому поклоняются миллионы людей, с дьяволом, «человекоубийцей от начала», является предельным актом демонизации. Это не богословский спор, а объявление религиозной войны, в которой оппонент представлен как слуга сатаны.

Тот же прием он применяет, описывая иконографию богини Кали в индуизме. Обвинительный подход Дворкина выхватывает из сложной символики только то, что может шокировать и оттолкнуть неподготовленного читателя: «кровь, отрубленные руки и головы, трупы, исступление». Он создает картину кровавого ужаса, умышленно игнорируя символическое значение этих атрибутов. Да, он вскользь упоминает, что в самом индуизме это «интерпретируется символически», но делает это лишь для того, чтобы немедленно отбросить этот контраргумент. С помощью риторического приема «и все же...» он отметает тысячелетнюю традицию толкования и выносит свой вердикт: «языческое неразличение Бога и демонов, добра и зла и соблазн ложной красотой последних здесь проступают со всей очевидностью». Вместо того чтобы объяснить читателю, что Кали — это грозная, но защищающая ипостась Божественной Матери, разрушительница эго и невежества, защитница от демонов,

он представляет ее как воплощение зла и хаоса. Он не анализирует, он обвиняет. Он не просвещает, он запугивает.

Эта стратегия выборочного цитирования пронизывает всю книгу. Дворкин берет священные тексты других религий и выискивает в них фразы, которые, будучи вырваны из контекста, могут звучать агрессивно или странно. Истории основателей движений подаются через вырванные из контекста эпизоды с последующим искажением или конструированием сведений, подмену и даже фабрикацию фактов — в результате формируется дегуманизирующий нарратив, стирающий достижения человека и положительный вклад в развитие общества. Цель одна — создать у читателя ощущение, что он имеет дело с сборищем сумасшедших, мошенников и преступников. Это не научное исследование.

Подобным же образом Дворкин поступает и с религиозными практиками. Ритуалы мормонов, в частности, их «заместительные крещения» за усопших, он характеризует как «страшное кощунство, сравнимое лишь с осквернением могил сатанистами». Снова и снова мы видим одну и ту же схему: религиозный оппонент — будь то индуист, кришнаит или мормон — лишается своего человеческого, исторического и культурного измерения и превращается в проекцию абсолютного зла, в адепта сатаны, Антихриста, в кощунника и осквернителя. Цель такой риторики очевидна: сформировать у читателя образ врага, который не является просто «другим», а представляет собой экзистенциальную угрозу самому существованию «нас» — истинных верующих, носителей правды. В такой картине мира любые, даже самые жесткие, меры против этого врага начинают казаться не только оправданными, но и абсолютно необходимыми. Создание образа врага через демонизацию — это первый шаг к легитимации насилия. Нацистская пропаганда также не просто критиковала иудаизм, она представляла евреев как дьявольскую силу, стремящуюся к мировому господству и разрушению «арийской расы». Механизм тот же: превращение группы людей в метафизического врага, борьба с которым ведется не на жизнь, а на

смерть. «Сектоведение», используя религиозную, а не расовую терминологию, воспроизводит эту смертоносную логику, создавая в сознании читателя непримиримый конфликт между «Церковью Христовой» и «религией антихриста», не оставляя места для терпимости, диалога и мирного сосуществования.

Создание образа врага и провозглашение идеи превосходства являются необходимыми, но еще не достаточными условиями для развязывания массового насилия. Исторический опыт, в особенности опыт нацистской Германии, показывает, что для снятия последних моральных барьеров, препятствующих преследованию и уничтожению целой группы людей, требуется еще один, решающий шаг — ее дегуманизация. Дегуманизация — это процесс риторического и психологического лишения оппонента человеческого статуса. Враг должен перестать восприниматься как человек, подобный тебе, с его чувствами, мыслями, достоинством и правом на жизнь. Его нужно превратить в животное, паразита, насекомое, болезнь, неодушевленный предмет или мусор. Только тогда насилие над ним перестает быть насилием над человеком и превращается в акт «очищения», «санитарии» или «утилизации». Нацистская пропаганда была мастером дегуманизации: евреев сравнивали с крысами, клопами, бациллами, распространяющими заразу. Эта риторика делала психологически возможным для обычных немцев участие в геноциде или молчаливое согласие с ним. Анализируя текст «Сектоведения», видно, что Александр Дворкин систематически и виртуозно применяет весь арсенал приемов дегуманизации в отношении тех, кого он зачисляет в «сектанты». Он не просто критикует или демонизирует их; он последовательно лишает их человеческого облика. Этот прием, замаскированный под научную классификацию по аналогии с Homo sapiens, на самом деле является мощнейшим актом дегуманизации. Человек перестает быть личностью — Иваном, Марией, Петром — и превращается в безликий биологический экземпляр, в представителя нового, низшего вида, произведенного «сектой». Этот «новый человек», по словам

Дворкина, «существует вне культуры, вне общества», «говорит на уродливом сереньком языке» и читает «серенькую жвачную печатную продукцию». Весь этот пассаж направлен на то, чтобы представить «сектанта» как существо, лишенное культуры, интеллекта, индивидуальности и языка — всего того, что составляет суть человеческой личности. Эпитеты «уродливый», «серенький», а особенно «жвачный» (вызывающий прямые ассоциации с животным, механически пережевывающим пищу) довершают картину деградации. «Homo jehovisticum» — это уже не вполне человек, а некий суррогат, биоробот, продукт тоталитарной инженерии. Еще более страшный пример дегуманизации мы находим в пассаже, где Дворкин описывает эсхатологические представления «Свидетелей Иеговы». С садистским смакованием он рисует картину, в которой верующие якобы «будут просто наслаждаться зрелищем избиения небесным воинством» своих врагов. Но кульминацией этого отрывка является авторская ремарка в скобках. Говоря о том, что после Армагеддона «свидетели» примут участие в очистке Земли от оставшегося «мусора», Дворкин добавляет от себя: «(очевидно, также и от миллиардов человеческих трупов)». В этой короткой фразе заключена вся суть дегуманизации. Миллиарды человеческих тел, тел мужчин, женщин и детей, которые не разделяли веру «свидетелей», приравниваются к «мусору». Это слово — «мусор» — является предельным выражением обесценивания человеческой жизни. Мусор не хоронят, его не оплакивают — его убирают, утилизируют, сжигают. Приписывая своим оппонентам такое отношение к остальному человечеству (и делая это через якобы объективную ремарку «очевидно»), Дворкин сам совершает акт дегуманизации и одновременно подстрекает к ней читателя. Если «они» считают «нас» мусором, то кем же тогда являются «они» сами? Ответ напрашивается сам собой.

Процесс дегуманизации продолжается и при описании других групп. Так, последователи кришнаизма в «Сектоведении» предстают не как люди, совершившие осознанный духовный выбор, а как

жалкие, безвольные существа. Это, по словам Дворкина, «изгои и неудачники», которые «не нашли себе места в западном обществе» и, «озлобленные», «с радостью бросились в широко раскрытые объятия Прабхупады, который с готовностью принял их к себе в рабство». Здесь верующие лишены субъектности, их религиозный путь объясняется исключительно социальными и психологическими комплексами («изгои», «неудачники», «озлобленные»). Они не выбирают, а «бросаются», как стадо, в «рабство». Образ раба, лишенного воли и достоинства, — еще один классический прием дегуманизирующей риторики. Даже священные тексты других религий подвергаются уничижительному осмеянию, что является косвенной формой дегуманизации их последователей. Так, о языке Книги Мормона Дворкин пишет, что в итоге получился «ублюдок». Применение грубого, оскорбительного слова «ублюдок» к языку текста, который является священным для миллионов людей, направлено на то, чтобы унизить и оскорбить их веру, представить ее как нечто уродливое и неполноценное. Через все эти примеры — от создания «нового вида» homo jehovisticum и приравнивания людей к «мусору» до изображения верующих как безвольных «рабов» и оскорбления их святынь — «Сектоведение» последовательно и методично лишает человеческого достоинства тех, кого автор назначил врагами. Эта стратегия не является случайной или эмоциональной. Она выполняет ту же самую функцию, что и в нацистской пропаганде: она устраняет моральные и психологические препятствия на пути к дискриминации и насилию. Ведь если перед тобой не человек, а «жвачное животное», «мусор», «раб» или «ублюдок», то по отношению к нему позволено все. Дегуманизация — это риторическая лицензия на жестокость.

В арсенале тоталитарных идеологий, наряду с конструированием образа врага и его дегуманизацией, важнейшую роль всегда играют теории заговора и тотальный контроль над информацией. Теория заговора служит удобным объяснительным механизмом, сводящим сложность мира к простой и понятной схеме: все беды и проблемы

являются результатом тайной, злонамеренной деятельности некой могущественной и скрытой группы. Это позволяет мобилизовать массы против назначенного врага и оправдать любые репрессивные меры как необходимую самооборону. Нацистская идеология была пропитана конспирологией, центральное место в которой занимал миф о «всемирном еврейском заговоре», изложенный в «Протоколах сионских мудрецов». Эта фальшивка служила «доказательством» того, что евреи стремятся к мировому господству и несут ответственность за войны, революции и экономические кризисы. В книге Александра Дворкина мы видим поразительно схожую логику, перенесенную в религиозную сферу. Роль всемирного заговора в его картине мира играют «тоталитарные секты», которые предстают не как разрозненные и разнообразные религиозные группы, а как единый, скоординированный и враждебный фронт, ведущий целенаправленную войну против Православия и России. Дворкин прямо заявляет, что «современное сектантство — это миссионерский вызов Церкви Христовой». Этот «вызов» подается не как честная конкуренция идей в свободном обществе, а как агрессивная экспансия, тщательно спланированная и финансируемая из-за рубежа. В его текстах постоянно звучат намеки на то, что за деятельностью «сект» стоят иностранные спецслужбы, стремящиеся к духовному и политическому ослаблению страны. Таким образом, обращение простого гражданина в веру мормонов или кришнаитов перестает быть актом личного духовного выбора, а превращается в эпизод глобального геополитического противостояния, в котором этот гражданин становится либо жертвой, либо предателем. Эта конспирологическая оптика позволяет Дворкину придавать своим обвинениям зловещий масштаб. Он не просто анализирует доктрины, а «разоблачает» скрытые цели. Так, «секты» в его изложении — это почти всегда «коммерческие культы» или «торгово-финансовые пирамиды с идеологической псевдорелигиозной надстройкой». Их духовные учения — лишь ширма для достижения главной цели: власти и денег. Например, он утверждает, что основатель «Общества сознания Кришны» Прабхупада учил о допустимости

«трансцендентного обмана», и это, по словам Дворкина, «оправдывает любой обман и любое мошенничество». Подобные обобщения, вырванные из контекста или основанные на сомнительных источниках, создают образ врага как абсолютно аморального и коварного, готового на любое преступление ради своих тайных целей. Весь мир «сект» предстает как гигантская криминальная сеть, действующая под религиозным прикрытием.

Контроль над информацией является логическим следствием и необходимым инструментом для поддержания теории заговора. Чтобы конспирологическая картина мира не рассыпалась под давлением фактов, необходимо создать монополию на «правильную» интерпретацию событий и отсечь все альтернативные источники информации. Книга «Сектоведение» сама по себе является мощнейшим инструментом такого контроля. Представленная как «учебник» и «опыт систематического исследования», она претендует на статус высшей, объективной истины в вопросе о новых религиях. Она предлагает читателю готовую матрицу для оценки любого религиозного явления: если оно не вписывается в узкие рамки «традиционного Православия», оно автоматически помечается как «секта» со всем набором сопутствующих негативных характеристик (тоталитаризм, деструктивность, контроль сознания). Эта книга, по сути, призвана заменить собой самостоятельное исследование и критическое мышление. Читателю больше не нужно изучать первоисточники, общаться с верующими, анализировать сложный исторический и культурный контекст. Достаточно открыть «Сектоведение» и найти в нем нужный ярлык. Дворкин сам становится верховным цензором и экспертом, решающим, какая информация является «достоверной», а какая — «сектантской пропагандой». Его деятельность, включая руководство Экспертным советом при Минюсте, была направлена на институционализацию этого контроля, на превращение его личного мнения в официальную государственную позицию. Таким образом, создается замкнутый информационный кокон: книга Дворкина формирует у чиновников и

силовиков определенный взгляд на «секты». На основе этого взгляда они заказывают «экспертизы» у аффилированных с Дворкиным структур, далее эти экспертизы подтверждают исходные тезисы из его же книги. А на основании экспертиз суды выносят запретительные решения, которые, в свою очередь, подаются как доказательство правоты Дворкина. Это классический пример тоталитарного контроля над информацией, где система сама себя подтверждает, исключая любые альтернативные точки зрения. В этой системе нет места для фактов, которые противоречат исходной теории заговора. Нет места для миллионов обычных верующих, которые не являются ни мошенниками, ни шпионами. Нет места для сложной и многогранной духовной жизни, которую нельзя свести к примитивным ярлыкам. Как и в нацистской Германии, где вся информация проходила через фильтр геббельсовской пропаганды, в мире «сектоведения» все факты преломляются через искажающую призму конспирологической борьбы с «тоталитарными сектами».

Идеология превосходства, создание образа врага, его дегуманизация и конспирологические теории — все это подготавливает почву для финального шага: перехода от слов к действиям. Общество, убежденное в том, что ему противостоит смертельный, коварный и нечеловеческий враг, начинает воспринимать любые, даже самые жестокие, меры против него как акт необходимой самообороны. Нацистская идеология была пронизана культом войны и насилия. Концепция завоевания «жизненного пространства» (Lebensraum) и риторика борьбы не на жизнь, а на смерть с «мировым еврейством» служили идеологическим топливом для военной машины Третьего рейха. В текстах Александра Дворкина мы не найдем прямых призывов к физическому насилию в стиле штурмовых отрядов. Его стратегия гораздо тоньше и коварнее, но ведет к тому же результату — легитимации враждебных действий. Вся книга «Сектоведение» пронизана лексикой борьбы, войны, противостояния. Дворкин говорит о «миссионерском вызове Церкви Христовой», о «борьбе с

сектами», о необходимости «противодействия» их экспансии. Религиозная жизнь общества представляется не как мирное сосуществование и диалог, а как поле битвы, на котором «силы добра» (в лице Православной Церкви и ее защитников) противостоят «силам зла» (в лице «сект»). Такая милитаризация дискурса психологически готовит читателя к тому, что в этой «войне» могут потребоваться не только увещевания, но и более жесткие, силовые методы. Однако вершиной этой стратегии является не просто использование военной метафорики, а прямое обвинение религиозных меньшинств в подготовке к геноциду. Это один из самых старых и самых грязных приемов пропаганды ненависти: обвинить жертву в тех преступлениях, которые собираешься совершить сам, или в намерениях, которые оправдают твою собственную агрессию. Именно это делает Дворкин в отношении «Свидетелей Иеговы». Он пишет, что у них «нет моральных препятствий для геноцида». Это чудовищное по своей силе обвинение, не подкрепленное никакими доказательствами, кроме произвольной интерпретации автором их эсхатологических текстов. Обвинить целую религиозную группу, известную во всем мире своим пацифизмом и отказом от военной службы, в готовности к геноциду — это акт исключительного цинизма, преследующий одну-единственную цель: создать образ абсолютного, смертельно опасного врага, по отношению к которому не может быть никакой пощады. Человека, который верит в это утверждение Дворкина, уже не нужно убеждать в необходимости борьбы со «Свидетелями Иеговы» — он сам будет требовать от государства самых решительных мер, чтобы защитить себя и своих близких от «потенциальных геноцидников».

Дворкин усиливает этот эффект, описывая, как «Свидетели Иеговы» якобы «будут просто наслаждаться зрелищем избиения небесным воинством» всех своих врагов. Он приписывает им не просто веру в грядущий Божий суд, а садистское, извращенное удовольствие от страданий и гибели миллиардов людей. Этот прием — атрибуция садистских мотивов — окончательно превращает их в

глазах читателя в бесчеловечных монстров. В такой картине мира любые действия против них, включая запреты, аресты, конфискацию имущества, перестают быть актами репрессий и становятся спасительной операцией по нейтрализации смертельной угрозы. Таким образом, Дворкин, формально не призывая к насилию, делает нечто гораздо более опасное: он создает информационно-психологическую среду, в которой насилие и враждебность по отношению к определенной группе становятся не только возможными, но и логически необходимыми и морально оправданными. Он предоставляет идеологическое алиби для любых репрессий. Его книга становится своего рода «разрешением на ненависть». Это и есть конечная цель любой человеконенавистнической идеологии: не просто убедить в своей правоте, а дать своим последователям моральное право на совершение зла. Сопоставление риторики «Сектоведения» с ключевыми признаками идеологии нацизма — идеей превосходства, созданием образа врага, дегуманизацией, конспирологией и оправданием враждебности — выявляет их глубокое структурное и функциональное родство. Но этот анализ был бы неполным без перехода на следующий уровень — к рассмотрению того, как эта идеологическая конструкция разворачивается в практический процесс, ведущий от простого разделения людей к их физическому уничтожению.

Исследователи геноцида, стремясь понять и предотвратить повторение величайших трагедий человечества, давно пришли к выводу, что массовое уничтожение людей никогда не бывает спонтанным актом. Это всегда процесс, разворачивающийся во времени и проходящий через ряд предсказуемых и опознаваемых стадий. Одной из наиболее авторитетных и широко признанных моделей этого процесса является концепция «десяти стадий геноцида», разработанная американским правоведом и основателем организации Genocide Watch доктором Грегори Стэнтоном. Его модель, основанная на анализе Холокоста, геноцидов в Камбодже,

Руанде и других странах, представляет собой не строго линейную последовательность, а скорее диагностический инструмент, позволяющий распознать тревожные симптомы на ранних этапах и принять превентивные меры. Применение этой модели к анализу текста «Сектоведения» и его влияния на общественную и правовую реальность в России позволяет нам увидеть, как идеологическая конструкция, созданная Дворкиным, в точности соответствует этой смертоносной дорожной карте. Это уже не просто аналогии и параллели, это прямое наложение теоретической модели геноцидального процесса на практическую деятельность «антисектантского» движения, и совпадение оказывается пугающим.

Первой стадией в модели Стэнтона является классификация. Это базовый человеческий и социальный механизм разделения мира на категории, в том числе на группы «мы» и «они». Сама по себе классификация нейтральна, но она становится первым шагом к геноциду, когда общество глубоко разделяется и в нем отсутствуют смешанные институты, способствующие интеграции. «Сектоведение» Дворкина является мощнейшим инструментом именно такой поляризующей классификации. Вся книга построена на создании жесткой бинарной оппозиции. С одной стороны — монолитная, позитивно окрашенная группа «мы», которую можно определить как «традиционное православное общество». С другой — столь же монолитная, но абсолютно негативно окрашенная группа «они», для которой Дворкин использует обобщающий и стигматизирующий термин «тоталитарные секты». В эту категорию «они» он сваливает самые разнообразные религиозные и духовные движения — от мормонов и Свидетелей Иеговы до кришнаитов и последователей индуистских гуру. Их теологические, исторические и культурные различия полностью игнорируются. Все они обезличиваются и объединяются в единый образ Врага. Само название книги и дисциплины — «Сектоведение» — является актом классификации, создающим отдельный объект для изучения и противодействия, подобно тому как криминология изучает преступников. Таким

образом, общество приучается мыслить в категориях «нормальные религии» и «секты», что является первым и необходимым шагом к дискриминации.

Второй стадией является символизация. На этом этапе классифицированным группам присваиваются имена или символы. Самый известный исторический пример — желтые звезды, которые нацисты заставляли носить евреев. Символизация визуально отделяет группу-жертву от остального общества, делая ее легко узнаваемой мишенью. В случае «Сектоведения» символизация происходит не на физическом, а на вербальном уровне, что не делает ее менее эффективной. Сами термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ» функционируют как вербальные желтые звезды. Как только религиозная организация получает такой ярлык в СМИ или в речи авторитетного лица, она немедленно помечается в общественном сознании как нечто опасное и чужеродное.

Дворкин идет еще дальше, создавая специфические символы для отдельных групп. Так, он вводит уже упомянутый нами неологизм «homo jehovisticum», который служит уничижительным символическим обозначением для последователей «Свидетелей Иеговы». Использование приставки «псевдо-» («псевдо-индуистские», «псевдо-христианские») также является формой символизации, маркирующей целые традиции как фальшивые, поддельные. Наконец, накопление негативных эпитетов, как в характеристике Международного общества сознания Кришны (ИСККОН) — «псевдо-индуистская синкретическая прозелитическая постмодернистская неоязыческая тоталитарная секта», — работает как словесное клеймо, состоящее из множества символов ненависти. Эти символы не описывают, а стигматизируют, подготавливая почву для следующего шага.

Третьей стадией по Стэнтону является дискриминация, на которой доминирующая группа использует законы, власть и обычаи для отрицания прав группы-жертвы. Эта стадия является логическим следствием первых двух: как только группа классифицирована и

помечена символом, ее дискриминация начинает казаться естественной и оправданной. Идеология «Сектоведения» является прямым и открытым призывом к дискриминации. Вся книга — это один большой аргумент в пользу того, что к «сектам» нельзя применять те же стандарты свободы и равенства, что и к «нормальным» религиям. Когда Дворкин заявляет, что «о какой-либо свободе личности для сектанта не может быть и речи», он идеологически обосновывает лишение этих людей их базовых конституционных прав. Если у человека нет свободы личности, то можно ли ему доверять право выбора, право на воспитание детей, право на распространение своих убеждений? Ответ, который подспудно внушает Дворкин, — отрицательный. Практическое влияние Дворкина, особенно через его работу в Экспертном совете при Минюсте, превратило эту идеологию в реальную дискриминационную практику. Отказы в регистрации, иски о ликвидации, запреты на миссионерскую деятельность, основанные на экспертизах, пропитанных духом «Сектоведения», — все это является прямой реализацией стадии дискриминации. Верующие, принадлежащие к «неправильным» группам, на практике лишаются тех прав, которые закон формально гарантирует всем гражданам. Их собрания срываются, их литература объявляется экстремистской, их организации закрываются. Идеология Дворкина служит для этой дискриминационной практики необходимым «научным» и «экспертным» прикрытием. Она создает иллюзию, что государство борется не с инакомыслием, а с «деструктивным влиянием», тем самым оправдывая систематическое нарушение прав человека.

Четвертая стадия, дегуманизация, является, по словам Стэнтона, одной из ключевых, так как она преодолевает естественное человеческое отвращение к убийству. Мы уже подробно рассмотрели, как риторика дегуманизации пронизывает текст «Сектоведения», но здесь важно еще раз подчеркнуть ее место в общем процессе. Дегуманизация — это мост, перекинутый от дискриминации к насилию. Пока жертва все еще воспринимается как человек, пусть и

«неправильный», массовое насилие против нее затруднено моральными нормами. Но как только она превращается в «мусор», «паразита», «жвачное животное» или бездушного «homo jehovisticum», эти нормы перестают действовать. Заявления Дворкина о том, что последователи «Свидетелей Иеговы» будут убирать «миллиарды человеческих трупов» как «мусор», о «бездарной выдумке» и «ублюдке» в отношении Книги Мормона, о «рабах» и «неудачниках» в кришнаизме, — все это не просто оскорбления. Это систематическая работа по расчеловечиванию оппонента, по превращению его в объект, лишенный достоинства и права на сострадание. Эта стадия настолько важна для проекта Дворкина, что пронизывает буквально каждую главу его книги, служа постоянным рефреном, подготавливающим читателя к принятию самых радикальных идей и мер.

Пятая стадия — организация. Геноцид, подчеркивает Стэнтон, всегда организован, часто на государственном уровне или при поддержке государства. Специальные вооруженные формирования или ополченцы (как interahamwe в Руанде) создаются и обучаются для совершения убийств. На первый взгляд, может показаться, что этот пункт неприменим к Дворкину, который является общественным деятелем, а не командиром боевиков. Однако такое понимание было бы слишком узким. Организация геноцидального процесса в современных условиях может принимать и гибридные формы. Александр Дворкин является создателем и руководителем целой сети антикультовых организаций, объединенных в РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект). Эта сеть, имеющая филиалы во многих регионах России и за ее пределами, представляет собой высокоорганизованную структуру, занимающуюся сбором информации, ведением пропаганды, лоббированием своих интересов в органах власти и оказанием давления на правоохранительную систему. Книга «Сектоведение» служит для этой организации идеологической платформой и учебным пособием. Адепты Дворкина в регионах, называющие себя «сектоведами», действуют по лекалам,

изложенным в этой книге, выявляя «секты» и инициируя против них кампании в местных СМИ и обращения в прокуратуру. Более того, многолетняя работа Дворкина в качестве председателя Экспертного совета при Минюсте показывает, как эта негосударственная организация тесно сращивается с государственным аппаратом. Через этот совет Дворкин получил возможность транслировать свою идеологию напрямую в правовую систему, облекая ее в форму официальных экспертиз. Таким образом, мы видим двухуровневую организационную структуру: с одной стороны — разветвленная сеть общественных организаций, ведущих антикультовую деятельность, с другой — интеграция в государственные институты, позволяющая использовать административный и силовой ресурс для достижения своих целей. Эта структура, возможно, не готовит боевиков с мачете, но она организует и направляет процесс преследования и подавления религиозных меньшинств, что полностью соответствует логике пятой стадии Стэнтона.

Шестой стадией является поляризация. Экстремисты раскалывают общество, используя пропаганду ненависти. Они заставляют людей выбирать сторону, уничтожая умеренный центр. Любые попытки диалога или примирения объявляются предательством. Риторика Дворкина является в высшей степени поляризующей. Он создает абсолютно манихейскую картину мира, в которой нет места полутонам. Есть «мы» (Православие, традиция, добро) и есть «они» (секты, деструкция, зло). Любой, кто пытается занять промежуточную позицию, — например, религиовед, призывающий к объективному и непредвзятому изучению новых религий, или правозащитник, отстаивающий равенство всех перед законом, — немедленно зачисляется в лагерь врага, объявляется «сектозащитником», «агентом влияния» или наивным простаком. Дворкин последовательно атакует академическое религиоведение, обвиняя его в «политкорректности» и пособничестве «сектам». Его заявления, отождествляющие индуизм с «религией антихриста», а ритуалы мормонов с «сатанизмом», направлены на то, чтобы сделать

любой межрелигиозный диалог невозможным. Как можно вести диалог с «сатанистами» или последователями «антихриста»? Такая риторика загоняет общество в состояние идеологической гражданской войны, где есть только свои и чужие, друзья и враги. Именно этот раскол, это уничтожение пространства для диалога и компромисса, и является целью стадии поляризации.

Седьмая стадия в модели Стэнтона — подготовка. На этом этапе начинается непосредственное планирование массовых убийств. Жертвы идентифицируются и отделяются от остального общества. Составляются списки смертников. Вводятся особые опознавательные знаки. Имущество жертв экспроприируется. Часто используются эвфемизмы, чтобы скрыть истинные намерения, как, например, нацистское «Окончательное решение еврейского вопроса». Книга «Сектоведение» по своей сути и является гигантским подготовительным документом. Она представляет собой подробный каталог групп, назначенных на роль жертв. Каждая глава, посвященная той или иной «секте», является, по сути, досье, содержащим идентификационные признаки, описание «опасных» доктрин и практик, а также идеологическое обоснование для применения к этой группе репрессивных мер. Дворкин не просто теоретизирует; он дает практические наводки. Он пишет о «кришнаитах-книгоношах, которых вы встречаете на улицах», тем самым идентифицируя конкретных людей как представителей «опасной» группы. Его подробные описания вероучений и практик, пусть и искаженные, служат для правоохранительных органов и спецслужб своего рода «ориентировками» для выявления «экстремистского» содержания в их литературе и проповедях. Вся книга — это один большой список потенциальных врагов, которых необходимо «нейтрализовать». Сам термин «борьба с тоталитарными сектами» является эвфемизмом, скрывающим за наукообразной и общественно-полезной риторикой реальную цель — подавление и уничтожение религиозного инакомыслия. Таким образом, «Сектоведение» выполняет все ключевые функции стадии

подготовки: оно идентифицирует жертв, идеологически обосновывает необходимость действий против них и создает информационную базу для последующих репрессий.

Восьмая стадия — преследование. Это переход от подготовки к прямым действиям. Жертвы подвергаются насильственному перемещению, их заключают в гетто или концентрационные лагеря, их имущество конфискуют. Начинаются первые массовые убийства. В современной России мы являемся свидетелями того, как идеологическая подготовка, проведенная антикультовой сетью, переросла в широкомасштабное государственное преследование. Наиболее ярким примером является судьба «Свидетелей Иеговы». В 2017 году Верховный суд РФ, основываясь на экспертизах, пропитанных духом и терминологией Дворкина, признал эту организацию «экстремистской» и ликвидировал все ее юридические лица на территории страны. Это решение дало старт беспрецедентной кампании репрессий. Сотни верующих были арестованы, подвергнуты пыткам, приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Уже 12 верующих умерли в тюрьмах, не выдержав пыток и жестоких условий содержания. Их имущество конфискуется. Проведение мирных богослужений приравнивается к организации деятельности экстремистской организации. Тысячи людей были вынуждены бежать из страны. Это не что иное, как стадия преследования в ее чистом виде, и она была бы невозможна без многолетней идеологической «артподготовки», осуществленной в том числе и с помощью книги «Сектоведение», которая создала в обществе и во власти образ «Свидетелей Иеговы» как опасных «сектантов». Подобным, хотя и менее масштабным, преследованиям подвергаются и другие группы, попавшие в «черный список» Дворкина, — сайентологи, последователи «Фалуньгун» и другие. Идеология, изложенная на страницах книги, материализовалась в реальных уголовных делах, сломанных судьбах и разрушенных общинах.

Девятая стадия — истребление (extermination). Это кульминация процесса, собственно массовое убийство. Стэнтон подчеркивает, что для исполнителей это именно «истребление», так как они, благодаря предшествующей дегуманизации, больше не считают своих жертв людьми. На данном этапе необходимо сделать важнейшую оговорку. В тексте «Сектоведения» нет прямых призывов к физическому убийству «сектантов». Однако отсутствие таких призывов не означает, что текст не выполняет функцию идеологической подготовки к истреблению. Как мы уже показывали, Дворкин использует крайне опасный прием — проекцию геноцидальных намерений на саму жертву. Обвиняя «Свидетелей Иеговы» в том, что у них «нет моральных препятствий для геноцида» и что они будут «наслаждаться зрелищем избиения», он создает образ врага, который сам является носителем геноцидальной идеологии. Это классическая тактика, многократно использовавшаяся в истории для оправдания собственного насилия. Первоначальный акт агрессии, таким образом, маскируется под превентивный удар, под акт самообороны против силы, которая, как утверждается, намеревается уничтожить «нас».

Проецирование собственных агрессивных намерений на жертву — это не просто риторический прием, это ключевой психологический механизм, позволяющий снять с себя ответственность за будущее насилие. Пропаганда, действующая по этому принципу, внушает своей аудитории мысль: «Мы должны нанести удар первыми, иначе они уничтожат нас». Нацистская пропаганда, например, постоянно изображала евреев как агрессивную силу, стремящуюся к мировому господству и разрушению Германии. В этом контексте «Окончательное решение» подавалось не как акт беспричинной ненависти, а как необходимая мера по спасению нации. Дворкин, используя ту же логику, готовит почву для того, чтобы любые, самые жесткие, действия против религиозных меньшинств воспринимались обществом не как репрессии, а как защита от «потенциальных геноцидников». Если человек убежден, что некая группа не имеет «моральных препятствий для геноцида», он перестает видеть в ее

членах сограждан, пользующихся правом на свободу совести; он видит в них смертельную угрозу, которую необходимо нейтрализовать любыми способами. В этой извращенной логике запрет организации, аресты ее лидеров, тюремные сроки для рядовых верующих — все это становится «необходимым злом», превентивной мерой, призванной предотвратить будущую, гораздо большую катастрофу. Таким образом, хотя Дворкин не призывает брать в руки оружие, его книга вооружает своих читателей идеологическим оправданием для поддержки государственного насилия. Она создает такую информационную и психологическую среду, в которой физическое и юридическое истребление группы перестает быть чем-то немыслимым и становится одним из возможных и даже логичных сценариев развития событий.

Понятие «истребление» в современном мире не обязательно означает только физическое уничтожение. Оно может принимать и юридические формы: ликвидация всех организаций, полный запрет на любую деятельность, включая совместное исповедание веры, уголовное преследование за сам факт принадлежности к группе. Это форма социального и духовного истребления, которое уничтожает группу как действующий субъект общественной жизни. И именно к такому типу истребления напрямую ведет идеология «Сектоведения».

Десятая и последняя стадия в модели Стэнтона — отрицание (denial). Эта стадия, по словам исследователя, является одной из самых верных примет продолжающегося геноцидального процесса. Преступники и их последователи отрицают свои преступления, уничтожают доказательства, обвиняют жертв и запугивают свидетелей. Отрицание — это не просто попытка избежать ответственности постфактум, оно является неотъемлемой частью самого процесса, поскольку стремится уничтожить жертв еще и психологически, стерев память об их страданиях. Анализ деятельности Дворкина и созданной им системы показывает, что

механизм отрицания встроен в нее на всех уровнях и является одним из ее ключевых рабочих инструментов.

Во-первых, сама концепция «сектоведения» является формой превентивного отрицания. Представляя свою деятельность не как кампанию по разжиганию религиозной нетерпимости, а как «научное исследование», «миссионерскую работу» или «защиту общества от деструктивных влияний», Дворкин и его последователи с самого начала отрицают истинную природу своих действий. Псевдонаучный, академический фасад книги «Сектоведение», ее статус «учебника», использование наукообразных терминов («тоталитарная секта», «контроль сознания», «деструктивный культ») — все это служит для маскировки и отрицания ее человеконенавистнической сущности. Это отрицание, встроенное в саму терминологию. Когда государство, основываясь на экспертизах Дворкина, запрещает религиозную организацию, оно отрицает, что преследует людей за их веру. Оно утверждает, что борется не с религией, а с «экстремизмом» или «деструктивной деятельностью». Таким образом, сам язык «сектоведения» является языком отрицания.

Во-вторых, Дворкин и его система активно используют тактику отрицания через обвинение критиков. Любой, кто осмеливается подвергнуть сомнению его методы, — будь то авторитетный ученый-религиовед, правозащитник или журналист — немедленно получает ярлык «сектозащитника», «агента влияния сект» или «купленного сектантами». Вместо того чтобы отвечать на критику по существу, система Дворкина атакует самого критика, отрицая его компетентность, независимость и моральные качества. Это классическая тактика отрицания, известная как «убийство вестника» (shoot the messenger). Обвиняя своих оппонентов в ангажированности, Дворкин отрицает сам факт существования независимой и объективной критики в свой адрес. В его картине мира есть только два лагеря: его сторонники и враги, купленные «сектами». Это позволяет ему игнорировать любые неудобные факты и научные данные, которые противоречат его теории.

В-третьих, на государственном уровне отрицание проявляется в подмене понятий. Репрессии против верующих, их аресты и тюремные сроки, основанные на идеологии «сектоведения», официально подаются не как религиозные преследования, а как «борьба с экстремизмом». Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» становится инструментом, позволяющим отрицать сам факт нарушения свободы совести. Государство отрицает, что оно преследует людей за их убеждения, оно утверждает, что лишь применяет закон к тем, кто осуществляет «экстремистскую деятельность». Но само определение этой деятельности оказывается предельно размытым и зачастую сводится к тому, что группа утверждает истинность своей веры в противовес другим — что является естественным свойством любой религии. Экспертизы, написанные в духе «Сектоведения», служат «научным» мостом, позволяющим переквалифицировать обычную религиозную практику в «экстремизм». Это самая опасная форма отрицания, поскольку она облечена в форму закона и осуществляется всей мощью государственной машины. Обществу внушается мысль, что никаких репрессий нет, а есть лишь законное правосудие.

Идеология «Сектоведения» предоставляет язык и концепции для дискриминации (стадии 1-6). На основе этой идеологии запускается процесс подготовки и преследования (стадии 7-8). Юридическое и социальное истребление группы (стадия 9) маскируется под борьбу с «экстремизмом». А любые обвинения в нарушении прав человека и разжигании ненависти отвергаются с помощью встроенных механизмов отрицания (стадия 10), которые обвиняют самих жертв и их защитников, представляя репрессии как справедливую и необходимую меру. Вся система работает как самоподдерживающийся и самооправдывающийся механизм ненависти, полностью воспроизводящий геноцидальную логику, описанную Стэнтоном.

Завершая этот подробный анализ, необходимо синтезировать полученные выводы и взглянуть на феномен «Сектоведения» в более

широком историческом и философском контексте. Книга Александра Дворкина и порожденное ею движение — это не просто частный случай религиозной нетерпимости. Это тревожный симптом, демонстрирующий, как легко в современном мире возрождаются и адаптируются самые разрушительные идеологии прошлого, и как общество, забывшее уроки истории, рискует снова пойти по пути, ведущему к катастрофе. Сопоставление «Сектоведения» с признаками нацистской идеологии и стадиями геноцида — это не риторическое преувеличение, а необходимый аналитический инструмент, позволяющий вскрыть истинную сущность этого явления и оценить масштаб исходящей от него угрозы.

Крик «Никогда больше!», прозвучавший над руинами Европы после Второй мировой войны, был не просто констатацией трагедии. Он стал моральным императивом, священной клятвой будущих поколений не допустить повторения Холокоста. Этот императив означает не только осуждение уже свершившихся преступлений, но и обязанность распознавать и пресекать те процессы, которые к ним ведут. Мы поняли, что геноцид не начинается с газовых камер. Он начинается со слов. Он начинается с идеологии, которая делит людей на «чистых» и «нечистых», на «полноценных» и «неполноценных», на «нас» и «них». Он начинается с книги, с лекции, с газетной статьи, которые сеют семена ненависти, демонизируют и дегуманизируют целые группы людей.

«Сектоведение» Александра Дворкина является именно таким текстом. Оно представляет собой прямое предательство принципа «Никогда больше». Используя религиозные, а не расовые критерии, Дворкин воспроизводит ту же самую смертоносную логику, которая привела к Холокосту. Его книга — это дорожная карта, ведущая от классификации и символизации к дискриминации, дегуманизации, преследованию и, в конечном итоге, к легитимации истребления. Когда Дворкин провозглашает превосходство одного «спасительного пути» над всеми остальными, обреченными на «деградацию», он закладывает тот же фундамент иерархии, на котором строилась

нацистская расовая теория. Когда он называет индуизм «религией антихриста», он конструирует тот же образ абсолютного врага, каким для нацистов было «мировое еврейство». Когда он низводит человека до «homo jehovisticum», «жвачного животного» или «мусора», он занимается той же дегуманизацией, которая позволяла нацистам не видеть людей в своих жертвах. И когда он обвиняет мирных верующих в готовности к «геноциду», он использует тот же подлый прием проекции, который оправдывал «превентивное» насилие Третьего рейха. Борьба с идеологией «Сектоведения» — это не просто защита прав религиозных меньшинств. Это борьба за сохранение исторической памяти и за верность клятве, данной жертвам геноцидов XX века. Принять «Сектоведение» как легитимную форму «научного анализа» или «миссионерской деятельности» — значит признать, что мы ничему не научились. Это значит позволить вирусу ненависти мутировать и снова заразить общество, на этот раз под респектабельной маской защиты «традиционных ценностей».

Идея «Четвертого рейха» в массовом сознании часто ассоциируется с карикатурным образом неонацистов, марширующих со свастиками. Но реальная опасность возрождения тоталитаризма всегда тоньше и коварнее. «Четвертый рейх» — это не обязательно государство, копирующее эстетику нацистской Германии. Это метафора для любой системы, которая воспроизводит ключевые структурные и идеологические принципы нацизма: слияние государственной власти с человеконенавистнической идеологией, подавление инакомыслия и систематическое преследование групп, объявленных «чуждыми» и «опасными». Именно такую систему помогает строить и легитимировать идеология «Сектоведения». Мы являемся свидетелями формирования нового, гибридного тоталитаризма — «Четвертого рейха». В этой системе роль «арийской расы» играет одна, «государствообразующая» конфессия, а роль «неполноценных» рас — все остальные группы, заклейменные как «секты». Роль Нюрнбергских расовых законов выполняет антиэкстремистское законодательство, избирательно и репрессивно

применяемое против инакомыслящих. Роль гестапо и СС выполняют специальные подразделения правоохранительных органов, которые занимаются не борьбой с реальными преступниками, а охотой на верующих. А роль «научного» обоснования для всего этого аппарата репрессий играет «сектоведение» Дворкина.

Цель этого нового «рейха» — не расовая чистота, а идеологическая монополия. Он стремится создать монолитное, унифицированное общество, очищенное от любого «инакомыслия», которое воспринимается как угроза государственной стабильности. В этой системе человек лишается своего главного права — права на свободу совести, на самостоятельный духовный поиск. Его выбор веры перестает быть его личным делом и становится вопросом национальной безопасности. Если его выбор не совпадает с «правильным», он автоматически становится подозреваемым, потенциальным «экстремистом», объектом для оперативной разработки и репрессий. Книга «Сектоведение» — это идеологический манифест и одновременно практическое руководство по построению такого «Четвертого рейха». Она предоставляет власти не только «черные списки» врагов, но и, что гораздо важнее, язык и концепции для оправдания борьбы с ними. Она превращает религиозные преследования в «борьбу с экстремизмом», разжигание ненависти — в «научный анализ», а тотальный контроль — в «защиту общества».

Таким образом, беспристрастный юридико-лингвистический анализ текста Александра Дворкина «Сектоведение» показывает, что эта работа является не научным трудом, а опасной идеологической доктриной. Она не только воспроизводит ключевые признаки человеконенавистнических идеологий прошлого, но и в точности соответствует признанной модели геноцидального процесса. Это не просто сборник ошибочных или предвзятых суждений, это системно выстроенный призыв к ненависти и дискриминации, который уже привел к массовым нарушениям прав человека и созданию в России репрессивной машины, нацеленной на подавление любого

инакомыслия. В свете уроков XX века, в свете священного завета «Никогда больше», игнорировать эту угрозу — значит совершить преступление против исторической памяти и будущего. Позволить идеологиям, подобным «сектоведению», существовать и распространяться в XXI веке — значит расписаться в собственном бессилии перед злом, которое мы однажды уже победили, но которое, как оказалось, способно возрождаться из пепла в новых, еще более изощренных формах. Анализ и разоблачение подобных текстов является не академическим упражнением, а моральным долгом каждого, кто верит в ценность человеческой жизни, свободы и достоинства. Это наш ответ на вызов, брошенный новыми проповедниками ненависти, и наше подтверждение того, что завет «Никогда больше» для нас — не пустой звук.

Эпилог. Искусство быть человеком

Я начинал это расследование с одной, казалось бы, простой целью: понять, как работает язык вражды, как слова превращаются в оружие и как текст, напечатанный на бумаге, может привести к реальному стуку в дверь, к обыску на рассвете, к разрушенной семье. Я думал, что пишу книгу о словах, но оказалось, я писал книгу о человеческой трагедии. Вначале мне казалось, что моя задача — разобраться в частном конфликте, в несправедливости, направленной против отдельных, пусть и многочисленных групп людей, которых заклеймили обидным и юридически ничтожным словом «секта». Я видел конкретных людей: пожилую женщину, которую соседи стали называть «сектанткой», успешного предпринимателя, потерявшего бизнес из-за доноса, мать, у которой пытались отобрать детей. Их боль была осязаемой, и сочувствие к ним было моим главным двигателем. Я погружался в биографию Александра Дворкина, пытаясь найти ключ к его идеологии, анализировал структуру его книги «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования», которая оказалась не научным трудом, а скорее

прокурорским заключением, где приговор вынесен заранее, а «доказательства» лишь подгоняются под него.

Постепенно, страница за страницей, я осознавал, что передо мной не просто набор радикальных взглядов одного человека. Передо мной была система. Целая «Империя идеологии насилия», как я назвал ее про себя, с продуманной архитектурой, с региональной сетью, с международным фасадом и, что самое главное, с отработанной технологией интеграции в общественные и государственные институты. Я видел, как импортированные с Запада и давно дискредитированные там антикультовые методики были пересажены на российскую почву, как псевдонаучная риторика облекалась в форму «экспертных заключений», как ненависть маскировалась под «защиту духовной безопасности». В какой-то момент я понял, что это уже не история о частных эксцессах. Это рассказ о том, как была создана и запущена в действие настоящая репрессивная машина, работающая в автономном режиме, машина, для которой не важны конкретные имена или названия групп. Важен сам процесс охоты, сам механизм подавления.

Но настоящий переворот в моем сознании произошел позже. Он случился, когда я начал детально, с лингвистическими и историческими параллелями, анализировать сам язык этой машины. Когда я увидел, как методично, слово за словом, создается образ врага. Как людей лишают имен и лиц, превращая их в абстрактные, пугающие сущности: homo jehovisticum, «раковая опухоль на теле общества», «зомби», «мусор». Когда я увидел, насколько точно эти приемы дегуманизации повторяют лексикон самых мрачных пропагандистских машин двадцатого века. Это был момент интеллектуального и эмоционального шока. В этот миг я осознал, что смотрел не туда. Я думал, что моя задача — защитить несправедливо обиженных Свидетелей Иеговы, кришнаитов или последователей Виссариона. Я думал, что отстаиваю их право на свободу совести. Но все оказалось гораздо серьезнее и глубже. Проблема была не в том, кого они атаковали. Проблема была в том, что они разрушали в

процессе. И разрушали они нечто, принадлежащее нам всем, независимо от наших религиозных, политических или каких-либо иных взглядов. Они наносили удар по фундаментальным принципам, на которых держится любое свободное и здоровое общество. Именно тогда я понял: эта книга — не о защите «сект». Эта книга — о защите нас всех. Это попытка отстоять те базовые опоры, без которых наше общее здание неминуемо рухнет. Первый и самый главный принцип, который подвергается атаке, — это человеческое достоинство. В основе всей современной цивилизации, в основе всех международных деклараций и национальных конституций лежит простая, но великая идея: каждый человек обладает достоинством по праву рождения. Это не то, что можно заслужить или потерять. Это неотъемлемое свойство личности. Риторика, которую культивирует антикультовая сеть Александра Дворкина, целенаправленно уничтожает именно это.

Когда человека называют «мусором» или «биороботом», это не просто оскорбление. Это акт символического уничтожения. Это отказ признавать в нем человека. Это попытка вывести его за скобки человечества, превратить его в объект, с которым можно делать все что угодно. И в этом заключается страшная опасность, которая выходит далеко за рамки межрелигиозных споров. Если мы как общество соглашаемся с тем, что можно лишить достоинства одну группу людей, мы создаем прецедент. Мы ломаем сам принцип. Завтра по такому же сценарию можно будет лишить достоинства кого угодно: людей с другой политической позицией, представителей другой национальности, людей с иным образом жизни. Технология дегуманизации универсальна. Она как вирус: выпустив его однажды, невозможно контролировать, кого он поразит в следующий раз. Защищая достоинство тех, кого сегодня называют «сектантами», мы на самом деле защищаем собственное достоинство, право наших детей и внуков жить в мире, где человек — это высшая ценность, а не материал для идеологических экспериментов.

Второй принцип, который подрывается этой деятельностью, — свобода совести и право на самоопределение личности. Ключевым

элементом идеологии «сектоведения» является концепция «контроля сознания» или, как ее еще называют, «промывки мозгов». Эта псевдонаучная теория утверждает, что человек, приходящий в «неправильную» религиозную группу, теряет свободу воли и становится марионеткой в руках лидеров. На первый взгляд, эта идея может показаться гуманной — она как бы снимает с верующего ответственность за его выбор. Но на самом деле это одна из самых антигуманных и авторитарных идей, какие только можно вообразить. Она фундаментально отрицает способность человека к самостоятельному духовному поиску. Она говорит взрослому, дееспособному гражданину: «Ты не способен сам решать, во что тебе верить. Твой выбор — это ошибка, болезнь. Мы, "эксперты", знаем лучше, что для тебя хорошо». Это не просто неуважение, это отказ в субъектности. Человек перестает быть субъектом права и субъектом собственного жизненного пути, превращаясь в пассивный объект, который нужно «спасать», «лечить», «консультировать» — часто против его собственной воли. Легитимация такой идеи открывает ящик Пандоры. Если сегодня можно объявить «неправильным» духовный выбор человека, то завтра можно будет объявить «неправильным» его политический выбор, его профессиональный выбор, его семейный выбор. Это прямой путь к обществу тотального патернализма, где некие «эксперты» или государство решают за индивида, как ему жить, что ему думать и во что верить. Отстаивая право человека на его собственный, пусть даже ошибочный с нашей точки зрения, духовный путь, мы отстаиваем право на свободу как таковую. Право быть автором своей собственной жизни.

И, наконец, третий, не менее важный принцип — это презумпция невиновности и право на справедливый суд. Как показал анализ, книга «Сектоведение» и вся методология, построенная на ней, — это классический пример «прокурорского метода». Есть заранее вынесенный обвинительный вердикт: «это тоталитарная секта, а значит, она опасна». Дальше начинается подбор «улик», где любой факт интерпретируется исключительно в пользу обвинения.

Медитация? Это техника контроля сознания. Пожертвования? Это финансовая эксплуатация. Общинная жизнь? Это отрыв от общества. Этот метод, перенесенный в сферу юриспруденции через аффилированных «экспертов», создает то, что я назвал «конвейером репрессий». Он подменяет собой объективное и беспристрастное расследование. Вместо того чтобы доказывать вину конкретного человека в совершении конкретного преступления, этот конвейер просто наклеивает ярлык на всю группу, после чего любое действие ее членов автоматически становится подозрительным. Это разрушает сами основы правосудия. Когда псевдонаучная экспертиза, основанная на идеологической книге, становится весомее, чем факты и показания свидетелей, мы имеем дело с эрозией права. И эта эрозия, как ржавчина, разъедает всю систему. Создав опасный прецедент для одной категории дел, мы рискуем распространить его на все остальные. Если сегодня можно осудить человека на основании ярлыка «сектант», то завтра можно будет осудить на основании ярлыка «неблагонадежный», «инакомыслящий» или любого другого, какой только придет в голову очередному «борцу» за чистоту чего бы то ни было. Защита базовых правовых гарантий для тех, кого сегодня преследуют по религиозному признаку, — это инвестиция в правовую безопасность каждого из нас. Это защита от произвола, который, начавшись с малого, имеет свойство становиться всеобщим.

В процессе этого исследования меня не покидало ощущение странного, зеркального парадокса. Антикультовая сеть под руководством Александра Дворкина, которая так яростно борется с «тоталитарными сектами», сама, в своих методах и своей идеологии, демонстрирует все ключевые признаки той самой тоталитарной системы, с которой якобы воюет. Посмотрите сами: нетерпимость к любому инакомыслию и агрессивное подавление всякой критики. Создание черно-белой картины мира, где есть только «мы» (носители истины и добра) и «они» (абсолютное зло). Целенаправленное создание образа врага с помощью языка ненависти для мобилизации

своих сторонников. Претензия на монополию на истину и стремление к тотальному контролю над сознанием людей, пусть и под видом «защиты» от чужого контроля. Эта система сама оказывается замкнутой, герметичной и неуязвимой для критики извне — точно так же, как, по ее собственным утверждениям, устроены «секты». И в этом заключается, возможно, главный и самый страшный вывод. Борьба с языком вражды, который культивирует эта сеть, — это не защита отдельных религиозных групп. Это защита общества от вируса тоталитарного мышления, который научился мимикрировать, прятаться за маской «борьбы за духовность» и «национальную безопасность».

Именно здесь, в этой точке, перед каждым из нас встает выбор, вынесенный в заголовок этого эпилога. Выбор между страхом и диалогом.

Путь страха прост и соблазнителен. Он предлагает нам очень удобную и простую картину мира. Есть мы — хорошие, правильные, нормальные. И есть они — другие, чужие, опасные. Этот путь избавляет от необходимости думать, анализировать, сомневаться. Он дает нам готового врага, на которого можно свалить все проблемы: от личных неудач до глобальных кризисов. Он позволяет чувствовать себя правым и сильным, частью большого и правильного «мы». Антикультовая идеология — это идеальное топливо для этого пути. Она создает индустрию страха, которая производит врагов в промышленных масштабах. Но у этого пути есть своя цена, и она огромна. Общество, отравленное страхом и ненавистью, начинает пожирать само себя. Оно раскалывается на враждующие лагеря, в нем исчезает доверие — к соседям, к экспертам, к институтам, к самому слову. Начинается охота на ведьм, которая может затронуть любого. Диалог становится невозможен, потому что с «врагом», «зомби» или «мусором» не разговаривают — его уничтожают или изолируют. Этот путь ведет в тупик. В тупик социальной деградации, взаимной ненависти и, в конечном счете, насилия. История двадцатого века показала нам, куда приводит этот путь, вымощенный

благими намерениями защиты «национальных интересов» или «традиционных ценностей».

Но есть и другой путь. Путь диалога. Он намного сложнее. Он требует интеллектуальных и душевных усилий. Он требует мужества и терпения. Диалог — это не просто разговор. Философы от Сократа до Мартина Бубера понимали диалог как нечто большее — как способ совместного бытия, как метод поиска истины, как признание в другом равного себе субъекта. Вступить в диалог — значит отказаться от монополии на истину. Это значит признать, что твой оппонент — не объект для манипуляции и не враг, которого нужно уничтожить, а личность со своей правдой, со своим опытом, со своим достоинством. Идеология ненависти фундаментально анти-диалогична. Она основана на монологе, на проповеди, на приговоре. Она строит стены. Диалог строит мосты. Он не гарантирует, что мы придем к согласию. Но он гарантирует, что мы не скатимся к насилию. Он позволяет искать точки соприкосновения, находить общие ценности, учиться жить вместе в одном, пусть и сложном и многообразном мире. Этот путь — единственный созидательный путь для любого общества, которое хочет развиваться, а не разрушаться.

Выбор между страхом и диалогом — это не абстрактная философская дилемма. Это практический выбор, который каждый из нас может и должен делать каждый день. И для того чтобы делать этот выбор осознанно, у нас есть мощнейшие инструменты, своего рода противоядия от вируса ненависти.

Первое и главное противоядие — это критическое мышление. Я убежден, что это не какой-то элитарный навык для интеллектуалов, а базовая гигиеническая норма для сознания каждого человека, живущего в информационном обществе. Пропаганда Дворкина, как и любая другая, нацелена на то, чтобы отключить наш внутренний аналитический центр и запустить простую эмоциональную реакцию: страх, гнев, отвращение. Критическое мышление — это способность нажать на паузу в тот самый момент, когда эмоции захлестывают, и включить холодный свет разума. Это искусство задавать правильные

вопросы. Когда я беру в руки текст, подобный «Сектоведению», я не просто читаю его, я его допрашиваю. Кто это говорит? Какова его реальная компетенция? Не является ли он представителем конкурирующей идеологии, имеющим прямой интерес в дискредитации оппонента? На чем основаны его утверждения? Это проверяемые факты, ссылки на документы, данные исследований? Или это анонимные свидетельства, пересказы слухов и эмоциональные истории, которые невозможно верифицировать? Какова цель этого сообщения? Автор хочет меня проинформировать, дать объективную картину? Или он хочет меня напугать, убедить в своей правоте и мобилизовать на борьбу с «врагом»? Представлены ли альтернативные точки зрения? Дано ли слово тем, кого обвиняют? Учтены ли мнения независимых экспертов? Или автор создает для меня герметичный «тоннель реальности», где существует только его единственно верная позиция? Эти простые вопросы работают как фильтр, который моментально отсеивает пропагандистскую шелуху.

Критическое мышление также помогает вскрывать ключевые подмены, на которых построена вся антикультовая риторика. Я постоянно вижу, как происходит подмена научного анализа идеологической оценкой, когда личные убеждения автора, обернутые в наукообразную терминологию, подаются как объективное экспертное заключение. Или как происходит подмена критики вероучения на нападки на личность верующего, когда вместо теологических диспутов мы слышим уничижительные характеристики о «неудачниках» и «рабах». Но самая опасная подмена — это перевод религиозной жизни в уголовный лексикон. В этом мире духовный поиск становится «вербовкой», миссионерство — «навязчивым приставанием», пожертвование на нужды общины — «финансовым мошенничеством», а обретение новых убеждений, меняющих жизнь человека, — «контролем сознания» и «промыванием мозгов». Критическое мышление — это способность видеть эти подмены и называть вещи своими именами. Это и есть та самая иммунная система сознания, которая распознает чужеродный

вирус манипуляции и не дает ему захватить контроль над нашим восприятием реальности. Развивать в себе критическое мышление — значит брать на себя ответственность за собственное сознание, не позволяя никому превращать его в поле для своих манипуляций.

Второе противоядие, не менее важное, — это эмпатия. Дегуманизация — это ядро языка вражды. И самое мощное оружие против дегуманизации — это способность увидеть в другом живого человека. Эмпатия — это не согласие. Это не одобрение. Это простая способность мысленно поставить себя на место другого. Прежде чем повесить на кого-то ярлык «сектант» или «зомби», попробуйте на мгновение представить, что этот ярлык вешают на вас. На вашу семью, на ваши самые сокровенные убеждения, на то, что для вас свято. Представьте, что ваших родителей называют «биороботами», а ваш духовный поиск — «психическим расстройством». Что вы почувствуете? Боль, обиду, гнев, бессилие. Этот простой мысленный эксперимент — прививка от ненависти. Он заставляет нас помнить, что за любыми, даже самыми чуждыми и непонятными нам идеями, стоят люди. Люди со своими биографиями, со своими надеждами, страхами и своей болью. Невозможно одновременно сопереживать человеку и считать его «мусором». Эмпатия — это наш внутренний барьер, который не дает нам скатиться в варварство. И его нужно сознательно укреплять: интересоваться историями других, читать книги, смотреть фильмы, которые расширяют наше представление о мире, и просто разговаривать с теми, кто на нас не похож.

И наконец, третье — это гражданское мужество. Мужество защищать человеческое достоинство — не только свое, но и чужое. Противостоять ненависти не всегда легко и безопасно. Гораздо проще промолчать, когда при тебе кого-то оскорбляют. Проще пройти мимо, сделать вид, что не заметил. Проще не вступать в споры в социальных сетях, не портить отношения со знакомыми, которые транслируют язык вражды. Но именно из этого молчания и пассивности и произрастает большое зло. Мужество — это не героизм на баррикадах. Это маленькие, ежедневные поступки. Сказать «нет»,

когда вам предлагают посмеяться над кем-то. Вежливо, но твердо указать собеседнику, что нападки на личность недопустимы. Поддержать того, кого травят. Не распространять слухи и фейки. Это мужество мыслить самостоятельно, когда все вокруг поддались стадному чувству. Это мужество сопереживать, когда модно ненавидеть. На кону стоит нечто большее, чем наш личный комфорт. На кону стоит то, в каком обществе мы будем жить завтра.

Разобравшись в том, как работает яд, мы получаем знание о том, как создать противоядие. Мы видим, что выбор есть. Он есть у каждого из нас, каждый день, каждый час. Когда мы читаем новости, когда мы пишем комментарий в интернете, когда мы разговариваем с нашими детьми, когда мы общаемся с соседом. Мы либо подливаем масла в огонь страха и разделения, либо протягиваем руку для диалога. Мы либо строим стены, либо возводим мосты.

Будущее не предопределено. Оно не пишется в высоких кабинетах или на тайных совещаниях. Оно рождается из миллиардов этих маленьких, ежедневных, личных выборов. И эта книга — мой обращение ко всем, кто ее прочтет. Обращение делать этот выбор осознанно, смело и последовательно. В пользу диалога. В пользу человечности.

Источники и литература

1. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Sympathy for the devil: The anti-cult federation FECRIS and its support for Russian and Chinese repression of religion. The Journal of CESNUR, 6(3), 25–67. https://cesnur.net/wp-content/uploads/2022/05/tjoc_6_3_2_whitepaper.pdf

2. Cult Education Institute. Scholars say negative influence on society amplified by globalization. https://culteducation.com/group/1289-general-information/8103-scholars-say-negative-influence-on-society-amplified-by-globalization.html

3. Dvorkin’s totalitarian sect. Revival of Nazism. (2024, March 7). Exposing Anti-Cultism. Actfiles. https://actfiles.org/dvorkins-totalitarian-sect-revival-of-nazism/

4. EU Reporter. (2024, July 10). Anti-cult warrior: Dr. Steven Hassan. EU Reporter. https://www.eureporter.co/lifestyle/religion/2024/07/10/anti-cult-warrior%EF%BC%9A-dr-steven-hassan/

5. Evolkov.net. (2001, 23–25 апреля). Тоталитарные секты — угроза XXI века (материалы конференции). https://evolkov.net/cults/books/HassanS/Hassan.Releasing.the.Bonds.content.html#gsc.tab=0

6. Foref Europe. (2019, April 17). Russian neo-inquisitor Alexandr Dvorkin again charged with defamation. FOREF Europe. https://foref-europe.org/blog/2019/04/17/russian-neo-inquisitor-alexandr-dvorkin-again-charged-wit-defamation/

7. Gallagher, E. V., & Ashcraft, W. M. (2006). Introduction to new and alternative religions in America (5 vols.). Greenwood Press. https://bahai-library.com/pdf/g/gallagher_ashcraft_new_religions.pdf

8. Morton, J. (2020, July). The anti-cult movement and religious regulation in Russia and the former Soviet Union. U.S. Commission on International

Religious Freedom. https://www.uscirf.gov/publication/anti-cult-movement-and-religious-regulation-russia-and-former-soviet-union

9. Organization for Security and Co-operation in Europe. (2005, September 23). OSCE conference on anti-Semitism and and on other forms of intolerance. [PDF]. OSCE. https://www.osce.org/files/f/documents/c/f/16564.pdf

10. Scientology Religion. Background, theology and religious practice of Scientology. https://www.scientologyreligion.org/

11. Snow, R. L. (2003). Deadly cults: The crimes of true believers. Scribd. https://www.scribd.com/document/367875080/Deadly-Cults-The-Crimes-of-True-Believers-2003-Robert-Snow-pdf

12. The Journal of CESNUR. (2022, May–June). Volume 6, Issue 3 [PDF issue]. CESNUR. https://cesnur.net/wp-content/uploads/2022/05/tjoc_6_3_full_issue.pdf

13. Totalitarian sect rules Russia. Not for free. (2025, April 12). ActFiles.org. https://actfiles.org/totalitarian-sect-rules-russia/

14. whoISHwho.com. Steven Hassan PhD. https://www.whoishwho.com/my-whoishwho/Steven.Hassan.html?back=1

15. Wikipedia. Десять стадий геноцида. https://ru.wikipedia.org/wiki/Десять_стадий_геноцида

16. works.doklad.ru. Тоталитарная секта. https://works.doklad.ru/view/qdfelLGV4vQ.html?ysclid=mh4vmgdgfr764626485

17. Александр Дворкин и непосредственное насилие. Антикультовая организация CAN (Cult Awareness Network). Александр-Дворкин.ру. http://alexander-dvorkin.ru/can/

18. Александр Дворкин. Православие.Ru. https://pravoslavie.ru/83080.html

19. Артемьев, А.И. (2017, 12 мая). От терпимости – к гонениям, от веронетерпимости – к антикультизму. СОФІЯ. Гуманітарно-релігієзнавчий вісник, 2(9) 2017. https://journals.indexcopernicus.com/api/file/viewByFileId/615227

20. БелгородМедиа. (2021). Такая ТЕМА с Александром Дворкиным — Секты [Видео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=HDqbG2cJGOE

21. Библио TV. (2021). «Александр Дворкин: "История должна быть интересной". Беседу ведет Владимир Семёнов.» [Видео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=jjQTnGnZgWw

22. Дворкин, А. Л. Александр Дворкин. Радонеж.Ру. https://radonezh.ru/authors/dvorkin

23. Дворкин, А. Л. "Сектоведение. Тоталитарные секты". Азбука веры. https://azbyka.ru/otechnik/sekty/sektovedenie-totalitarnye-sekty/

24. Дорохов, А. (2006, 6 марта). Крах Александра Дворкина. Babr24.com. https://babr24.com/msk/?IDE=28297

25. Джумада ас-сани. (2017, 5 февраля). В Индии сожгли чучело эксперта Минюста РФ Александра Дворкина (ВИДЕО). ISLAM NEWS Информационное агентство России. https://islamnews.ru/v-indii-sozhgli-chuchelo-jeksperta-minjust

26. Джумада ас-сани. (2025, 17 апреля). Андрей Кураев: «Не больна ли Русская Православная Церковь тоталитарным сектантством». ISLAM NEWS Информационное агентство России. https://islamnews.ru/andrej-kuraev-ne-bolna-li-rpc-totalitarnym-sektantstvom

27. Единая Россия. (2012, 25 октября). Путин призвал усовершенствовать законы для контроля за сектами. https://er.ru/activity/news/putin-prizval-usovershenstvovat-zakony-dlya-kontrolya-za-sektami

28. Информационно-консультационный центр Св. Иринея Лионского. (2009, 10 октября). Он-лайн конференция А. Л. Дворкина в

Луганске. Iriney.ru. https://iriney.ru/sektyi-i-kultyi/sektovedenie/novosti-sektovedeniya/on-lajn-konferencziya-a.-l.-dvorkina-v-luganske.html

29. Информационно-консультационный центр Св. Иринея Лионского. (2017, 13 февраля). С. В. Кириенко и сайентология. Пресс-релиз РАЦИРС и ЦРИ св. Иринея Лионского. iriney.ru. https://iriney.ru/main/dokumentyi/s.-v.-kirienko-i-sajentologiya.-press-reliz-raczirs-i-czri-sv.-irineya-lionskogo.html

30. Информационно-консультационный центр св. Иринея Лионского. (2017, 2 декабря). Профессор ПСТГУ сделал доклад на конференции в Харбине. https://iriney.ru/main/novosti/professor-pstgu-sdelal-doklad-na-konferenczii-v-xarbine.html

31. Каледа, Г. (2012, 6 декабря). Введение в православную апологетику. Правмир. https://www.pravmir.ru/apologetika-znachenie/

32. Канал МПГУ. (2016, 7 апреля). Дворкин А.Л. «Тоталитарные секты и "цветные революции"». [Видео]. YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=4iyX1hDx4mY

33. Курганская епархия Русской Православной Церкви. (2021, 18 сентября). Александр Дворкин провёл в Правительстве Курганской области семинар по профилактике религиозного экстремизма. https://kurganvera.ru/news/konkurs/aleksandr-dvorkin-provel-v-pravitelstve-kurganskoy-oblasti-seminar-po-profilaktike-religioznogo-ekst/

34. Кантеров, И. «Деструктивные, тоталитарные» и далее везде. Библиотечная система. Международный университет природы, общества и человека "Дубна". https://lib.uni-dubna.ru/search/files/kult_kanterov/~kult_kanterov.htm

35. Максимова, Е. (2017, 3 февраля). В Дели демонстранты попросили Путина защитить интересы индуистов в России. Life.ru. https://life.ru/p/968826

36. Мгарский монастырь. (2009, 24 января). Александр Дворкин: «Иван Грозный не был великим правителем». https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol/841

37. Миссионерский отдел Новосибирской епархии. (2025, 26 марта). Лекции в Куйбышеве https://ansobor.ru/news.php?news_id=12464

38. Миссионерский отдел Новосибирской епархии. (2025, 25 марта). Семинар в СГУПС. https://ansobor.ru/news.php?news_id=12457

39. Миссионерский отдел Саратовской епархии. (2024, 24 сентября). Иностранным студентам Вавиловского университета рассказали о проявлениях терроризма и экстремизма. Миссия в Саратове. https://missiasar.ru/?p=1137

40. Миссионерский отдел Новосибирской епархии. Противодействие экстремизму. https://ansobor.ru/articles.php?id=358

41. Миссионерский отдел Новосибирской епархии. (2025, 28 марта). Встреча с представителем Национального антитеррористического комитета. https://ansobor.ru/news.php?news_id=12468

42. Миссионерский отдел Новосибирской епархии. (2025, 24 марта). Семинар в Коченёво. https://ansobor.ru/news.php?news_id=12455

43. Муравьев, А., Ситников, М. (2006, 24 июля). Кто есть Who. Александр Леонидович Дворкин: ходячая фальсификация. Babr24.com. https://babr24.com/?IDE=31534

44. Нефедова, М. (2010, 16 ноября). Александр Дворкин: настоящий хиппи. Правмир. https://www.pravmir.ru/aleksandr-dvorkin-nastoyashhij-xippi/

45. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ). (2021, 20 июля). Издательство Сретенского монастыря выпустило четырехтомник А. Дворкина «Хроники крестовых походов».https://pstgu.ru/monitoring-smi/izdatelstvo-sretenskogo-monastyrya-vypustilo-chetyrekhtomnik-a-dvorkina-khroniki-krestovykh-pokhodov/

46. Протестант. (2015, 27 марта). Изменение состава Экспертного совета при Минюсте РФ! https://www.protestant.ru/news/church/ofchrist/article/1122831

47. Савельева, С. (2019, 7 апреля). Мизулина боится сексуально возбужденных арестантов и требует запретить йогу. Babr24.com. https://babr24.com/msk/?IDE=187624

48. Скальский, А. (2013, 23 сентября). Дворкин apparatus. Критическая ситуация. Babr24. https://babr24.com/?IDE=118851

49. Смирнов, И. (2007, 23 января). «Сектоведение» по Александру Дворкину. Радио Свобода. https://www.svoboda.org/a/373830.html

50. Собор во имя святого благоверного князя Александра Невского. (2025, 27 марта). Лекции для педагогов [Новость]. Ансо-Бор. https://ansobor.ru/news.php?news_id=12467

51. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. (2016, 17 ноября). Е. Мизулина анонсировала разработку пакета «антисектантских» законов. Совет Федерации. http://www.council.gov.ru/events/news/73820/

52. Семенов, Л. (2009, 20 марта). Президент РАЦИРС профессор А. Л. Дворкин совершил деловую поездку в республику Казахстан. Миссионерский отдел Новосибирской епархии. https://ansobor.ru/news.php?news_id=217

53. Томская епархия. (2023, 6 ноября). Александр Дворкин: «Борюсь с сектами за сектантов». https://tomskeparhia.ru/newses/mitropolia/?id=2018

54. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ. (1997, 26 сентября). КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/

55. Фонд поддержки пострадавших от преступлений. (2012, 29 июня). Гранты 2012. https://fondpp.org/proekty/granty/g-2012/

56. Хассен, С. Освобождение от психологического насилия. Азбука веры. https://azbyka.ru/otechnik/sekty/osvobozhdenie-ot-psihologicheskogo-nasilija/

57. Эггерт, К. (2024, 29 февраля). Действует на опережение. Кураев о патриархе Кирилле и Кремле. DW. https://www.dw.com/ru/dejstvuet-na-operezenie-kuraev-o-patriarhe-kirille-i-kremle/a-68404063

58. Фонд президентских грантов. Проекты. Защита прав и свобод человека и гражданина от религиозного мошенничества, радикализма и экстремизма. https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=96561EBD-9D7C-4E8F-88E5-29FAC22B37EB

59. Хассэн, С. (2000). Освобождение от оков контроля сознания: Как восстановить и укрепить самостоятельную личность. Evolkov.net. https://evolkov.net/cults/confsem/totalit.sects.NN.2001.html

60. Школа Крёстных Нянь Калининградской митрополии. Урок 11. А что такое тоталитарная секта? PravMissia. https://www.pravmissia.ru/urok-11-a-chto-takoe-totalitarnaya-sekta/